Vilniaus universitetas
TARPTAUTINIŲ SANTYKIŲ IR POLITIKOS MOKSLŲ
INSTITUTAS

POLITIKOS MOKSLŲ BAKALAURO PROGRAMA

BARBORA BEINORAITĖ
IV kurso studentė

PRIVERSTI IŠVYKTI? BALTARUSIŲ, IMIGRAVUSIŲ Į LIETUVĄ PO 2020 M. BALTARUSIJOS PREZIDENTO RINKIMŲ, MOTYVACIJŲ ANALIZĖ

BAKALAURO DARBAS

Darbo vadovė: Rosita Garškaitė

Vilnius, 2022

Bakalauro darbo vadovo/ės išvados dėl darbo gynimo:

……

……

……

……

..... **……..** **…….**

(data) (v., pavardė) (parašas)

Bakalauro darbas įteiktas gynimo komisijai:

..... **.....**

(data) (Gynimo komisijos sekretoriaus/ės parašas)

Bakalauro/magistro darbo recenzentas/ė:

.....

(v., pavardė)

Bakalauro/magistro darbų gynimo komisijos įvertinimas:

……

Komisijos pirmininkas/ė:

Komisijos nariai:

BIBLIOGRAFINIO APRAŠO LAPAS

Beinoraitė B. Priversti išvykti? Baltarusių, imigravusių į Lietuvą po 2020 m. Baltarusijos prezidento rinkimų, motyvacijų analizė: Politikos mokslų specialybės bakalauro darbas / VU Tarptautinių santykių ir politikos mokslų institutas; darbo vadovas R. Garškaitė. – V., 2022. – 98.

Reikšminiai žodžiai*:* migracija, baltarusiai, migracijos motyvai, naratyvai, Baltarusijos prezidento rinkimai, priverstinė migracija.

Migracijos procesus nagrinėjančiuose tyrimuose vyrauja įsitikinimas, jog baltarusių migracija yra susijusi su ekonominiais motyvais. Vis dėlto 2020 m. Baltarusijos prezidento rinkimus sekusios precedento neturinčios represijos ir dėl to padidėjęs baltarusių politinio prieglobsčio poreikis Lietuvoje verčia abejoti akademinėje literatūroje nusistovėjusiu ekonominiu baltarusių migracijos aiškinimu. Tyrime remiamasi prielaida, jog migracijos motyvai gali būti įvairialypiai, apimantys institucijų kokybę, grėsmes asmens saugumui, ekonomiką ir migrantų tinklus. Pasitelkiant naratyvų analizę tyrime atskleidžiami baltarusių, atvykusių į Lietuvą po 2020 m. Baltarusijos prezidento rinkimų, migracijos motyvai.

Turinys

Įvadas 5
1. Teorinis pagrindas 10
2. Tyrimo metodologija 13
2.1. Interviu metodas, tyrimo dalyvių atranka ir sociodemografinės charakteristikos 14
2.2. Tyrimo eiga 15
2.3. Duomenų analizės metodas 16
3. Empirinė dalis 17
3.1. Institucijos ir ekonomika 17
3.2. Smurtas 20
3.2.1 Pasireiškęs ir užslėptas 20
3.1.2 Fizinis ir psichologinis 24
3.1.3 Negatyvus 27
3.1.4 Smurtą patiriantis subjektas 28
3.1.5 Tyčinis 30
3.3. Socialiniai ryšiai 31
Išvados 34
Priedas Nr. 1 36
Priedas Nr. 2 36
Priedas Nr. 3 36
Literatūros sąrašas 94
Summary 98

Įvadas

Tarptautinė migracija nėra naujas reiškinys. Jos mastams pasaulyje didėjant, atsiranda vis daugiau įrodymų, jog migracija yra susijusi su pasaulinėmis ekonominėmis, socialinėmis, politinėmis ir technologinėmis permainomis, kurios daro įtaką svarbiems viešosios politikos klausimams[1]. Šis procesas neaplenkia ir Lietuvos. Anot Žibo, Sovietų Sąjungos žlugimas, Lietuvos nepriklausomybės atkūrimas, tapimas Europos Sąjungos, o vėliau ir Šengeno erdvės nare turėtų būti laikomi svarbiausiais įvykiais, padariusiais didžiausią įtaką tarptautinės migracijos tendencijoms Lietuvoje[2]. Po 1990-ųjų tarprespublikinė imigracija į Lietuvą iš Baltarusijos, Ukrainos, Rusijos ir kitų posovietinių šalių tapo tarptautine. Šie tarptautinės migracijos keliai aktualūs ir šiomis dienomis – siekiantiems saugesnių ir patogesnių gyvenimo sąlygų Lietuva neretu atveju tampa migracijos tikslo šalimi.

2020 metais rugpjūčio 9 dieną įvykusius Baltarusijos prezidento rinkimus oficialiai paskelbtais duomenimis laimėjo ilgametis šalies prezidentas Aliaksandras Lukašenka. Tiesa, Lukašenka nebuvo pripažintas legitimiu šalies prezidentu – tarptautinė bendruomenė pasmerkė rinkimų rezultatus[3] ir pabrėžė, jog jų „nelaiko nei laisvais, nei sąžiningais“[4]. Su rinkimų rezultatais nesutiko ir dalis visuomenės, šalyje prasidėjo masiniai protestai, kurių malšinimui Baltarusijos riaušių policija (OMON) pasitelkė jėgą. Jungtinių Tautų Vyriausojo žmogaus teisių komisaro biuro paskelbtoje ataskaitoje pažymima, jog prieš protestų dalyvius ir kitus opozicinėje veikloje dalyvavusius asmenis buvo panaudota neproporcinga jėga, areštai, kankinimai, moterys ir vyrai susidūrė su smurtu lyties pagrindu, seksualine prievarta[5].

Reaguodama į protestus ir masinius žmogaus teisių pažeidimus Lietuva oficialiai išreiškė poziciją dėl pagalbos prieglobsčio prašantiems Baltarusijos piliečiams[6]. Į Lietuvą atvykstantiems Baltarusijoje persekiojimus patyrusiems asmenims buvo sudarytos iki šiol galiojančios palengvintos

---

[1] International Organization for Migration, *World Migration Report 2020,* Geneva, 2020, https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (žiūrėta 2022 kovo 30 d.).

[2] Karolis Žibas, *Kinų ir turkų imigrantai Lietuvoje* (Vilnius: Lietuvos socialinių tyrimų centras, 2014), 8.

[3] DW, „EU rejects Belarus presidential election result“, DW, žiūrėta 2022 kovo 30 d., https://www.dw.com/en/eu-rejects-belarus-presidential-election-result/a-54622050

[4] Europos Vadovų Taryba, *Ribojamosios priemonės Baltarusijai, Briuselis*, 2020, https://www.consilium.europa.eu/lt/policies/sanctions/restrictive-measures-following-the-2020-belarus-presidential-elections/ (žiūrėta 2022 balandžio 2 d.).

[5] Human Rights Council, *Situation of human rights in Belarus in the run-up to the 2020 presidential election and in its aftermath*, 2022, 1-18, https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G22/276/97/PDF/G2227697.pdf?OpenElement.

[6] Austėja Makarevičiūtė, Jurgis Verdickas, *Atsako į Europos migracijos krizę ir migracijos politikos pokyčių ES bei Lietuvoje 2015-2020 m. apžvalga,* (Vilnius: Rytų Europos studijų centras, 2020), 14, https://www.eesc.lt/wp-content/uploads/2020/12/RESC-migracijos-politika.pdf.

migracijos sąlygos. Užsienio reikalų ministerijos duomenimis, per metus nuo 2020 m. įvykusių Baltarusijos prezidento rinkimų baltarusiams buvo išduota virš 800 leidimų atvykti į Lietuvą ypatingais humanitariniais pagrindais[7]. Dėl Baltarusijoje patiriamų persekiojimų asmenys į Lietuvą atvyksta iki šiol[8].

Migracijos procesus nagrinėjantys mokslininkai sutaria, jog valstybės vykdomos plataus masto politinės represijos ir genocidas turi reikšmingos įtakos priverstinei migracijai. Viena pirmųjų priverstinės migracijos motyvus analizavusių studijų atskleidė, jog masinės politinės represijos ir dėl karo patiriamas smurtas sąlygoja didesnius migracijos srautus nei pavieniai pilietinių teisių pažeidimai[9]. Panašius tyrimo rezultatus parodė C. Davenport[10] bei W. H. Moore ir S. M. Shellman[11] analizės. Jose teigiama, kad genocidas ir politinės represijos padidina tiek priverstinės migracijos tikimybę, tiek išvykstančių žmonių mastą.

Nepaisant smurto ir žmogaus teisių pažeidimų, mokslininkai analizavo valstybės režimo pokyčio ir tarptautinės migracijos sąveiką. Nors C. Davenport tyrimas atskleidė, jog valstybės režimo pokytis sąlygoja migracijos srautus[12], E. Melander ir M. Öberg šiai hipotezei paramos neturėjo. Mokslininkų teigimu, režimo pasikeitimas sumažina priverstinių migrantų skaičių, tuo tarpu režimo griūtis – juos didina[13]. Svarbu paminėti, jog nuo valstybės politinio režimo priklauso ir imigracijos srautai – mokslininkai teigia, jog demokratijos sulauks didesnių pabėgėlių ir migrantų srautų už autokratines šalis[14].

Be politinių represijų ir smurto akademinėje literatūroje taip pat vyrauja ekonominis tarptautinės migracijos aiškinimas[15,16,17]. Tiesa, mokslininkai nesutaria dėl to, kaip ekonominiai

---

[7] Jūratė Skėrytė, „Vidaus reikalų ministrė: apribojus prieglobsčio prašymų pateikimo vietas humanitarinis koridorius liks“, LRT, žiūrėta 2022 balandžio 12 d., https://www.lrt.lt/naujienos/lietuvoje/2/1466191/vidaus-reikalu-ministre-apribojus-prieglobscio-prasymu-pateikimo-vietas-humanitarinis-koridorius-liks

[8] Šaltinis: Vilniaus arkivyskupijos *Caritas*.

[9] Susanne Schmeidl, „Exploring the causes of forced migration: A pooled time-series analysis“ *Social Science Quarterly* 78(2), 1997, p. 284-308.

[10] Christina Davenport, Will Moore ir Steven Poe, „Sometimes you just have to leave: Domestic threats and forced migration, 1964–1989.“ *International Interactions* Vol. 29, 2003, p. 27-55.

[11] Will H. Moore ir Stephen M. Shellman, „Refugee or Internally Displaced Person?: To Where Should One Flee“ *Comparative Political Studies* Vol. 39(5), 2006, p. 599-622.

[12] Davenport, Moore, Poe, *Sometimes you just have*, 27-55.

[13] Erik Melander ir Magnus Öberg, „Time to Go? Duration Dependence in Forced Migration“, *International Interactions* Vol. 32, 2, 2006, p. 129-152.

[14] Davenport, Moore, Poe, *Sometimes you just have*, 27-55.

[15] Francesc Ortega ir Giovanni Peri, *The causes and effects of international migrations: Evidence from OECD countries 1980-2005* (Cambridge: National Bureau of Economic Research (NBER), 2009).

[16] Ximena Clark, Timothy J Hatton, Jeffrey G Williamson. Explaining U.S. immigration 1971–1998 *The Review of Economics and Statistics* 89, 2 (2007): 359-373.

[17] Mathias Czaika, Mogens Hobolth, Do restrictive asylum and visa policies increase irregular migration into Europe? *European Union Politics* 17, 3 (2016): 345-365.

migracijos motyvai sąveikauja su prievartos motyvais. Van Hear *et al* teigia, jog individas gali būti paskatintas palikti gimtąją šalį dėl patiriamų persekiojimų, tačiau jo tikslo šalies pasirinkimas bus sąlygojamas šalies ekonominio išsivystymo[18]. Tuo tarpu M. Byrne pasiūlė alternatyvų požiūrį, kuriuo teigiama, jog ekonominiai motyvai nelemia tikslo šalies pasirinkimo[19].

Svarbu paminėti, jog baltarusių migraciją analizuojančioje literatūroje ekonominiai motyvai laikomi pagrindiniais tarptautinę migraciją skatinančiais veiksniais[20,21,22]. Tyrimai atskleidė, jog pagrindinės baltarusių migracijos kryptys yra susijusios su konkrečiais tikslais. Į Jungtines Amerikos Valstijas baltarusiai išvyksta su siekiu gauti nuolatinį leidimą gyventi, į Europos Sąjungos šalis pasirenkama migruoti dėl aukštesnio gyvenimo lygio, tuo tarpu į Rusijos Federaciją – dėl didesnių pajamų[23]. Atsižvelgdami į ekonominių, politinių įvykių ir migracijos procesų tendencijas mokslininkai teigia, kad Rusija gali tapti vienintele baltarusių migracijos kryptimi[24]. Svarbu paminėti, jog pagal šiuos tyrimus, daugiausia atliktus praėjusį dešimtmetį, didelę išvykstančių iš Baltarusijos asmenų dalį sudaro aukštąjį išsilavinimą turintys asmenys. Be to, maždaug trečdalis išvykstančių iš Baltarusijos asmenų neturi kvalifikacijos, o jų pagrindinis migracijos motyvas – aukštesnis darbo užmokestis[25].

Lietuvoje atliktų baltarusių migracijos motyvus analizuojančių tyrimų nėra gausu. K. Žibo atliktas tyrimas, kuriuo analizuojamos baltarusių, ukrainiečių ir rusų gyvenimo Lietuvoje patirtys, atskleidė, jog didelę įtaką minėtų imigrantų grupių tikslo šalies pasirinkimui lėmė ekonominės sąlygos, saugumas, didesnės galimybės pradėti verslą, mažesnės korupcijos apraiškos ir Lietuvos, kaip ES valstybės narės, statusas[26]. Be to, migracijos tinklai neturėjo įtakos migracijos motyvams – tyrimas parodė, jog siauri baltarusių, ukrainiečių ir rusų socialiniai ryšiai ir imigrantų organizacijų

---

[18] Nicholas Van Hear, Rebecca Brubaker ir Thais Bressa, „Managing mobility for human development: The growing salience of mixed migration“ *Human Development Research Paper* (2009).

[19] Maureen Byrne, *Determinants of forced migration: The varying effects of violence and economic conditions on Syrian refugee flight (*Baltimore, MD: Johns Hopkins University, 2016).

[20] Alexander Luchenok, Irina Kolesnikova, „Vliianie migratsionnykh potokov na sotsial′no- ekonomitseskiepokazateli Belarusi*“*, *Luchenok*, 2011, http://luchenok.blogspot.com/2011/09.

[21]E. Andreeva, „Из беларуси утекли и мозги и руки., *Naviny,* http://naviny.by/rubrics/economic/2012/09/19, cituota iš Ikka Liikanen, James W. Scott ir Tiina Sotkasiira, *The EU's Eastern Neighbourghood: Migration, borders and regional stability* (New York: Routledge, 2016).

[22] Gleb Shymanovich, Alexander Chubrik, *Predlozhenie rabochei sily v Belarusi: vyzovy dlia ekonomicheskoi politiki* (Minsk: RDP, 2013).

[23] Ten pat, 7.

[24] A.I Ambrazhevich, „Современные миграционные процессы в мире и Республике Беларусь“ *Белорусская наука* (2012): 40-46.

[25] Luchenok, Kolesnikova, 2011.

[26] Karolis Žibas, „Baltarusiai, rusai ir ukrainiečiai Lietuvoje: nuo imigrantų iki ateities piliečių“ *Etniškumo studijos* Nr. 1/2 (2012): 145-177.

nebuvimas nesukuria prielaidų kurtis nei neformaliai integracijos struktūrai, nei didesniam imigracijos tęstinumo potencialui[27,28,29,30].

Nors Žibo atliktas tyrimas atskleidė, jog socialiniai ryšiai nebuvo vienu iš į Lietuvą atvykusių baltarusių, ukrainiečių ir rusų migracijos motyvų, dalis užsienyje atliktų mokslinių tyrimų teigia, kad migrantų tinklai yra veiksnys, kuris ne tik palengvina, bet ir skatina tarptautinę migraciją[31]. F. Garip ir L. Asad atskleidė, jog migracijos tinklai turi įtakos migracijos procesui dėl kelių priežasčių. Pirmiausia, migracijos tinklai yra susiję su socialiniu palengvinimu, kai migracijos kelią pasirinkusiam asmeniui suteikiama naudinga informacija ir pagalba susirandant darbą ar būstą. Tokiu būdu yra sumažinamos migracijos išlaidos ir rizika. Be to, socialiniai ryšiai gali daryti įtaką potencialiems migrantams taikant socialinius apdovanojimus arba sankcijas[32]. E. Melander ir M. Öberg pateikė alternatyvų požiūrį – mokslininkų atliktas tyrimas parodė, jog socialiniai ryšiai ir ankstesnė migracijos patirtis migracijos tikimybę gali sumažinti[33]. Nepaisant to, akademinėje literatūroje esama plataus sutikimo, jog migracijos tinklai turi didelę įtaką migracijos sprendimams.

Akademiniuose tyrimuose plačiai analizuojama valstybės institucijų kokybės įtaka migracijos pasirinkimui. Tyrimai atskleidė, jog aukštesnį išsilavinimą turintys asmenys renkasi migruoti į šalis, kuriose esama gerai veikiančių institucijų[34,35]. Svarbu paminėti, jog nelegitymios institucijos[36,37] taip pat, kaip ir šalyje vyraujantis aukštas korupcijos lygis, daro įtaką asmens

---

27 Ten pat, 166.

28 Schmeidl, 1997, 284-308.

29 Davenport, Moore, Poe, *Sometimes you just have*, 27-55.

30 Joris Schapendonk, „Turbulent trajectories: African migrants on their way to the European Union“ *Societies* 2(2) (2012): 27-41.

31 Ten pat.

32 Filip Garip, Asad L. Asad, *Mexico–US migration in time: From economic to social mechanisms (Working Paper 67)*. (Oxford: International Migration Institute (IMI), 2013), 6-7.

33 Erik Melander ir Magnus Öberg, „Time to Go? Duration Dependence in Forced Migration“ *International Interactions* Vol. 32, 2 (2006): 129-152.

34 Graziella Bertocchi, Chiara Strozzi, „International migration and the role of institutions“ *Public Choice* 137 (1-2), (2008): 81-102.

35 Andreas Bergh, Irina Mirkina, Therese Nilsson, *Pushed by poverty or by institutions? Determinants of global migration flows: IFN Working Paper 1077* (Stockholm: Research Institute of Industrial Economics (IFN), 2015).

36 Yonatan Araya, „State fragility, displacement and development interventions“ *Forced Migration Review* 43 (2013): 63-65.

37 Charles Martin-Shields, Benjamin Schraven, Steffen Angenendt, *More development – more migration? The „migration hump“ and its significance for development policy co-operation with Sub-Saharan Africa, Briefing Paper* (Bonn: German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE), 2017).

apsisprendimui palikti kilmės šalį[38]. Be to, C. Dustmann ir A. Okatenko atskleidė, jog asmuo nenorės išvykti iš šalies, kurioje kokybiškai teikiamos paslaugos ir suteikiami gyvenimui reikalingi patogumai[39].

Vis dėlto akademinėje literatūroje esama ir mišrios migracijos aiškinimų. Mokslininkai teigia, kad migracijos motyvai gali būti nevienareikšmiai – dėl patiriamo persekiojimo, diskriminacijos ir žmogaus teisių pažeidimų paliekantys kilmės šalį asmenys gali bandyti pabėgti ir nuo sunkios ekonominės padėties, kuri taip pat gali skatinti konfliktus, persekiojimus, diskriminaciją ir žmogaus teisių pažeidimus[40]. Be to, konflikto metu migracijos pasirinkimams įtakos gali turėti tiek su konfliktu susiję, tiek nesusiję veiksniai. Mišrios migracijos motyvus analizavę kokybiniai ir kiekybiniai tyrimai parodė, jog vykstančių konfliktų metu asmenų migracijos motyvams turėjo įtakos tiek asmens saugumui kylančios grėsmės, tiek asmeninis apsisprendimas[41,42]

Tyrimo naujumas. Migracijos procesus nagrinėjančiuose tyrimuose vyrauja įsitikinimas, jog baltarusių migracija yra susijusi su ekonominiais motyvais. Vis dėlto 2020 m. Baltarusijos prezidento rinkimus sekusios precedento neturinčios represijos ir dėl to padidėjęs baltarusių politinio prieglobsčio poreikis Lietuvoje verčia abejoti akademinėje literatūroje nusistovėjusiu ekonominiu baltarusių migracijos aiškinimu. Iš to kyla šio darbo **probleminis klausimas** – kokie į Lietuvą po 2020 m. Baltarusijos prezidento rinkimų atvykusių baltarusių migracijos motyvai?

Tikslas. Išsiaiškinti baltarusių, atvykusių į Lietuvą po 2020 m. Baltarusijos prezidento rinkimų, migracijos motyvus.

Tyrimo uždaviniai*:*

1. Apžvelgti akademinėje literatūroje vyraujančius tarptautinės migracijos aiškinimus;
2. Surinkti tyrimui reikalingą medžiagą – po 2020 m. Baltarusijos prezidento rinkimų į Lietuvą atvykusių baltarusių migracijos patirčių naratyvus (susirasti ir atsirinkti tyrimo dalyvius, suformuoti klausimyną, atlikti pusiau struktūruotus giluminius interviu);
3. Pasitelkiant holistinę turinio analizę išanalizuoti surinktą kokybinę tyrimo medžiagą;
4. Remiantis naratyvų analize, atskleisti baltarusių migracijos motyvus.

---

[38] Marie Poprawe, „On the relationship between corruption and migration: Empirical evidence from a gravity model of migration“ *Public Choice*, 163(3) (2015): 352.

[39] Christian Dustmann, Anna Okatenko, „Out-migration, wealth constraints, and the quality of local amenities“ *Journal of Development Economics* Vol. 110 (2014): 52-63.

[40] Nicholas Van Hear, Rebecca Brubaker ir Thais Bressa, „Managing mobility for human development: The growing salience of mixed migration“ *Human Development Research Paper* (2009): 1.

[41] Hein de Haas, „Turning the tide? Why development will not stop migration“ *Development and Change* 38 (2007): 819-841.

[42] Pratikshya Bohra-Mishra, Douglas Massey „Individual decisions to migrate during civil conflict“ *Demography* 48(2) (2011): 401-424.

Darbo struktūra. Darbas suskirstytas į tris dalis. Pirmojoje darbo dalyje aprašomos teorinės šio tyrimo prielaidos, sudaromas teorinis tyrimo modelis. Antrojoje dalyje aprašoma tyrimo eiga, apžvelgiama tyrimo metodologija – kokybinis tyrimas taikant naratyvų analizės metodą. Trečiojoje – empirinėje dalyje atliekama pusiau struktūruotų giluminių interviu metu surinktos medžiagos analizė, kuria siekiama atskleisti pagrindinius baltarusių migracijos motyvus. Išvadose pateikiamos tyrimo įžvalgos.

1. Teorinis pagrindas

Migracija yra kompleksiškas reiškinys, kurio aiškinimui dažniausiai pasitelkiama ne viena teorinė prieiga. Siekiant atskleisti baltarusių migracijos motyvus, šio darbo teorinis modelis sudarytas remiantis Johan Galtung smurto tipais[43], Douglas S. Massey migracijos tinklų ir institucine migracijos teorija[44], Stephen Castles, Mark Miller neoklasikine ekonomikos teorija[45] ir Christina Davenport, Will Moore ir Steven Poe[46] bei Andreas Bergh, Irina Mirkina, Therese Nilsson[47] empirinių tyrimų prielaidomis (žr. pav. 1).

Migracijos motyvai nėra vienalyčiai, jie apima įvairius ekonominius, socialinius, politinius veiksnius. Van Hear *et al* teigia, jog sprendimų priėmimo procese migracijos motyvai gali būti mišrūs ir nulemti tiek prievartos, tiek asmeninio apsisprendimo[48]. Prasta ekonominė padėtis kilmės šalyje gali būti susijusi su konfliktais, asmenų persekiojimais, etnine diskriminacija ir nelegitimia valdžia. Šio darbo rėmuose svarbu pabrėžti, jog valstybė yra legitimi tiek, kiek jos piliečiai valstybę laiko teisėtai turinčią ir vykdančią politinę galią, tuo tarpu šalyje mažėjantis legitimumas yra tiesiogiai susijęs su masinėmis demonstracijomis ir politiniu smurtu[49]. Svarbu išskirti, jog politiniai protestai kyla ne tik dėl nepasitenkinimo politiniais lyderiais, tačiau ir politiniu režimu. Šis nepasitenkinimas gali būti siejamas su instituciniu neveiksnumu – korupcija, netinkamais viešosios

---

43 Johan Galtung, „Violence, Peace, and Peace Research“ *Journal of Peace Research* Vol. 6(3) (1969), 167-191.

44 Douglas S. Massey, Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino and J. Edward Taylor, „Theories of International Migration: A Review and Appraisal“ *Population and Development Review* Vol. 19(3) (1993).

45 Stephen Castles, Mark Miller, *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (New York: The Guilford Press, 2003).

46 Christina Davenport, Will Moore ir Steven Poe, „Sometimes you just have to leave: Domestic threats and forced migration, 1964–1989.“ *International Interactions* Vol. 29, 2003, p. 27-55.

47 Andreas Bergh, Irina Mirkina, Therese Nilsson, *Pushed by poverty or by institutions? Determinants of global migration flows: IFN Working Paper 1077* (Stockholm: Research Institute of Industrial Economics (IFN), 2015).

48 Van Hear, Brubaker ir Bressa, 2009, 1.

49 Bruce Gilley, „The Determinants of State Legitimacy: Results for 72 Countries“ I*nternational Political Science Review* Vol. 27, No.1 (2006): 48.

politikos sprendimais, nelegitimumu. A. Bergh *et al* atliktas tyrimas įrodė, jog prasta institucijų kokybė yra stumiamasis migracijos veiksnys[50].

Remiantis priverstinės migracijos procesus nagrinėjusių mokslininkų plėtotais teoriniais argumentais, potencialūs migrantai nuolat vertina aplinką ir iš jos gaunamą informaciją. Tokiu būdu asmenys vertina galimas grėsmes, formuoja ir persvarsto įsitikinimus apie asmeninį saugumą[51]. Tai reiškia, jog asmenų apsisprendimas pasilikti arba išvykti yra grindžiamas jų įsitikinimais ir vertinimais apie grėsmę asmeniniam saugumui. Siekiant atskleisti ir apibrėžti baltarusių smurtines patirtis, šiame darbe remiamasi sociologo, taikos ir konfliktų studijų pradininko J. Galtung išskirtu smurto apibrėžimu ir tipologizacija. Mokslininko teigimu, smurtas pasireiškia, kai asmenys yra veikiami tokiu būdu, jog jų tikroji somatinė ir psichinė realizacija yra žemesnė už potencialią[52]. Čia smurtas suprantamas kaip priežastinis skirtumas tarp potencialaus ir realaus, tarp to, kas galėjo įvykti ir to, kas įvyko[53]. Šiam darbui aktualūs penki Galtung išskirti smurto tipai ir skirtys[54]:

1. *Pasireiškęs ir užslėptas.* Nepriklausomai nuo to, ar pasireiškęs (angl. *manifest*) smurtas yra asmeninis, ar struktūrinis, abiem atvejais yra matomas. Tuo tarpu užslėptas (angl. *latent*) smurtas gali atsirasti bet kuriuo metu. Asmeninio smurto atveju tai reikštų situaciją, kurioje maža problema gali sukelti didelius žudymus ir žiaurius nusikaltimus, ką dažnai matome rasinėse kovose.
2. *Fizinis ir psichologinis.* Fizinis smurtas apibrėžiamas kaip siekis sužaloti asmenis somatiškai ir toks smurtas yra skirstomas į (1) biologinį, kuris sumažina somatinius asmens pajėgumus ir (2) „fizinį kaip tokį“, kuriuo asmuo yra įkalinamas ar kitais būdais apribojamas jo mobilumas. Tuo tarpu psichologiniu smurtu siekiama sumažinti asmens psichines galimybes. Į asmens psichiką nukreiptas smurtas apima tokias priemones kaip grasinimai, smegenų plovimas, indoktrinacija.
3. *Negatyvus.* Asmeniui gali būti daroma įtaka jį baudžiant už veiksmus, kuriuos įtaką darantis subjektas laiko nepageidautinu elgesiu. Šis veiksmas yra laikomas smurtu, nes tokiu būdu asmeniui gali būti užkirstas kelias realizuoti savo potencialą.
4. *Ar yra objektas, kuris patyrė smurtą.* Šis smurto tipas apibrėžiamas per smurto galimybę – asmuo patiria smurtą vien dėl to, jog esama grėsmės patirti fizinį ar psichologinį smurtą.

---

[50] Bergh, Mirkina, Nilsson, *Pushed by poverty or by institutions? Determinants of global migration flows: IFN Working Paper 1077*, 21.

[51] Davenport, Moore, Poe, *Sometimes you just have*, 31–32.

[52] Johan Galtung, 1969, 168.

[53] Ten pat.

[54] Ten pat, 169.

Kuomet mėtomi akmenys ar išbandomas branduolinis ginklas, dėl to niekas gali nenukentėti, tačiau išlieka fizinio ir psichinio smurto grėsmė. Ši smurto forma glaudžiai susijusi su psichologinio smurto apraiškomis, nes yra sąlygojama žmogaus veiksmų.

5. *Tyčinis.* Iki šiol aprašytose smurto skirtyse buvo atliepiamos smurto pasekmės, tuo tarpu šia skirtimi siekiama išsiaiškinti kaltuosius, todėl kreipiamas dėmesys ne į pasekmes, tačiau į atliktų veiksmų intencijas.

Be to, siekiant atskleisti baltarusių migracijos motyvus, šiame darbe remiamasi migracijos tinklų teorija. Migracijos tinklų teorija apima tarpasmeninius migrantų, jų šeimų, giminių, draugų ir kitų migracijos procese dalyvaujančių veikėjų socialinius ryšius, kurie sujungia individus ir organizacijas tikslo, tranzito ir kilmės šalyse į migracijos tinklą[55]. Migracijos tinklai padidina tarptautinės migracijos tikimybę dėl galimiems migrantams sukuriamų mažesnių išlaidų ir rizikų[56]. Tokiu atveju migracijos procesui turi įtakos socialinis palengvinimas – migracijos tinkle esantys individai, bendruomenės ar organizacijos suteikia naudingos informacijos ir paramos, reikalingos susirastą darbą, būstą ir kt. Migrantai sumažina išlaidas ir rizikas kilmės šalyje likusiems draugams ir artimiesiems, kurie dėl turimos informacijos gali būti skatinami pasirinkti emigracijos kelią. Tokiu būdu migracija tampa savaime besitęsiančia, nes kiekvienas migracijos veiksmas sukuria socialinę struktūrą, reikalingą jai palaikyti. Čia tampa svarbus institucinis aspektas, kuris yra įtvirtintas institucinėje migracijos teorijoje. Organizacijos siekia paremti, palaikyti tarptautinę migraciją, todėl tarptautinis migrantų srautas tampa vis labiau institucionalizuotas[57]. Tokiu būdu kuriasi nuo valstybės vykdomos politikos nepriklausoma neformali migrantų integracijos infrastruktūra, kuri susideda iš įvairių institucijų ir individų socialinių ryšių tinklų[58].

Analizuojant baltarusių migracijos ypatumus šiame darbe remiamasi ne tik socialinėmis, tačiau ir ekonominėmis migracijos teorijomis. Remiantis neoklasikine ekonomikos teorija, tarptautinę ir vidinę migraciją sukelia geografiniai darbo pasiūlos ir paklausos skirtumai[59]. Šiame darbe baltarusių migracijos motyvai bus analizuojami atsižvelgiant į makroekonominį ir mikroekonominį neoklasikinės teorijos modelius. Makroekonominis modelis akcentuoja, jog tarptautinė migracija yra nulemta skirtingų darbo užmokesčių tarp skirtingų šalių. Pajamų skirtumui

---

[55] Žibas, 2012, 150.

[56] Douglas S. Massey, Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino and J. Edward Taylor, „Theories of International Migration: A Review and Appraisal“ *Population and Development Review* Vol. 19(3) (1993): 448.

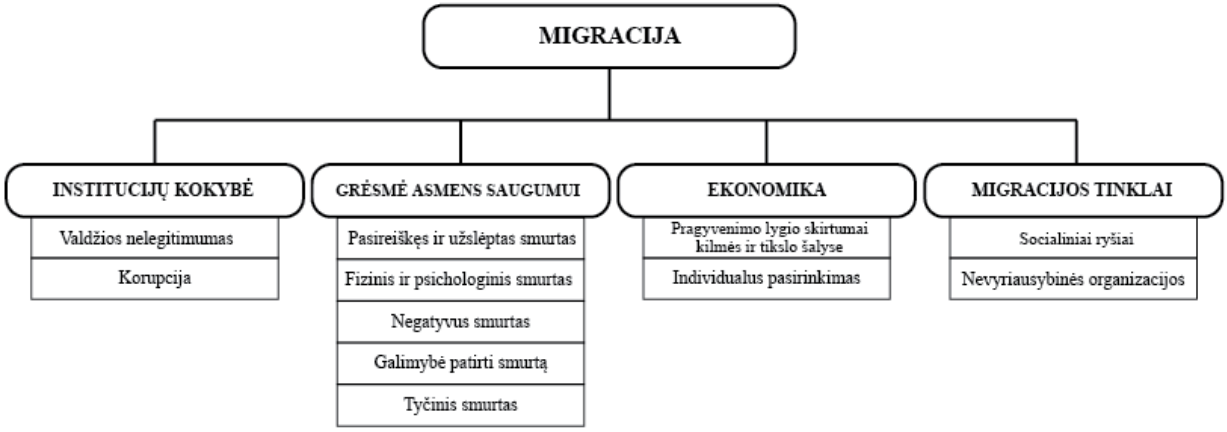
[57] Massey et al, 1993, 451.

[58] Žibas, 2012, 150.

[59] Massey et al, 1993, 433.

tarp valstybių sumažėjus, individui nebėra paskatos migruoti, todėl migracijos mastai taip pat mažėja. Tuo tarpu mikroekonominis modelis teigia, jog kiekvienas individas pats sprendžia, kaip prisitaikyti prie situacijos ir veikia atsižvelgdamas į individualią sąnaudų ir naudos analizę. Jeigu nauda viršija sąnaudas, asmuo apsisprendžia migruoti[60]. Šiame darbe makroekonominiu modeliu bus analizuojamas tyrime dalyvavusių asmenų ekonominės situacijos vertinimas kilmės ir tikslo šalyse. Neoklasikinė migracijos teorija akcentuoja migracijos kilmę, todėl šioje analizėje atsižvelgiama ir į baltarusių asmenines ekonomines, socialines pozicijas kilmės šalyje. Migracijos prielaidų, ekonominių ir socialinių pozicijų palyginimas leidžia apibūdinti aplinką, kurioje buvo priimtas sprendimas migruoti[61].

1 pav. Teorinis modelis

Šaltinis: sudaryta autorės (pagal Galtung, 1969; Massey, 1993; Castles ir Miller, 2003; Davenport et al, 2003 ir Bergh et al, 2015).

2. Tyrimo metodologija

Siekiant atskleisti baltarusių migracijos motyvus buvo atliekamas kokybinis tyrimas taikant naratyvų analizės metodą. Remiantis B. Czarniawska, tai yra metodas, kur „naratyvas yra suprantamas kaip rašytinis ar sakytinis tekstas, kuris apibūdina įvykį/veiksmą arba chronologiškai susijusių įvykių/veiksmų seką“[62]. Individas pasakoja arba parašo įvykius remdamasis savo

[60] Castles, Miller, *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*, 2003.
[61] Žibas, 2012, 149.
[62] Barbara Czarniawska, *Narratives in Social Science Research*, (London: SAGE, 2004), 7.

subjektyvia patirtimi, todėl tyrėjas gali pažvelgti į įvykius iš vidaus, įsigilinti į išgyventas ir istorijomis papasakotas patirtis[63]. Šis tyrimo metodas pasirinktas dėl to, kad naratyvai sudaro sąlygas suprasti žmonių išgyvenimus ir jų turinį, jais suteikiamas holistinis požiūris į migrantų patirtis[64].

2.1. Interviu metodas, tyrimo dalyvių atranka ir sociodemografinės charakteristikos

Atliekant kokybinį tyrimą buvo taikomas pusiau struktūruoto giluminio interviu metodas. Pusiau struktūruotas interviu yra vienas plačiausiai kokybiniuose tyrimuose taikomų empirinių duomenų rinkimo metodų, kurį migracijos mokslininkai laiko svarbia priemone atskleisti migracijos patirtis[65]. Nors jo struktūra gali kisti priklausomai nuo besiklostančios situacijos, pokalbių metu gilinamasi į iš anksto išskirtus probleminius klausimus[66]. Kiekvieno informanto patirtis yra skirtinga, todėl pusiau struktūruoto interviu metodo pasirinkimą lėmė lankstumo poreikis, kada reaguojant į realaus interviu eigą sudaromos sąlygos keisti užduodamų klausimų tvarką, formuluotes ir spontaniškai kelti papildomus klausimus. Be to, šis tyrimo metodas leido atskleisti netikėtus, iš anksto nenumatytus tiriamos problemos aspektus, suvokti informantų patirtis[67].

Kokybiniuose tyrimuose dominuoja indukcinė logika, kitaip tariant, teorija yra kuriama iš surenkamų tyrimo duomenų[68]. Šiame tyrime laikomasi indukcinės-dedukcinės logikos, kai interviu klausimynas buvo sudaromas pilnai neapibrėžus teorinių prieigų, tačiau atlikus teorinę ankstesnių migracijos motyvus atskleidusių tyrimų analizę. Siekiant atskleisti baltarusių migracijos patirtis pusiau struktūruotuose interviu buvo naudojamas klausimynas su atvirais klausimais (Priedas nr. 1). Prieš atliekant interviu buvo išsikeltos tyrimo gairės, pagal kurias tiriamiesiems buvo užduodami klausimai, susiję su jų socioekonominiu statusu, ekonomine padėtimi kilmės šalyje, (ne)dalyvavimu politinėje veikloje ir kt. Pokalbių metu klausimų struktūra bei jų pateikimo eiga keitėsi priklausomai nuo pokalbio eigos.

Tyrimo imtis buvo sudaryta remiantis netikimybiniais atrankos metodais – tiksline atranka ir „sniego gniūžtės“ metodu. Tikslinė atranka vykdoma tada, kai tyrėjas renkasi imtį,

---

63 John W. Creswell, Cheryl N. Poth, *Qualitative inquiry and research design: choosing among five approaches* (London: SAGE, 2018), 70-71.

64 Hélène Syed Zwick, „Narrative analysis of Syrians, South Sudanese and Libyans transiting in Egypt: a motivation-opportunity-ability approach“ *Journal of Ethnic and* Migration Studies (2020): 2223-2244.

65 Inga Gaižauskaitė, Natalija Valavičienė, *Socialinių tyrimų metodai: kokybinis interviu* (Vilnius: Mykolo Riomerio universitetas, 2016), 21.

66 Ten pat, 11.

67 Ten pat, 10.

68 Ten pat, 14.

atsižvelgdamas į konkretų tikslą, remdamasis tam tikrais kriterijais arba sprendimais[69]. Šiame tyrime informantai buvo atrenkami pagal tai, kada atvyko į tikslo šalį – buvo kalbinami baltarusiai, kurie į Lietuvą atvyko nuo 2020 metais įvykusių Baltarusijos prezidento rinkimų kampanijos pradžios. Be to, atsirenkant tyrimo dalyvius buvo stengiamasi išlaikyti panašų abiejų lyčių dalyvių skaičių tam, kad būtų atskleistos tiek moterų, tiek vyrų migracijos patirtys. Svarbu paminėti, jog ne visi baltarusiai sutikdavo pakalbėti, nepasirodydavo net ir sutarus tikslią pokalbio datą ir laiką. Dėl to šiame darbe buvo taikomas „sniego gniūžtės“ metodas, kuris parankus tiriant sunkiai prieinamas, uždaras grupes[70]. Iš viso buvo atlikta 12 pusiau struktūruotų interviu 2021 metų kovo-balandžio mėnesiais. Informantų skaičius tyrimo pradžioje nebuvo griežtai apibrėžtas, todėl duomenys buvo rinkti tol, kol pradėjo kartotis ir buvo pasiektas „prisotinimas“. Priede Nr. 2 pateikiamos tyrime dalyvavusių baltarusių sociodemografinės charakteristikos.

Tyrimo metu išryškėjo skirtingi informantų įsitraukimo į opozicinę veiklą mastai. Todėl buvo išskirti trys įsitraukimo į opozicinę veiklą lygiai: labai įsitraukęs (informantas dalyvavo protestuose, politinių kampanijų organizavime, agitavo socialiniuose tinkluose), vidutiniškai įsitraukęs (informantas dalyvavo protestuose, agitavo socialiniuose tinkluose) ir mažai įsitraukęs (informantas balsavo Baltarusijos prezidento rinkimuose, tačiau nevaikščiojo į protestus, aktyviai neagitavo socialiniuose tinkluose).

Dauguma tyrime dalyvavusių asmenų į opozicinę veiklą buvo įsitraukę labai arba vidutiniškai. Didžioji dalis jų turi aukštąjį išsilavinimą ir save priskiria prie aukštesnes pajamas gaunančių asmenų socialinės grupės. Tai gali būti susiję su tuo, jog migracijos kelią dažniau renkasi asmenys, turintys didesnes pajamas[71]. Be to, šio tyrimo ribotumas susijęs su informantų amžiaus pasiskirstymu. Dauguma kalbintų baltarusių buvo jauno arba vidutinio amžiaus, kam įtaką galėjo padaryti tai, kad jaunesni žmonės yra labiau linkę dalyvauti protestuose.

2.2. Tyrimo eiga

Pirmasis tyrimo iššūkis buvo informantų paieška. Pirmiausia buvo kreiptasi į Lietuvoje veikiančias baltarusių nevyriausybines organizacijas (NVO). Su didžiąja dalimi organizacijų nepavyko susisiekti, kai kurių NVO atstovai pranešė, kad neturi kontaktų su baltarusiais, kurie į Lietuvą atvyko po Baltarusijos prezidento rinkimų. Ieškant skirtingų būdų, kaip susiekti su

---

[69] Liudmila Rupšienė, *Kokybinio tyrimo duomenų rinkimo metodologija*, (Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2007), 21.

[70] Gaižauskienė, Mikėnė, *Socialinių tyrimų metodai: apklausa*, 10.

[71] Clare Cummings, Julia Pacitto, Deletta Lauro, Marta Foresti, *Why people move: Understanding the drivers and trends of migration to Europe* (London: Overseas Development Institute (ODI), 2015), 1-29.

atvykstančiais baltarusiais, socialinio tinklo „Facebook“ paskyroje tyrimo autorė pastebėjo, kad baltarusiai renkasi į skirtingose Vilniaus vietose VšĮ „Dapamoga“ organizuojamas palaikymo akcijas, žygius, taikius protestus prie Baltarusijos Respublikos, Rusijos Federacijos ir kitų valstybių ambasadų Lietuvoje.

Į pirmąją palaikymo akciją tyrimo autorė nuvyko dar 2021 metų sausio mėnesį, o pirmieji ne pilotiniai interviu buvo atlikti tik po mėnesio aktyvaus įsitraukimo į baltarusių organizuojamas veiklas. Tai susiję su dar vienu šio tyrimo iššūkiu – nepaisant to, jog baltarusių organizuojamuose protestuose ir pan. buvo stengiamasi dalyvauti reguliariai, potencialūs informantai į tyrimo autorę nuolat žvelgė su dideliu įtarumu. Kiekvieną kartą į protestą susirinkę baltarusiai, ką tik atvykę į Lietuvą, ne tik dėkodavo už išreiškiamą palaikymą baltarusių tautai, bet ir klausdavo, ar tyrimo autorė nėra Rusijos ar Baltarusijos siųsta specialiųjų tarnybų darbuotoja. Dėl to tyrimo pradžioje buvo apsispręsta tik stebėti ir dalyvauti, su galimais informantais bendrauti neformaliai. Tai sudarė sąlygas įgyti informantų pasitikėjimą, sukaupti daugiau informacijos ir geriau įsigilinti į informantų išgyvenimus.

Dauguma duoti interviu sutikusių informantų baiminosi dėl šalyje vyravusios epidemiologinės situacijos, todėl 8 iš 12 interviu vyko nuotoliniu būdu pasitelkiant „Telegram“ arba „Viber“ programėles. Pasitaikydavo atvejų, kai pakalbėti sutikę informantai nepranešdavo, jog interviu dalyvauti negali ir jame nepasirodydavo. Visi interviu vyko rusų kalba. Trumpiausias interviu truko apie pusvalandį, ilgiausias – apie dvi valandas. Prieš pradedant pokalbį visi tyrimo dalyviai buvo informuojami apie tyrimo tikslus, buvo patikinama dėl gautos informacijos konfidencialumo. Interviu buvo pradedami tik tuo atveju, jei buvo gaunamas sutikimas dalyvauti tyrime. Visi pokalbiai buvo įrašinėjami diktofonu. Interviu metu neretu atveju buvo pasakojamos informantui skaudžios patirtys, todėl buvo stengiamasi informantų neskubinti ir neįsiterpinėti į tylos pauzes. Viso tyrimo metu buvo rašomas tyrimo dienoraštis, kuriame pažymėtos pastabos buvo naudojamos atliekant tyrimo duomenų analizę.

2.3. Duomenų analizės metodas

Surinkta tyrimo medžiaga buvo analizuojama Amia Lieblich *et al*[72] pasiūlytu holistiniu turinio analizės (angl. *holistic content analysis*) metodu. Anot mokslininkės, šis metodas iš kitų

[72] Amia Lieblich, Rivka Tuval-Mashiach, Tamar Zilber, *Narrative research: Reading, analysis, and interpretation* (New York: Sage Publications, Inc., 1998), 13.

naratyvų analizės metodu išsiskiria tuo, jog yra „skaitomas širdimi“[73]. Kitaip tariant, tekstas nėra skirstomas į atskiras dalis, bet yra skaitomas iš esmės. Holistinis turinio analizės metodas buvo pasirinktas dėl galimybės analizuoti teksto visumą išskiriant pagrindines jo temas. Ištranskribuoti interviu buvo skaitomi daug kartų, kol skirtinguose interviu išryškėjo pasikartojančios temos. Skaitant kiekvieną interviu pastraipą buvo pasižymimos pirminės mintys ir tik vėliau buvo išsiskiriami naratyvai. Be to, buvo kreipiamas dėmesys į panašią reikšmę turinčius skirtinguose interviu vartotus žodžius. Tekstai su tais pačiais žodžiais buvo sugrupuoti ir jiems priskirta tema.

Svarbu pabrėžti, jog naratyvas pats savęs nepaaiškina, jį reikia interpretuoti[74]. Interpretacija atliekama stengiantis sukurti vientisą tekstą, kuriame būtų atliepiami autentiški tiriamųjų požiūriai. Atkreiptas dėmesys į tai, kaip informantai dėliojo įvykius savo pasakojimuose, kokias reikšmes juose pabrėžia ar kas nutylima.

3. Empirinė dalis

3.1. Institucijos ir ekonomika

Analizuojant naratyvus išryškėjo informantų nepasitenkinimas Baltarusijos valdymu, 2020 m. prezidento rinkimų eiga bei jų rezultatais. Absoliuti dauguma tyrimo dalyvių teigė, jog 2020 m. gegužės 9 d. įvykę Baltarusijos prezidento rinkimai buvo suklastoti. Išsakydama savo poziciją rinkimų atžvilgiu informantė nr. 6 neslėpė nusivylimo:

„Dėka skaitmeninių platformų ir to, ką man teko matyti gyvai, kai žmonės ėjo su baltomis apyrankėmis ir kiek mūsų buvo daug, aš tikrai žinau ir tikiu, kad šie rinkimai buvo sufalsifikuoti ir tai yra siaubinga, kad tu savo šalyje neturi balso teisės“.[75]

Tyrimo dalyviai neigiamai vertina Baltarusijos valstybines institucijas, kurios, anotinformantų, tarnauja vieno asmens naudai. Būtent A. Lukašenkos asmenybės įtaka per visą jo valdymo laikotarpį yra siejama su įstatymų nebuvimu, dideliais korupcijos mastais šalyje ir valstybės socioekonominėmis problemomis. Daugelis tyrimo dalyvių išskiria įstatymų nebuvimą kaip opiausią, per 26-ius metus įsišaknijusią, problemą, balansuojančią ant absurdo ribos.

„Pagrindinė problema, kad šalyje nėra įstatymų. Dėdė iš didžiosios tribūnos pasakė, kad kartais ne iki įstatymų. Tai yra, jų tiesiog nėra. <...> Situacija tokia absurdiška, kad už žmonių

---

[73] Gabriela Spector-Mersel, „Special issue: Multiplicity and commonality in narrative interpretation“ *Narrative works: issues, investigations & interventions* 4(1) (2014): 12.

[74] Catherine Kohler Riessman, *Narrative Methods for the Human Sciences* (Boston: SAGE, 2008).

[75] Informantė nr. 6

nužudymus, sunkius nusikaltimus duoda mažiau nei už politiškai motyvuotus. <...> Žmonės nejaučia palaikymo, jokios apsaugos.“[76]

„Mūsų pagrindinė problema – žmogus, kuris nepaleidžia valdžios, jos laikosi 26 metus. Manau, kad mūsų šalis galėjo būti kur kas labiau išsivysčiusi, jei ne šie 26 metai stagnacijos. Manau, kad <...> sistema yra ant tiek supuvusi, kad nėra jokio teisėtumo. Teismai dėl netikrų bylų, žmones dėl kažkokių išgalvotų dalykų meta į kalėjimus, korupcija. Manau, kad dabar įstatymų apskritai nėra <...>.“[77]

Informantų pasisakymuose kritikuojamas šalies valstybinių institucijų neveiksnumas. Pasak jų, valdžia panaudoja svarbius valstybės išteklius savo įtakos palaikymui. Tai yra daroma socialines paslaugas teikiančių institucijų ir civilinių infrastruktūros objektų sąskaita. Tyrimo dalyvių pasakojimai atskleidžia, kad Baltarusijos valdžia nesirūpina savo piliečių socialine gerove, neatliepia jų poreikių, visus resursus skirdama jėgos struktūrų išlaikymui: *„Valstybei viskam pritrūks pinigų, bet jie iki paskutinio rems OMON, miliciją, kariuomenę, kad išlaikytų... parodytų savo galią.“*[78] Minske valdžios aplaidumas pasiekė tokį lygį, kad informantas nr. 8 prilygino jį humanitarinei katastrofai:

„Pas mus kiekvieną dieną kažkas sulūžta... tai rajone nutrūko elektra, tai vanduo, žmonės liko be šildymo <...>.galima sakyti humanitarinės katastrofos, kai ketvirtadalis Minsko liko be vandens <...>. Žmonės iš kitų rajonų vežė šitą geriamą vandenį, kad... nes miestas net negalėjo aprūpinti žmonių geriamuoju vandeniu. Vasarą buvo karšta ir žmonės net negalėjo nusiprausti <...>. Pas mus labai greitai infrastruktūra... pasirodo susidėvėjusi <...> privedė infrastruktūrą iki to, kad kiekvieną dieną kažkas lūžta, prasiveržia kažkokiu neįtikėtinu tempu.“[79]

Tyrimo dalyviai nurodo, kad Baltarusijoje įsigalėjusi korupcija, kurią palaiko valdžios struktūros. Valdžios išlaikymui yra pasitelkiamos valstybei pavaldžios įmonės, jų lėšos yra pasisavinamos. Informantė nr. 5, anksčiau dirbusi valstybinėje įmonėje, atvirai kaltina A. Lukašenką šalies vagyste:

„<...> Ekonomikos srityje didelės problemos, tai susiję su dabartiniu neteisėtu prezidentu, nes jis apiplėšinėja šalį ir šita šalies vagystė yra netgi atvira, niekas nieko su tuo negali padaryti. Jis parduoda šalį. taip pat atvirai, nieko nebijant. Visų valstybinių įmonių pajamos nuo 50 iki 70 procentų siunčiamos į prezidento fondą. Tai yra, į Lukašenkos kišenę. Ir tai legalu. Na, kaip legalu?

---

[76] Informantas nr. 2.
[77] Informantė nr. 7.
[78] Informantas nr. 8.
[79] Informantas nr. 8.

Pagal Konstituciją tai neteisėta, bet Lukašenka daug metų atgal įvedė prezidento fondą ir įpareigojo visas įmones nuo 50 iki 70 procentų pajamų siųsti į prezidento fondą.“[80]

Korupcija pasireiškia ir valdžios palankumu tam tikroms žmonių grupėms. Asmenys, pritariantys A. Lukašenkos režimo politikai ir turintys gerą santykį su valdžios atstovais gauna daugiau privilegijų negu kiti Baltarusijos gyventojai. Tuo tarpu žmonėms, neturintiems tokių ryšių, „neįmanoma kvėpuoti” – labai sudėtinga atidaryti savo verslą, išsirinkti mokyklas ir darželius vaikams ir kt. Valdžia atsižvelgia tik į privilegijuotų žmonių interesus, nepaisydama kitų piliečių teisių ir gerovės. Kaip pasakoja informantė nr. 1, žmonės dėl to gali netekti net nuosavų namų.

„<...> Pas mus miesto valdžia gali visiškai ramiai tiesiog atimti iš žmonių namus, kuriuose jų šeima gyveno šimtą metų dėl to, nes pas juos atėjo kietas arabų, serbų ar kažkoks kitoks statybų rangovas. Nu, nesvarbu, kas pirtyje su Lukašenka maudėsi, pasakė „aš noriu čia pastatyti trisdešimties aukštų daugiabutį, pakenkti miesto aplinkai, uždirbti sau didelius turtus, o šitie tarakoniukai (aut. – asmenys, iš kurių buvo atimti namai) tiesiog sumokės, nu ir šaunu, gyvens sau skruzdėlyne“. <...> šiuo pavyzdžiu supratau, kad jog Baltarusijoje išvis neveikia jokia piliečių apsauga.“[81]

Prasta institucijų kokybė ir didelis korupcijas mastas yra glaudžiai susiję su bendru ekonominiu šalies išsivystymu. Tyrimo dalyviai buvo linkę išskirti žemą pragyvenimo lygį Baltarusijoje, mažas algas, gerų darbo vietų trūkumą. Įdomu, kad nepasitenkinimas Baltarusijos ekonomine sistema būdingas ir didžiausias pajamas gaunantiems informantams:

„Per rinkimus pažiūrėjau uždarbio statistiką <...> man atrodo, pagal Europos matavimus mano atlyginimas mažas, nors mano alga įeina į 5 procentus didžiausių atlyginimų Baltarusijoje ir suprantu... blyn, kaip tie žmonės išgyvena? Kai per mėnesį išleidžiu daugiau pinigų nei 60 procentų turi per mėnesį visai šeimai, ten jie leidžia trims žmonėms, visai nesuprantu.“[82]

Informantai išreiškė susirūpinimą ne tik savo materialine gerove, tačiau reflektavo ir gilesnes sistemines socioekonomines problemas. Šalies ekonominė padėtis neretu atveju lyginama su Europos Sąjungos šalių ekonomikomis. Daugelis žmonių, jau pasitraukusių iš Baltarusijos, savo migracijos tikslo šalimis rinkosi būtent Europos Sąjungos šalis. Ne vienas tyrimo dalyvis įvardijo, kad dėl aukštesnio pragyvenimo lygio ir pats norėtų gyventi išsivysčiusioje Europos šalyje:

---

[80] Informantė nr. 5.

[81] Informantė nr. 1.

[82] Informantas nr. 8.

„<...> Pas mus pirmiausiai, ganėtinai žemi atlyginimai, net ir pas gydytojus ar mokytojus, tokios profesijos, mano manymu, to neturėtų būti šiuolaikinėje europinėje valstybėje. <...> Pas mus mažos socialinės išmokos, problemų iš esmės yra daug ir dauguma žmonių, kurie iki tol išvažiuodavo, jie iš esmės išvykdavo dėl žemo pragyvenimo lygio <...>.“[83]

„<...> Europos Sąjungos šalys yra labiau išsivysčiusios, tai yra, norėčiau labiau gyventi europietiškoje šalyje, tuo labiau, kai ten daugiau baltarusių <...>.“[84]

Tyrimo metu paaiškėjo, jog baltarusių vertinimu, nelegitimi A. Lukašenkos valdžia, prasta institucijų kokybė, didelis korupcijos mastas bei žemas pragyvenimo lygis yra pagrindinės Baltarusijos valstybinio aparato problemos. Neretas informantas Europos Sąjungos šalis apibūdino kaip labiau išsivysčiusias, todėl Lietuvos pasirinkimas migracijos tikslo šalimi buvo nulemtas šalies ekonominio išsivystymo.

3.2. Smurtas

Absoliuti dauguma kalbintų baltarusių smurtą įvardijo kaip pagrindinį motyvą, kuris paskatino palikti kilmės šalį. Vis dėlto tyrimo dalyvių įvardijamos smurto patirtys nėra vienalytės – jos skiriasi pagal asmens įsitraukimo į opozicinę veiklą ir kitas aplinkybes, kurios galėjo paskatinti žmogaus apsisprendimą išvažiuoti. Šioje tyrimo dalyje bus siekiama atskleisti baltarusių patirtis remiantis J. Galtungo smurto apibrėžimu ir tipais.

3.2.1 Pasireiškęs ir užslėptas

Nepriklausomai nuo to, ar pasireiškęs smurtas yra asmeninis, ar struktūrinis, abiem atvejais yra matomas. Tuo tarpu užslėptas smurtas apibrėžiamas nurodant jo atsiradimo galimybę – net jei asmuo nesusiduria su tiesiogiai į jį nukreiptu fiziniu ar psichologiniu smurtu, smurtas gali atsirasti bet kuriuo metu. Tyrimas atskleidė, jog skirtingomis aplinkybėmis baltarusiai susidūrė tiek su pasireiškusio, tiek su užslėpto smurto apraiškomis.

Siekdami išreikšti nepasitenkinimą Baltarusijos prezidento rinkimų rezultatais, baltarusiai rinkosi didelėmis grupėmis ir protestavo gatvėse, kur susidūrė su pasireiškusiu smurtu. Nors taikūs protestuotojai į fizinę konfrontaciją su Baltarusijos riaušių policija (OMON) nėjo, prieš juos buvo naudojama brutali ir neproporcinga jėga. Siekdami malšinti protestus pareigūnai pasitelkė svaiginančias granatas, lazdas, ašarines dujas, vandens patrankas, į protestuotojus buvo šaudoma

---

[83] Informantė nr. 7.

[84] Informantė nr. 3.

guma dengtomis kulkomis. Kaip pabrėžia informantas nr. 12, pareigūnų naudojami ginklai nebuvo skirti vien atgrasymui – protestuose dalyvavę asmenys nukentėdavo fiziškai, galėjo būti sunkiai sužaloti:

„Rugpjūčio devintą dieną, kai buvo paskutinė rinkimų diena, nuėjome su draugais balsuoti ir po to nuvažiavome į centrą. <...> Visi suprato, kad, jeigu šie rinkimai suklastoti, reikės parodyti, kad mes su tuo nesutinkame. <...> Žmonės stovėjo rinkimų apylinkėse ir laukė rinkimų rezultatų, jie susibūrė didelėmis grupėmis. O tada atėjo atronautai, žmonės su skydais, vandens patrankomis ir panašiai. Ir tai buvo žiauru. <...> Į fizinę konfrontaciją mes, žinoma, su niekuo nėjome <...> bandėme šaukti „jūs kam priesaiką davėte?“ ir taip toliau, o atsakymas – triukšmo granatos ir daužymas per skydus <...> šviesos ir triukšmo granatos nėra toks humaniškas ginklas kaip kai kurie gali pagalvoti. Išgirdęs šviesos granatos triukšmą link manęs bėgo vaikinas, pakėlė marškinius, o pas jį iš krūtinės kyšojo skeveldra.“[85]

OMON pareigūnų smurtiniai veiksmai nebuvo išprovokuoti masinių protestų dalyvių netinkamo elgesio. Tiriamieji pabrėžė, jog protestuose dalyvavę baltarusiai prieš miliciją nenaudojo fizinės jėgos, nesiekė chuliganiškais veiksmais pažeisti viešosios tvarkos. Nors į protestus susirinkę asmenys žinojo apie galimybę būti sulaikytais, jie nesitikėjo, jog prieš taikius protestuotojus bus panaudota fizinė jėga ir represijos. Pirmąsias dienas po prezidento rinkimų rezultatų paskelbimo tiriamieji įvardija kaip žiauriausias fizinių išpuolių prieš protestuotojus atžvilgiu. Daugelio informantų pasakojimuose vyrauja pasipiktinimas pareigūnų brutalumu, kuris buvo netikėtas ir nesuprantamas.

„Paskutinę rinkimų dieną su mama ruošėmės eiti laukti rinkimų rezultatų kartu su kitais žmonėmis. Mes supratome, kad namo galime nebegrįžti, todėl ryte ruošėmės ir pakavomės daiktus, tikėjomės, kad galės ateiti (aut. – į sulaikymo vietą) tėtis ir perduos muilą, drabužių pasikeitimui. <...> iš visų pusių rinkosi labai daug žmonių <...> jaunimo, vidutinio amžiaus žmonių, mano mama pensinio amžiaus <...>. Rinkomės prie stelos, tiesiog rinkomės, ramiai stovėjome, bet ten pradėjo slinkti jėgos struktūros. Kažkuriuo momentu, kai žmonės rinkosi, ėjo, rėkė kažkokius šūkius, aš nesuprantu... žmonės tiesiog ramiai stovėjo <...> nieko negadino, nelaužė, tiesiog rinkosi šioje teritorijoje, bet į juos labai gretai pradėjo mėtyti šviesos ir triukšmo granatas. Praėjo vos dvidešimt ar trisdešimt minučių kaip su mama ten atėjome ir už šimto metrų pradėjo į mus mėtyti granatas. Pirmomis dienomis po rinkimų žmones labai stipriai, praktiškai fiziškai naikino, mušė.“[86]

---

[85] Informantas nr. 12.

[86] Informantas nr. 8.

Analizuojant surinktą tyrimo medžiagą paaiškėjo, jog rinkimų ir kitomis dienomis pasireiškęs smurtas buvo nukreiptas ne tik prieš protestuojančius asmenis, tačiau ir prieš rinkimų stebėtojus. Dalis tiriamųjų buvo aktyviai įsitraukę į politinę veiklą renkant parašus prezidento rinkimams, organizuojant opozicijos lyderės Sviatlanos Cichanouskajos politinę kampaniją. Rinkimų dieną tiriamieji darbavosi ir rinkimų apylinkėse, kuriose stebėjo rezultatus. Vis dėlto tiek stebėtojai, tiek asmenys, kurie buvo atvykę išreikšti savo balsą, susidūrė su aktyviu Baltarusijos jėgos struktūrų pasipriešinimu. Baltarusiams buvo trukdoma stebėti rinkimus ir užtikrinti jų skaidrumą, rinkimų stebėtojai buvo išvežami į laikinojo sulaikymo vietas. Tai yra dar vienas pasireiškusio smurto pavyzdys, kuriuo apribojama asmens galimybė veikti. Informantė nr. 1 pasakojo, kaip buvo sužlugdytas siekis rinkimų stebėjimu įtvirtinti pilietinę valdžios kontrolę:

„Pradėjau savo veiklą nuo parašų rinkimo už Sviatlaną Cichanouskają, toliau buvau rinkimų stebėtoja, tai buvo svarbus baltarusių įtraukimo į rinkimus etapas <...> stengėmės įtvirtinti pilietinę kontrolę. Tai buvo sunku, niekas net neįsivaizdavo, kad už tai OMON sulaikys žmones <...> ne specialiai paskirtus asmenis išvijo iš rinkimų vietų, tariamai pagal įstatymą <...>. Prievarta išvijo žmones, mes negalėjom netgi stebėti, kaip vyksta balsavimas, kaip žmonės į balsadėžę kažką meta. <...> pagrindinę balsavimo dieną prasidėjo šiukšlės, OMON atvažiavo stebėtojų ir juos išvežė.“[87]

Taigi valdžios jėgos struktūrų ir Baltarusijos režimo nepalaikančių bei aktyviai tai išreiškiančių asmenų santykis grįstas brutaliu jėgos panaudojimu ir galios disbalansu. Toks santykis išryškėja ir darbovietėse, kurios aktyviai pasisakė nepalaikančios valstybės vykdomų smurtinių veiksmų prieš taikius protestuotojus, neprieštaravo darbuotojų organizuojamiems protestams įmonių viduje. Vienos didžiausių chemijos pramonės įmonių Nepriklausomų valstybių sandraugos šalyse ir Rytų Europoje „Grodno Azot“ darbuotojai paskelbė, jog protestuodami prieš šalies politinį režimą jungiasi prie streiko[88]. Už tai dalis įmonės vadovų sulaukė grasinimų mirtimi, o darbovietėje protestuojantys asmenys susidūrė su valstybės teisėsaugos darbuotojų smurtu. Streikuojantys darbuotojai yra nužmoginami, nurodoma jų paskirtis – dirbti ir išmaitinti kitus žmones. Šis azotinių trąšų gamykloje nutikęs įvykis iliustruoja OMON veikimo metodus ir yra dar vienas pasireiškusio smurto pavyzdys, atsiskleidžiantis šioje citatoje:

„Kai spalio 26 paskelbė visuotinį baltarusių streiką, jis neįvyko. Žmonės nebuvo pasiruošę, jis buvo atidėtas. Tačiau kai kuriose įmonėse buvo pakankamai aktyvistų, kurie buvo pasiruošę neiti

[87] Informantė nr. 1.

[88] BNS, „Baltarusijoje sulaikyti keli „Grodno Azot“ streikų komiteto nariai“, LRT, žiūrėta 2022 balandžio 20 d., https://www.lrt.lt/naujienos/pasaulyje/6/1502029/baltarusijoje-sulaikyti-keli-grodno-azot-streiku-komiteto-nariai.

dirbti. Tokia situacija buvo Gardine „Grodno Azot“ (rus. «Гродно Азот»). Žmonės atėjo į pereinamąjį koridorių, bet eiti į darbą nenorėjo. Atvažiavo OMON, suėmė apie 30 žmonių, kažką sumušė ir pasakė „Jūs mūsų pašarinė bazė (rus. кормовая база). Jūs privalote dirbti.“[89]

Baltarusiai susidūrė ir su užslėptu smurtu, kuris pasireiškė per baimę būti sulaikytais ir nuteistais pagal Baltarusijos Respublikos baudžiamąjį kodeksą. Didžioji dauguma informantų įvardijo, jog ši baimė buvo pagrindinis motyvas palikti šalį ir jie nematė alternatyvų nutraukti vykdomą veiklą, paklusti režimo reikalavimams. Dažniausiai tokios pozicijos laikėsi baltarusiai, kurie susidūrė su valdžios struktūrų vykdomu fiziniu arba/ir psichologiniu smurtu. Informantė nr. 5 dalinosi, kas jos būtų laukę, jeigu ji nebūtų išvykusi iš šalies:

„Turėjau alternatyvą prarasti vaikus ir sėsti į kalėjimą. Tokiu atveju būčiau likusi savoje šalyje, sėdėčiau kalėjime ir nežinočiau, kur mano vaikai. Antras variantas – tiesiog nuleidus galvą tylėti ir klausyti, gyventi šitam Lukašenkos režime, būti nuolankia, daryti tai, ką man liepia. Bet aš ne avis, nesu aptvare, na, kam man būti nuolankia avele ir laukti, kol mane papjaus. <...> Turėjau išvykti, nes man grėsė baudžiamasis persekiojimas, jaučiau baimę būti įkalinta penkiolikai metų po griežtu režimu. Ši baimė pagrįsta, nes pagal tuos straipsnius, pagal kuriuos mane kaltina, nebūčiau likusi gyva. Tie straipsniai, kuriais esu kaltinama, kalėjime reiškia kasdienį mušimą ir kankinimus“[90].

Tyrimo dalyviai jausdavosi nuolat sekami, baiminosi dėl galimybės bet kuriuo metu būti sulaikytais ir nuteistais. Taigi analizuojant tiriamųjų pasakojimus paaiškėjo, jog latentinis smurtas pasireiškė per nuolatinę baimę būti sulaikytais ir nuteistais pagal baudžiamąjį kodeksą. Informantė nr. 9 įvardijo didžiulę įtampą, kurią patyrė gyvendama Baltarusijoje:

„Žinote, toks jausmas, kad tave tuoj pagaus ir tu dairaisi aplinkui, tiesiog visą laiką suki galvą <...>. Toks kažkoks jausmas buvo, kad tau nuolat reikia kažkur bėgti, nuo kažko slėptis, buvau visą laiką įsitempusi. Visai neseniai pradėjau suvokti, kad esu toli nuo namų, kad aš negaliu ten grįžti, pasidarė liūdna.“[91]

Kaip pamatysime sekančiose šio tyrimo dalyse, sulaikymo vietose baltarusiai susidurdavo su skirtingų tipų smurtu, jiems grėsė įkalinimas keliasdešimčiai metų. Susidūrę su pasireiškusio smurto apraiškomis dėl dalyvavimo protestuose ir kitų savo vykdomų veiklų žmonės

[89] Informantas nr. 2.
[90] Informantė nr. 5.
[91] Informantė nr. 9.

būdavo sulaikomi įkalinimo įstaigose, kuriose susidurdavo su prastomis gyvenimo sąlygomis, besitęsiančiomis represijomis.

3.1.2 Fizinis ir psichologinis

Didžioji dauguma tyrime dalyvavusių baltarusių susidūrė su fiziniu ir psichologiniu smurtu. Šiame darbe remiamasi teorine prielaida, jog fizinis smurtas atsiranda ribojant asmens mobilumą arba jį žalojant fiziškai. Asmenis sulaikydavo ne tik gatvėse, neretu atveju valstybės vykdomai politikai nepritariantys baltarusiai buvo sulaikomi ir nuosavuose namuose. Siekdamos sulaikyti aktyvistus Baltarusijos jėgos struktūros išlaužDavo namų duris, surinkdavo elektroninius prietaisus ir kitus daiktus, kuriuos išsiveždavo kartu su jų savininkais. Štai kaip sulaikymo patirtį perteikė informantė nr. 7:

„Aš nesidomėjau politika <...> buvau visiškai apolitiška, bet šiais metais pakeičiau savo nuomonę ir patikėjau, kad situacija gali pasikeisti. Pradėjau aktyviai dalyvauti protesto akcijose <...> pirmomis dienomis buvo baisus smurtas, kuris buvo gatvėse. <...> vis dėlto baisiausia buvo, kada jie (aut. - Baltarusijos teisėsaugos pareigūnai) atvyko į namus su krata, buvo rytas, aš dar miegojau, jie pradėjo laužtis į lauko duris. <...> Jie įsiveržė į mano namus su pistoletais <...>. Jie atliko kratą, paėmė mano įrangą, nešiojamus kompiuterius, kietuosius diskus, planšetinius kompiuterius. Po apklausos, žinoma, man liepė atblokuoti „Telegram“, pasitikrinti socialinius tinklus, t.y., jie rausėsi tame ir išsiuntė mane trims dienoms į Okrestiną (aut. - tardymo izoliatorius). <...> kai patenki ten, nuo pat pradžių pas tave blogiausios mintys, kad ten tave muš, kad penkios lovos dvidešimčiai žmonių. <...> Okrestinoje atsidūriau dėl politinę konotaciją turinčio plakato iškabinimo viešojoje erdvėje ir ten buvo Baltarusijos vėliava.“[92]

Anot informantų, vos tik prasidėjus protestams buvo manoma, jog su fiziniu smurtu susidurdavo tik vyrai. Tyrimas atskleidė, jog su fiziniu smurtu susidūrė ir opozicinėje veikloje dalyvavusios jaunos, vidutinio ir vyresnio amžiaus moterys. Už dalyvavimą protestuose, istorinės baltos-raudonos-baltos vėliavos iškabinimą namuose, baltarusiškos literatūros skaitymą ir kt. moterys buvo sulaikomos tiek gatvėse, tiek nuosavuose namuose. Lygiai taip pat, kaip ir vyrai, moterys buvo sulaikomos ir išvežamos į laikino sulaikymo vietas. Tiesa, tiriamieji vyrai ir moterys įvardijo, jog jose gyvenimo sąlygos buvo labai prastos – patalpose gyveno daugiau žmonių nei buvo numatyta, nesilaikoma higienos reikalavimų.

„Dukart buvau laikino sulaikymo izoliatoriuje, milicija nuolat ateidavo į mano namus, skambindavo mano artimiesiems. Tarsi… tarsi visą laiką jie ateidavo. OMON mane sugriebė po

[92] Informantė nr. 7.

moterų maršo <...> nu, aš tiesiog ėjau gatve po moterų maršo, išlipau savo stotelėje ir kažkur apie penkis, matyt, ar septynis žmones buvo, o mes buvom dviese su draugu. Jie užstojo kelią, jo kelią pas mane ir mane pastvėrė. Tai yra, pastovėjau ant žemės, o po to tiesiog atsidūriau automobilyje“[93].

„Mano močiutę sulaikė už tai, kad jos rankinėje gulėjo baltarusių rašytojo, baltarusių kalba parašyta knyga. Kokia ji „ekstremistė“... Ši knyga patenka į mokyklos programą ir aš ją skaičiau <...>. Sulaikymo vietose labai prastos sąlygos, jei močiutės juokiasi - kameroje joms atjungia šildymą. Mažoje sulaikymo kameroje, kuri skirta dviems žmonėms, būna po penkis ar septynis asmenis, visi miega ant žemės. Gerai, kad grindys medinės, jie visi gali ten gulėti, bet nėra čiužinių, higienos priemonių.“[94]

Be fizinio smurto, tiriamieji susidūrė ir su psichologiniu smurtu. Informantai pasakojo, jog OMON pareigūnai siekė baltarusius paveikti ne vien fizine jėga, tačiau ir psichologiškai – laikino įkalinimo įstaigose tiriamieji susidūrė su asmeniniais įžeidinėjimais, grasinimais patirti fizinį smurtą ir susidorojimą. Tokiu būdu teisėsaugos pareigūnai siekė įtikinti paklusti ir nesipriešinti režimui. Sulaikytiesiems buvo sunku atskirti, kur tik grasinimai, o kur reali grėsmė – jie žinojo, kokių brutalių priemonių gali imtis Baltarusijos jėgos struktūros.

„Aktyviai reiškiau savo nuomonę socialiniuose tinkluose, kėliau į Instagramą filmuotą medžiagą iš taikių protesto akcijų, agitavau žmones į jas ateiti. Įkėliau į istoriją juodąją knygą <...> grubiai tariant, tai yra sąrašas žmonių, kurie dalyvavo išvaikymuose <...> paspaudi ir randi informaciją apie darbuotoją <...> nusprendžiau pažiūrėti tuos, kurie gyveno mano rajone <...>. Padariau ekrano nuotrauką ir įkėliau ją į istoriją. <...> Jau ruošiausi eiti miegoti dvyliktą nakties ir skambutis į duris. <...> Man šiek tiek pasisekė, kad man neteko susidurti su fiziniu smurtu. Atvežė į Centrinį rajono policijos departamentą ir ten jie su manimi pradėjo kalbėtis, pirma frazė, nuo kurios prasidėjo pokalbis – „Ką ruošeisi papjauti?“<...>. Šnekėjo, kad už šešiasdešimties sekundžių atvyks OMON, tai, žinoma, mane išgąsdino, nors supratau, kad tai greičiausiai yra melas. Nors žinant juos jie gali ir ne tai. <...> šnekėjome, sakė, kad reikia žiūrėti vyriausybinę televiziją ir iš principo tiesiog išimti agitaciją. Vėliau mane pasodino į kamerą iki ryto. Po to mane ir mano bylą perėmė kažkoks operatyvininkas ir ten prasidėjo grasinimai, kad panaudos fizinį smurtą, kad man bus nemalonumai, kad per langą įskris degus mišinys. Prasidėjo asmeniniai įžeidinėjimai.“[95]

---

[93] Informantė nr. 9.

[94] Informantas nr. 8.

[95] Informantė nr. 1.

Svarbu paminėti, jog opozicine veikla užsiėmusius tiriamuosius buvo siekiama paveikti per jų artimoje aplinkoje esančius asmenis. Su jais Baltarusijos teisėsaugos pareigūnai susisiekdavo telefonu arba atvykdavo į artimųjų namus, ugdymo įstaigas, darbovietes. Tyrimas parodė, jog grasinimais užsiėmė ne tik pareigūnai, tačiau ir vaikų globos tarnybos ar švietimo įstaigos. Anot tiriamųjų, apie vykdomą opozicinę veiklą buvo siekiama sužinoti grasinant ir jų vaikams. Akivaizdus ugdymo įstaigų ir globos tarnybų naudotas psichologinis smurtas prieš vaikus atsiskleidžia informantės nr. 5 pasakojime:

„Pas mus Baltarusijoje pagal įstatymą negalima sulaikyti nepilnamečių vaikų mamų daugiau nei trims valandoms. Mane sulaikė dvyliktą valandą dienos, po trijų valandų mane turėjo paleisti, bet paleido tik devintą valandą vakaro. Taip buvo elgiamasi dėl to, kad atvyktų vaikų globos tarnybos ir paimtų mano vaiką <...> Įsivaizduokite, vyriausiajai dukrai buvo 13 metų ir pas ją atėjo direktorius ir sako dėl to, kad vaikštau į protestus „jeigu tu nepapasakosi kuo užsiima tavo mama, mes tau rašysime dvejetus, pas tave bus visi dvejetai, tu nebaigsi mokyklos, mes tave paliksim antriem metam, veliau mes tave atiduosim į internatą, tave įsivaikins kokie nors kinai, o vėliau parduos organams“. Sūnui sakė, kad tavo mama neateis, mes tave paimsim į internatą. O internate tavęs nemaitins, tave muš, stovėsi ant kelių nuogas visą naktį.“[96]

Surinkti duomenys parodė, jog baltarusiai susidūrė su nuolatine baime dėl savo ir savo artimųjų saugumo, todėl tai neretu atveju lemdavo jų apsisprendimą palikti kilmės šalį. Svarbu paminėti, jog psichologinis nesaugumo jausmas pasireikšdavo tiek Baltarusijoje, tiek jau atvykus į Lietuvą. Vykdant šį tyrimą, buvo sunku prieiti prie atvykusių baltarusių, užmegzti ryšį, nes žmonės nepasitikėjo tyrimo autore, bijojo Rusijos ir Baltarusijos slaptųjų tarnybų. Tyrimo dalyviai nuolat baimindavosi dėl galimybės būti pagautais ir išvežtais jiems nežinoma linkme. Daugeliui informantų prireikė laiko, kol jie pradėjo Lietuvoje jaustis saugiai.

„Kai atvažiau čia ir vakare vaikščiojau, greta lėtai važiavo... šalia važiavo mašina ar autobusas su užtamsintais langais ir aš išsigandau. O po to aš prisiminiau, kad esu kitoje šalyje ir esu saugi. Nu, dabar aš jau pripratau ir viskas gerai, o taip vat žmones, kurie važinėjo šituose autobusuose, tiesiog praeivius stverdavo ir išveždavo.“[97]

Taigi tiriamieji susidūrė su Baltarusijos teisėsaugos naudojamais fizinio ir psichologinio smurto metodais. Tai neišvengiamai paveikdavo tiek suaugusius, tiek jų vaikus, kurie nuolatos pergyvendavo dėl savo tėvų gerovės. Tolimesnės šio tyrimo dalys atskleis, jog net ir su tiesioginiu

---

[96] Informantė nr. 5.

[97] Informantė nr. 10.

fiziniu ir psichologiniu smurtu nesusidūrę asmenys rinkdavosi palikti kilmės šalį dėl nesaugumo ir grėsmių, kurios gali atsirasti bet kuriuo metu.

3.1.3 Negatyvus

Tyrimas atskleidė, jog baltarusiai savo aplinkoje susidūrė su negatyviu smurtu. Šis smurto tipas apibrėžiamas įtakos darymo baudžiant už netinkamą elgesį kontekste. Analizuojant informantų pasakojimus paaiškėjo, jog nepritarimas Baltarusijos vykdomai politikai gali turėti neigiamos įtakos asmens ekonominam ir socialiniam gerbūviui. Už nepritarimą režimo nuomonei valstybiniame sektoriuje dirbę baltarusiai prarasdavo metines premijas, jiems būdavo mažinamos algos.

„Kai dirbau valstybei, dėl mano politinių pažiūrų man sumažindavo premijas, net dažnai būdavo taip, kad iš manęs paprasčiausiai jas atimdavo. O premija – tai pusė atlyginimo. Iš manęs visada atimdavo premijas, visada sumažindavo atlyginimą. Mažindavo išmokas, mažindavo tam tikrus priedus, tai yra viską, kas man priklausė pagal atlyginimą ir įstatymą. Darbdavys bandė sumažinti šias išmokas vien tik dėl to, jog aš nesutikau su vyriausybės politika.“[98]

Be to, tyrimo dalyvių pasakojimai parodė, jog Baltarusijoje sudėtinga vystyti skaidrų verslą. Galimybė vystyti skaidrų verslą suvokiama kaip apdovanojimas, kuris yra suteikiamas tiems, kurie nesipriešina valstybėje vyraujančiai politinei minčiai.

„Jeigu nori kažką nuveikti, atidaryti savo verslą, tai tu negali dirbti baltai (aut. – dirbti oficialiai/teisėtai), vėliau visada yra pavojus, kad ateis valstybė, mokesčių inspekcija ar MČS ir tave uždarys, <...> nors pas tave viskas tvarkoje, bet tu kažkam nepatikai, tu „neteisingų“ pažiūrų ir viskas.“[99]

Negatyvus smurtas galėjo paliesti visą režimui nepritariančio asmens šeimą. Pavyzdžiui, nepaklusimas šalyje vyraujančiai ideologijai lėmė ne tik informanto nr. 2 atleidimą, tačiau ir jo sūnaus pašalinimą iš universiteto.

„<...> Dvidešimt tris metus atidaviau kariuomenei. Dar nuo 2010 metų mane „pastatė ant pieštuko“ (rus. поставили на карандаш). „Oi, koks jis negeras, turėjo prabalsuoti iš anksčiau, o tempė iki paskutinio“. Nuo tų laikų mane jau prižiūrėjo. <...> Visi mano pokalbiai, visi mano laikai, kuo duomiuosi ir dar pasakė kaip vyšnia ant torto, kad mokausi baltarusių kalbą... <...> paprašė švelniai tariant išeiti iš darbo ir atleido. Atėjo žinoma šaukimas į tyrimų komitetą. Sūnus mano Baltarusijos nacionaliniame universitete, jį irgi. Jeigu jis nebūtų spėjęs atsiimti dokumentų,

---

[98] Informantė nr. 5.

[99] Informantė nr. 7.

išlaikyti egzaminų, uždaryti įskaitos ... jam irgi atėjo du šaukimai į prokuratūrą. <...> Visi supranta, kad galima rasti tai, ko tik reikia, kad padaryti tave kaltu.“[100]

Taigi asmenys, nepritariantys režimo politikai, susidūrė su negatyviu smurtu. Tyrimo dalyviai buvo baudžiami ir už veikimą prieš režimo nustatytas taisykles prarasdavo premijas, jiems buvo mažinamos algos, jie buvo šalinami iš darbų ir kt.

3.1.4 Smurtą patiriantis subjektas

Tyrimas atskleidė, jog dalis baltarusių susidūrė su galimybe būti sulaikytais už savo vykdomą veiklą, nors anksčiau tiesioginių represijų ir nebuvo patyrę.

Tiek Baltarusijoje įvykusių prezidento rinkimų metu, tiek jiems pasibaigus buvo stipriai ribojama žiniasklaidos laisvė, nepriklausomos žiniasklaidos priemonių redakcijos buvo apieškomos ir uždaromos, o žurnalistai – areštuojami. Socialinius tinklus administravę ir žurnalistinį darbą dirbę tiriamieji dėl savo vykdomos veiklos susidūrė su baime būti sulaikytais, todėl buvo priversti palikti šalį.

„<...> Užsiimu socialinių tinklų, „Telegram“ kanalo administravimu, kadangi pas mus yra konfidencialu, tokia grupė žmonių Baltarusijoje yra persekiojama. Jei vasarą vesdama šitą informacinį darbą jaučiausi saugi, represijų taikiniu buvo gatvės aktyvistai <...> skambiausi mūsų vardai: Sergėjus Cichanouskas, Babarikas, Marija Kolesnikova, Cepkalo Veronika, žinoma, Sviatlana Tichanouskaja <...>. Jie priėmė pirmą visų šitų represijų smūgį, o paskui galvoju, dieve, aš ten išvis penkiasdešimtajame divizione. Ir po to prasidėjo rugpjūtis, rugsėjis, spalis ir pas mus... mes žiūrim naujienas, sulaikytas tokio kanalo administratorius <...> ir aš pradėjau suprasti, kad ratas siaurėja, tai yra, prasidėjo šitos represyvios mašinos medžioklė, ji sodina žmones, kurie užsiiminėja mano veikla. Supratau, kad tai laiko klausimas, nes, žinote, labai lengva palikti skaitmeninį pėdsaką, ypač, kai administruoji iš telefono, iš kompiuterio kur nors bėgdamas, galbūt kažkur atsitiktinai pamiršai įjungti VPN. Realiai, jei tavimi kažkas užsiims, tai apskritai tave labai lengvai ras, lengva suklupti. Iš tikrųjų, pas mus visi žmonės, kurie užsiiminėjo tokiu darbu, pamažu persikėlė.“[101]

Be to, tyrimo dalyviai susidūrė su psichologiniu spaudimu ne tik dėl savo, bet ir artimųjų vykdomos opozicinės veiklos. Asmenims buvo grasinama vaikų atėmimu, sulaikymu, todėl pasilikimas šalyje galėjo reikšti ne tik stiprų psichologinį spaudimą, bet ir represijas. Informantė nr. 3 dalinosi, kaip visiems šeimos nariams gresiančios represijos privedė iki sprendimo išvykti iš šalies:

---

[100] Informantas nr. 2.

[101] Informantė nr. 1.

„Aš ir mano vyras savanoriavome žmogaus teisių gynimo centre „Vesna“ (rus. «Весна»), savanoriavome Sergėjaus Tichanovsko ir Sviatlanos Cichanouskajos štabe. Tai yra, mes rinkome parašus, padėjo politiniams kaliniams su advokatais, perdavimais ir taip toliau. Išeidavome į taikius protestus ir iki rinkimų padėjome su mitingų organizavimu Minske. <...> Mano vyras išvežiodavo ir sutikdavome žmones iš Okrestinos <...>. Mano vyrą sulaikė, likau namie su dviem vaikais ir pas mus atėjo su krata, paėmė visą techniką, išnešė išvis viską. Mane pakvietė į tyrimų komitetą <...>. Man iškvietė socialinę apsaugą, grasino paimti vaikus, o tada, kai mūsų vyrą sulaikė pagal 293-2 straipsnį <...> pasakė, kad paims vaikus, o mane netgi pasodins. Dėl to buvo priimtas sprendimas išvykti.“[102]

Žmonės Baltarusijoje baiminosi ne tik dėl savo vaikų fizinio saugumo, bet ir dėl psichologinio. Nuolatiniai smurto proveržiai miestų gatvėse negatyviai veikė vaikus ir jų emocinę būklę. Tyrimo dalyviai pasakojo, kokias stiprias reakcijas vaikams kėlė vien uniformuotų pareigūnų vaizdas:

„Vaikai mato, kad kažkas eina su uniforma ir prasideda isterika. Mūsų draugė <...> jos vaikui prasidėjo stiprus stresas. Kai pradeda nervintis, ypatingai, kai juos (aut. – pareigūnus) mato, ją pradeda pykinti. Tiesiog vaikams baisu dėl to, kad jų vaikus paims ir neaišku, kas jiems bus. Matyt, viena iš priežasčių, kodėl žmonės išvažiuoja dauguma žmonių – nesaugumas ir vaikų baimė. “[103]

„Kai kurie vaikai viso to bijo. Pamatę uniformuotą žmogų, jie iškart pradeda kelti pykčio priepuolius. <...> vaikai bijo, kad jų tėvai bus atimti, ir nežino, kas jiems nutiks. Na, tikriausiai viena iš priežasčių, kodėl dauguma žmonių išvyksta, yra baimė dėl savo vaikų.“[104]

Svarbu paminėti, jog psichologinį spaudimą patyrė tiek aktyviai į opozicinę veiklą įsitraukę, tiek protestuose nedalyvavę, politine agitacija neužsiėmę ir fizinio smurto nepatyrę asmenys. Stebėdami aplinkoje vykstančius įvykius baltarusiai baiminosi dėl galimybės būti sulaikytais ir nuteistais. Tiriamųjų atsakymai atskleidė, jog su psichologiniu spaudimu iki atvykimo į Lietuvą baltarusiai kovojo alkoholiu arba raminamaisiais, antidepresantais.

„Mano aplinkiniai protestuose nedalyvavo, nes tikėjo, kad rinkimai bus sąžiningi. Jie iš tikrųjų galvojo, kad negali taip būti, jog ant tiek neadekvatus žmogus eis ant viso šito... <...>. Mano rajoną, kur aš gyvenau, labai stipriai represavo. Mano kaimynus renka kiekvieną dieną. <...> Ne

---

[102] Informantė nr. 3.

[103] Informantė nr. 10.

[104] Informantė nr. 6.

kartą bandė pakliūti ir pas mus į namus, net niekas jų neįleido, nes neaišku, ko jie atėjo ir ko jie nori. Gavome baudą ir viskas <...> pas kai kuriuos žmones tiesiog išlaušdavo duris ir paimdavo. <...> Jie tiesiog atėjo, išlaužė duris ir pasiėmė kaimnyną. Pas mus ten, nežinau, žodis kur nors, komentaras koks nors socialiniuose tinkluose, juos surenka ir išveža nežinoma kryptimi.“[105]

„Išeinu iš namų pas save Minske ir už dvidešimties metrų stveria ir surenka mano kaimynus ir juos po to teisia, sodina į kalėjimą penkiolikai ar dvidešimčiai dienų. Dabar lengviau kvėpuoti, galima vaikščioti gatvėje, tau realiai netrenks. Buvo labai sunku, padėjo tabletės.“[106]

Analizuojant tiriamųjų pasakojimus paaiškėjo, jog su fizinėmis represijomis nesusidūrę baltarusiai vykdydami savo veiklą arba stebėdami aplinkoje vykstančius įvykius baiminosi dėl savo ir savo artimųjų saugumo, todėl buvo priversti palikti šalį. Su fizinio ir psichologinio smurto baime susidūrė tiek aktyviai į opozicinę veiklą įsitraukę, tiek neįsitraukę asmenys.

3.1.5 Tyčinis

Informantų pasakojimai atskleidė, jog Baltarusijos teisėsaugos struktūrų naudojamas smurtas buvo kaip įrankis tramdyti nepaklūstančius režimo valiai. Už pasireiškusias represijas ir perteklinės jėgos panaudojimą baltarusiai kaltina Aliaksandrą Lukašenką ir jo sukurtą režimą. Analizuojant surinktą tyrimo medžiagą paaiškėjo, jog tyrime dalyvavę baltarusiai į juos ir jų artimuosius nukreiptą milicijos smurtą įvardija tyčiniu.

„Už viską atsakingas Lukašenka ir jo banditai. Už sulaikymus, mušimus, žudymus <...>. Jis galvoja, kad gali daryti ką nori, bet žmonės nebėra avinai.“[107]

Nors baltarusiai dažnai kaltina OMON pareigūnus, ne retas akcentuoja, jog A. Lukašenka sukūrė struktūrą, kuriai sunku pasipriešinti ir jos yra bijoma. Teigiama, jog su siekiu įtvirtinti savo valdžią A. Lukašenka nuvertė sau neparankius valstybės tarnyboje dirbusius paireigūnus ir paskyrė tuos, kurie pritarė jo vykdomai politikai.

„Lukašenkos politiką pavadinčiau kažkokia fantazijų pasekme. Jis dabar skelbiasi, kad turi teisę mus valdyti, jis realiai tiki, kad žmonės yra jo nuosavybė, šalis taip pat. Žmogus psichiškai nesveikas valdžios manija. <...> Tai tarsi kažkoks siurrealistinis vaizdas sergančio žmogaus galvoje, kuris, deja, savo ligą kažkada sugebėjo naudoti kaip charizmą. Tai buvo tokia galinga charizma tiems, kurie mėgsta paklusti <...> jie pildosi tuo, kad, dieve, jie yra po galinga ranka ir jie jaučiasi taip, lyg tai būtų ir jų stiprybė. <...> Jis po savim sukūrė valstybinę valdymo struktūrą,

---

[105] Informantė nr. 7.

[106] Informantas nr. 8.

[107] Informantas nr. 4.

jis... suprato velniškai tiksliai, kaip tai padaryti, nes jis iškart pradėjo slopinti teisėsaugos institucijas, o po to važiuojam. Ji skiria visus prokurorus ir teisėjus, nežinau, KGB, Vidaus reikalų ministerijos vadovus, visus iš karto... Pirmas dalykas, nuo kurio pradėjo, tai jėgos struktūras po savimi. Na ir toliau gilinant, kažkas panašaus į psichinę priklausomybę nuo valdžios.“[108]

Išanalizavus informantų pasakojimus remiantis J. Galtung smurto apibrėžimu, paaiškėjo, kad tyrimo dalyviai Baltarusijoje susidūrė su fiziniu ir psichologiniu, pasireiškusiu ir užslėptu, negatyviu smurtu, dėl kurio vienareikšmiškai kaltina A. Lukašenką ir jo sukurtą režimą. Dažniausiai pasireiškė fizinis bei psichologinis, taip pat – užslėptas smurtas. Baimę dėl savo ar savo artimųjų saugumo patyrė tiek aktyviai įsitraukę į opozicinę veiklą, tiek ir neįsitraukę. Net ir subjektams, kurie anksčiau nebuvo patyrę tiesioginių represijų, kilo grėsmė patirti smurtą. Surinkti duomenys parodė, jog smurtas bei nuolatinė jo grėsmė buvo pagrindiniai migracijos motyvai.

3.3. Socialiniai ryšiai

Tyrimo duomenys atskleidė, jog neretu atveju baltarusių tikslo šalies pasirinkimą lėmė socialiniai ryšiai, nevyriausybinių ir kitų organizacijų teikiama pagalba. Lietuvoje veikiančios nevyriausybinės organizacijos ir paramos fondai baltarusiams padėjo įveikti teisines kliūtis tam, jog jie galėtų patekti į Lietuvą. Organizacijos teikė baltarusiams gyvenamąją vietą, maisto produktus ir visą kitą reikiamą pagalbą. Tyrimo dalyviai vyko į Lietuvą žinodami, kad susilauks pagalbos. Informantės nr. 5 pasakojimas atskleidė nevyriausybinių organizacijų teikiamos pagalbos mastus:

„Bėgti per mišką buvo labai baisu. Baimė, siaubas, ten buvo labai daug jausmų. <...> Pas mane du maži vaikai. Juos išsiunčiau į Lietuvą ir jau žinojau, kad jie jau čia, Lietuvoje ir jie yra saugūs. Jie buvo prižiūrimi „Dapamogos“ fondo. Kadangi negalėjau legaliai kirsti Baltarusijos sienos, tai bėgau, bėgau dėl vaikų. <...> Jei mane ir sulaikytų, pašautų, žinojau, kad vaikai yra saugomi. <...> apgyvendino mus savo bute, gyvenome <...> nemokamai, po to radome nuomojamą butą. <...> „Dapamogos“ fondas padeda apmokėti buto nuomą, padeda apsipirki, atveža didelę pakuotę produktų, aprūpino mus daiktais, buitine technika.“[109]

Be to, baltarusių tikslo šalies pasirinkimą neretu atveju lėmė bendražygių, opozicijos lyderių persikėlimas į Lietuvą. Nuo 2020 m. Lietuvoje veikia Sviatlanos Cichanouskajos, jos rinkimų kampanijos vadovės Marijos Moroz bei kitų ir kitų opozicionierių štabai. Opozicionieriai Lietuvoje aktyviai padėjo asmenims, bėgantiems nuo Baltarusijos režimo. Paaiškėjo, kad kai kurie

[108] Informantė nr. 1.
[109] Informantė nr. 5.

tyrimo dalyviai iš anksčiau pažinojo į Lietuvą pasitraukusius opozicionierius, kartu dirbo rinkimų kompanijos metu ir žinojo, kad iš jų gali susilaukti pagalbos.

„Man padėjo tokia organizacija „Šalis gyventi“ (rus. „Страна для жизни“) <...>. Jie padėjo man <...> patekti į Šengeno zoną ir išvažiuoti, pateikė sąrašus, kad išduotų humanitarinę vizą. „Šalis gyventi“ ir pirmiausia – Marija Moroz, ji šio fondo vadovė, o vasaros rinkimų kampanijos metu ji buvo Sviatlanos Cichanouskajos štabo vadovė <...> nuo vasaros buvau pažįstama su Marija, aktyviai dirbau komandoje <...>. Taip pat padėjo fondas „Freedom House“. Jų dėka buvo atidarytas humanitarinis koridorius ir galėjau išvažiuoti Kovid metu, kitaip be šito humanitarinio koridoriaus nebūčiau galėjusi.“[110]

„<...> čia Sviatlanos Cichanouskajos ir Marijos Moroz štabas, kai čia atvažiavom, ji išnuomavo mums gyvenamąją vietą, padėjo su produktais ir pan. Čia buvo Marija Moroz, su kuria buvom pažįstamos, mes kartu rinkome parašus, žinojau, kad bus kažkokia pagalba.“[111]

Kai kurios verslo įmonės, veikiančios visame pasaulyje, taip pat padėdavo baltarusiams persikelti į kitą šalį. Šie verslai veikė kaip dar vienas migracijos tinklo dalyvis – savo darbuotojams padėjo sutvarkyti ir užtikrino jiems galimybę saugiai dirbti. Tokią galimybę turėjo, pavyzdžiui, IT srityje dirbantys žmonės. Informantas nr. 8 šitaip perteikė savo persikėlimo patirtį:

„Dirbu IT sferoje <...>. <...> Mano darbdavys yra amerikiečių kompanija, kuri turi ofisą Baltarusijoje. Įmonė pilnai padeda persikelti. <...> Teikia teisinę pagalbą, sutvarko dokumentus. <...> Ir viskas nemokamai, dar kažkokią premiją išmoka... <...> tik nusipirkau autobuso bilietą ir atvažiavau. <...> Lietuva arčiau... mano močiutė ir mano tėtis... tai yra, turime šaknų. Dėl to kaip ir jaučiuosi lietuviu <...>.“[112]

Baltarusiai rinkosi Lietuvą ne tik dėl organizacijų teikiamos pagalbos, bet ir dėl asmeninių ryšių. Nemažai tyrimo dalyvių Lietuvoje turėjo draugų ir artimųjų – tiek baltarusių, tiek lietuvių. Pažįstami ir artimieji atvykusiems migrantams galėjo suteikti socialinį palengvinimą: reikalingą informaciją, apgyvendinimą, pagalbą ieškant darbo ir kt. Informantai nr. 6 ir nr.11 pabrėžia, kad būtent asmeniniai ryšiai buvo pagrindinis faktorius, dėl ko jie pasirinko Lietuvą:

„Tai, kad yra mano draugė, padėjo priimti sprendimą vykti. Jeigu išvis nieko nebūtų... pavyzdžiui, kodėl aš neišsirinkau Lenkijos? Dėl to, kad pas mane ten nulis pažįstamų.“[113]

---

[110] Informantė nr. 1.
[111] Informantė nr. 3.
[112] Informantas nr. 8.
[113] Informantė nr. 6.

„Pirmoj eilėj pas mane čia, Lietuvoje, gyvena giminaitis, kuris laikinai man padėjo su apgyvendinimu. Sutiko mane oro uoste, aprodė patį miestą <...>. Daug patogiau rasti naują gyvenimą, jei taip galima pasakyti, šalyje, kurioje yra pažįstamų, vietinių žmonių.“[114]

Vis dėlto išskirtinos išimtinai individualios migracijos strategijos, kurios rodo, kad Lietuva kaip migracijos tikslo šalis pasirenkama ne tik dėl socialinių ryšių, bet ir dėl asmeninių prioritetų. Tyrimo dalyviams imponavo Lietuvos geografinė padėtis, bendra istorija, lietuvių mentalitetas, kurį ne vienas įvardijo kaip artimą baltarusiams.

„Pirmiausia, Lietuva yra arčiau. Mes galim, taip sakant, bėgti arba prašytis prieglobsčio artimiausiose šalyse. Tai Rusija, Ukraina, Lenkija, Lietuva, Latvija. Aš negaliu vykti į Rusija, nes Rusija yra Baltarusijos sąjungininkė ir Rusijos valdžia deportuoja baltarusius, išduoda baltarusius valdžiai. O, Ukraina... nu, nežinau, pasirinkau Lietuvą, aš jau seniai pasirinkau Lietuvą. <..> Be to, čia daug rusakalbių. <...> Lietuvoje buvau kelis kartus, mentalitetas man artimesnis, nežinau, klimatas, na ir paprasčiausiai Lietuva savaime kaip šalis man patinka.“[115]

„Lietuva man jaučiasi artimesnė, man patinka, kad ji mažesnė, kažkaip jautiesi jaukiau, ne tokiu pasimetusiu ir šiaip, atrodo, kad šalis labiau tokia, na... <...> Čia tokia valstybė maža, žmonės jaučia, kad valdo šitą žemę, kad ji yra jų... <...> Be to, čia Sviatlanos Cichanouskajos būstinė, tai taip pat buvo svarbu, be to „Šalis gyvenimui“ ofisas dabar čia yra, visi šie veiksniai susiėjo.“[116]

Svarbu pastebėti, jog informantai nuolat lygindavo Lietuvą su Ukraina. Nors išvykusiems iš Baltarusijos artimiausia šalis neretu atveju būdavo Ukraina, baltarusiai teigė, jog ilgesniam laikui Ukrainoje apsistoti nenorėtų. Joje, anot informanto nr. 11, gali operuoti Rusijos, Baltarusijos specialiosios tarnybos.

„Lietuvoje Baltarusijos piliečiams daug saugiau nei Ukrainoje. Kadangi iš principo į Ukrainą nesunkiai gali pateikti specialiosios tarnybos, medžiojančios politinius pabėgėlius, o Lietuvoje ir kitose Europos Sąjungos šalyse joms visa tai padaryti bus daug sunkiau.“[117]

Tyrimo dalyviai įvardijo, kad dėl bet kuriuo metu galinčios eskaluotis situacijos Donbase Ukrainoje likti nėra saugu. Lietuvos pasirinkimą lėmė jos saugumas, priklausymas Europos Sąjungai.

„Dar neapsisprendžiau, kur noriu apsistoti, bet tai tikrai ne Ukraina, nes nesijaučiu ten saugi. Tarkime, aš nelabai pasitikiu situacija. Pirma, dėl to, kad dabar tokia situacija Donbase,

---

[114] Informantas nr. 11.
[115] Informantė nr. 7.
[116] Informantė nr. 1
[117] Informantas nr. 11.

plius tai, kad baltarusiai dabar neišduodami, bet tai gali pasikeisti ir pabėgusius baltarusius atidavinės. Dėl to nesijaučiu saugi ir tuo labiau, manau, kad Europos Sąjungos šalys yra labiau išsivysčiusios, tai yra, norėčiau labiau gyventi europietiškoje šalyje, tuo labiau, kai ten daugiau baltarusių. <...> čia (aut. – Lietuvoje) aš atvažiavau pas pažįstamą žmogų, draugą. Nes persikelti į šalį, kurioje tu nieko nepažįsti, neturi savo draugų, yra sunku, o čia aš turiu pažįstamą žmogų.“[118]

Nors daugelis tyrimo dalyvių turi socialinių ryšių Lietuvoje ir gyvenimą Lietuvoje vertina palankiai, ne vienas išreiškė norą grįžti atgal į Baltarusiją, kai bus galimybė. Informantės nr. 1 žodžiuose galime matyti, kokie stiprūs ryšiai sieja į Lietuvą pasitraukusius baltarusius tiek su savo kilmės šalimi, tiek su opozicijos lyderiais:

„Grįšiu į Baltarusiją, kai bus nuverstas Lukašenka. <...> Kai Sviatlana Cichanouskaja galės kirsti Baltarusijos sieną, ten atsirasiu ir aš. Kartu su ja, už jos nugaros, su visa minia bėgsim, grįšim <...>.“[119]

Iš tyrimo metu surinktos medžiagos paaiškėjo, kad baltarusių pasirinkimui trauktis į Lietuvą buvo svarbūs migracijos tinklai. Paramos fondai, opozicijos lyderiai ir nevyriausybinės organizacijos vaidino svarbų vaidmenį sudėtingu tranzito iš vienos šalies į kitą metu, padėdami baltarusiams įsikurti Lietuvoje ir suteikdami reikalingą pagalbą. O tarpasmeniniai šeimos, draugų, artimųjų ryšiai palengvino adaptacijos naujoje šalyje procesą.

Išvados

Iki šiol baltarusių migracija buvo siejama su ekonominiais motyvais. 2020 m. Baltarusijos prezidento rinkimus sekusios precedento neturinčios represijos sudarė sąlygas atsirasti priverstiniam baltarusių migracijos motyvų aiškinimui. Šiame darbe buvo analizuojami įvairialypiai migracijos motyvai, apimantys institucijų kokybę, grėsmes asmens saugumui, ekonomiką ir migrantų tinklus.

Smurtas ir nuolatinė grėsmė asmeniniam saugumui buvo labiausiai pasireiškęs migracijos motyvas. Siekiant atskleisti platų baltarusių smurtinių patirčių spektrą, šiame darbe buvo pasitelkta Galtungo smurto tipologizacija. Informantų pasakojimuose vyravo fizinio ir psichologinio, pasireiškusio ir užslėpto smurto apraiškos. Su pasireiškusiu, fiziniu ir psichologiniu smurtu – perteklinės jėgos naudojimu protestuose, sulaikymais, grasinimais – susidūrė vidutiniškai ir labai į opozicinę veiklą įsitraukę baltarusiai. Tuo tarpu užslėptas smurtas pasireiškė per nuolatinę baimę būti nubaustais ir įkalintais pagal Baltarusijos Respublikos baudžiamąjį kodeksą. Be to, net ir

[118] Informantė nr. 3.
[119] Informantė nr. 1.

mažiau į opozicinę veiklą įsitraukę asmenys, nesusidūrę su tiesioginiu fiziniu smurtu, baiminosi dėl savo ir savo artimųjų saugumo.

Tuo tarpu geresnė institucijų kokybė, aukštesnis pragyvenimo lygis Lietuvoje buvo migraciją sąlygojantys traukos veiksniai. Absoliuti dauguma tyrimo dalyvių kilmės šalies institucinę sąrangą vertina kaip neefektyvią ir neatliepiančią piliečių poreikių, o A. Lukašenkos valdžią laiko nelegitimia. Institucijų neveiksnumą ir didelį korupcijos mastą informantai sieja su prastu ekonominiu šalies išsivystymu. Lietuva matoma Europos Sąjungos kontekste kaip aukštesnio ekonominio išsivystymo valstybė su skaidriai veikiančiomis institucijomis, todėl tyrimų dalyvių buvo pasirinkta kaip tikslo šalis.

Be to, didelę įtaką baltarusių tikslo šalies pasirinkimui padarė ir pasikeitęs socialinių ryšių vaidmuo. Iki šiol Lietuvoje atlikti akademiniai tyrimai teigė, jog baltarusių migracijos tinklai Lietuvoje neturi reikšmingos įtakos baltarusių tikslo šalies pasirinkimui. Tuo tarpu šis tyrimas atskleidė didelę migracijos tinklų svarbą aiškinant baltarusių, atvykusių į Lietuvą po 2020 m. įvykusių Baltarusijos prezidento rinkimų, migracijos procesus. Tiek baltarusių bendruomenė Lietuvoje, tiek įvairios nevyriausybinės organizacijos padeda naujai atvykusiems asmenims rasti būstą, suteikią teisinę pagalbą, asistuoja kelionės procese. Išaugęs baltarusių socialinių ryšių vaidmuo gali būti siejamas su S. Cichanousjakos, Marijos Moroz ir kitų Baltarusijos opozicionierių persikėlimu į Lietuvą.

Taigi atliktas tyrimas reikšmingai papildė iki šiol vyravusią baltarusių migracijos motyvų sampratą. Šis tyrimas atskleidė, jog smurtas yra pagrindinis po 2020 m. Baltarusijos prezidento rinkimų į Lietuvą atvykusių baltarusių migracijos motyvas. Tuo tarpu geresnė institucijų kokybė, aukštesnis pragyvenimo lygis ir migracijos tinklai sąlygojo tikslo šalies pasirinkimą. Vis dėlto Baltarusijoje sumažėję pilietinio pasipriešinimo mastai verčia abejoti šių migracijos motyvų tęstinumu. Siekiant tai įvertinti, reikalingi papildomi tyrimai.

Priedas Nr. 1

KLAUSIMYNAS

1. Kada atvykote į Lietuvą? Su kokiais sunkumais susidūrėte kelionės metu?
2. Ar iki atvykimo turėjote Lietuvoje artimųjų, draugų?
3. Kaip atrodė jūsų gyvenimas iki išvykimo iš Baltarusijos?
4. Kaip vertinate savo finansinę situaciją, kol gyvenote Baltarusijoje?
5. Kokias matote pagrindines problemas Baltarusijoje?
6. Kaip vertinate A. Lukašenkos politiką?
7. Kaip vertinate prezidento rinkimų rezultatus? Kaip apibūdintumėte situaciją šalyje po įvykusių prezidento rinkimų?
8. Ar dalyvavote protestuose?
9. Ar susidūrėte su spaudimu iš valdžios institucijų?
10. Ar svarstote galimybę grįžti į Baltarusiją? Kas turėtų pasikeisti, kad grįžtumėte?

Priedas Nr. 2

SOCIODEMOGRAFINIŲ CHARAKTERISTIKŲ LENTELĖ

Informantas	Lytis	Amžius	Išsilavinimas	Darbo sritis	Pajamų grupė	Įsitraukimas į opozicinę veiklą*
Informantė nr. 1	Moteris	30	Aukštasis universitetinis	Komunikacija	Pasiturinti	Labai įsitraukusi
Informantas nr. 2	Vyras	47	Aukštasis universitetinis	Krašto gynyba	Vidutiniškai pasiturintis	Vidutiniškai įsitraukęs
Informantė nr. 3	Moteris	27	Nebaigtas aukštasis universitetinis	Bedarbė, namų šeimininkė	Vidutiniškai pasiturinti	Labai įsitraukusi
Informantas nr. 4	Vyras	36	Aukštasis universitetinis	Informacinės technologijos	Pasiturinti	Mažai įsitraukęs
Informantė nr. 5	Moteris	33	Aukštasis universitetinis	Klientų aptarnavimas	Pasiturinti	Labai įsitraukusi
Informantė nr. 6	Moteris	31	Aukštasis universitetinis	Bedarbė, namų šeimininkė	Pasiturinti	Mažai įsitraukęs
Informantė nr. 7	Moteris	30	Aukštasis universitetinis	Menas	Vidutiniškai pasiturinti	Vidutiniškai įsitraukęs
Informantas nr. 8	Vyras	36	Aukštasis universitetinis	Informacinės technologijos	Pasiturinti	Vidutiniškai įsitraukęs
Informantė nr. 9	Moteris	34	Aukštasis universitetinis	Mokslinė veikla	Pasiturinti	Labai įsitraukusi
Informantė nr. 10	Moteris	31	Aukštasis universitetinis	Bedarbė, namų šeimininkė	Pasiturinti	Mažai įsitraukusi
Informantas nr. 11	Vyras	26	Aukštasis universitetinis	Menas	Vidutiniškai pasiturintis	Labai įsitraukęs
Informantas nr. 12	Vyras	20	Vidurinis	Studentas	Vidutiniškai pasiturintis	Labai įsitraukęs

Priedas Nr. 3

TRANSKRIBUOTI INTERVIU

Informantas Nr. 1

I (interviuotojas): Как давно вы прибыли в Литву?

T1 (Tiriamasis ir jo eilės numeris): Я пересекла границу Беларуси с Литвой 18-ого декабря 2020 года на автобусе, в принципе, я это ещё успела сделать, потому что, я не знаю в курсе ли вы, 21-ого декабря у нас уже Белорусские законодатели постановили, что закрывается сухопутная граница, точнее автомобильная граница,

вот. Можно из Беларуси белорусам вылетать в Европу теперь только самолётами. Так что я старалась успеть до этой даты, поэтому вот 18-ого выехала. Помогла мне такая организация как «Страна для жизни», в общем-то в которой сейчас я в ней состою. Они мне помогли с выездом, с получением визы, во-первых, чтобы въехать в шенгенскую зону, ну а во-вторых, чтобы въехать они подавали списки вот, чтобы мне гуманитарную визу выделили. И также помогал фонд «Freedom house». Благодаря им открыли гуманитарный коридор и вот я смогла въехать в Ковид, иначе бы не смогла без этого гуманитарного коридора.

I: А столкнулись ли вы с какими-то трудностями?

T1: Во время выезда я – нет, не столкнулась, у меня как бы такая ситуация довольно комфортная получилась, я просто села в автобус в Минске и вышла из него в Вильнюсе. А на границе, единственное, в Белорусской у меня спросил пограничник «уверены ли вы, что вы пройдёте литовскую границу», потому что из-за Ковида как бы по моей визе я не должна была туда проехать. Но вот я сказала «всё нормально, разберёмся, только выпустите», вот и прошла слава богу, всё в порядке, ну а дальше гуманитарный коридор позволил проехать в Литву.

I: А как вы себя чувствуете здесь? Всё хорошо?

T1: Я себя чувствую здесь замечательно, потому что новости ужасают всё больше и больше из Беларуси. Кстати, я понимаю очень хорошо, что как бы и даже Литва, которая подставила плечо, очень многое не знают люди, что сейчас происходит в Беларуси, потому что, ну, сталкиваешься на улице с местными жителями. Последний раз мужчина очень удивлялся, он такой говорит «да и вот вы такие молодые, вы бежали из своей страны» я говорю «да, вот именно мы и бежим, потому что мы хотим нового и нас за это сажают, избивают и уничтожают»

I: Имеете ли вы знакомых, которые помогли вам обосноваться в Литве?

T1: Опять-таки, это люди, которые до меня сюда выехали, это «Страна для жизни», ну и в первую очередь – Мария Мороз, она сейчас руководитель фонда «Страна для жизни», а в момент президентской кампании летней, она была главой штаба Светланы Тихановской, возможно вы знаете уже. Вот, как бы, и поскольку я входила в инициативную группу, собирала подписи за Светлану, то вот я была знакома с Марией ещё с лета и ну вот активно работала в команде, поэтому собственно у меня и стал вопрос, когда репрессии в Беларуси стали набирать вообще колоссальное оборот, стало понятно, что если ты хочешь продолжать такую оппозиционную активность, то ты должен убежать просто оттуда, потому что за тобой придут рано или поздно.

I: Какие причины повлияли на ваше решение приехать в Литву, а не в другую страну, например в Польшу или в Украину?

T1: Мне Литва как бы ощущается ближе, мне нравится, что она более маленькая, как-то чувствуешь себя что ли уютнее, не таким потерянным и в целом кажется, что, что ли страна более такая, ну… ой, дружелюбна это немножко не то слово, но знаете, когда большой город и маленький город, ну вот люди по-разному живут. Вот, вот это вот состояние, что маленькая, люди чувствуют что ли, что они управляют этой землёй, что она их, что не… ну, не знаю, как это выразить, в общем, вот эти все моменты то, что получше, подружнее, поуютнее, вот. Плюс и ещё здесь конечно штаб офис Светланы Тихоновской, это тоже было важно, ну и офис в том числе «Страны для жизни» сейчас здесь находится, так что вот сошлись такие факторы.

I: Принимали ли вы участие в митингах или другого рода политической деятельности?

T1: Да, я начала со сбора подписей за Светлану Тихановскую, далее в… Ну была также наблюдателем на выборах, тоже такая важная стадия была вовлечения белорусов в выборы - это массовое обучение и вовлечение людей в то, чтобы во время самого голосования ну как-то, какой-то гражданский контроль мы попытались установить. Вот это конечно было сложно и никто даже не представлял, что за это будет ОМОН потом хватать людей, которые просто стояли даже уже не на участках, может быть вы тоже знаете, что нас выгнали просто всех граждан. Не аффилированных, не специально назначенных граждан выгнали с участков, якобы по закону, конечно с полным нарушением законодательства. Насильно выставляли людей, мы не могли даже смотреть, как идёт голосование, как люди забрасывают в урны что-то. Там в день… то есть, вы знаете, да, что у нас досрочное голосование там длится 5 дней? Вот, нонсенс такой. И потом основное голосование 5 или 6 месяцев было, и потом основной день голосования. Ну вот, и в основной день голосования начался трэш, что ОМОН приезжал за наблюдателями и с улицы их вывозил. Так что в этом наблюдение тоже поучаствовать успела, ну потом, да, потом митинги после выборов. В первый день выборов 9-ого августа вот в ночь конечно же пошли, пошли на горячую точку, вот смотрела всё глазами. Ну, ужасов удалось избежать, я не попадалась, не сидела на сутках, а сидел муж.

I: Вы прибыли, в Литву одна или с мужем?

- Одна.

I: Думает ли ваша семья тоже приехать в Литву?

T1: В принципе никто, нет, не думает. Ну я как-то не вовлекала никого, то есть, это я одна такая в семье, уже давно пытаюсь, пыталась донести маме наверно больше всех, ну, пыталась объяснить, какая у нас страна и что произойди хоть какое-то твоё пересечение с государством, чуть более серьёзное чем там сходить, справку взять а том, что ты там здоров к примеру. То ты, ты просто будешь бесправен. Если государство в Беларуси уже… это

десятилетиями твориться, правда люди почему-то не хотели замечать и вот эта может психология человеческая, меня не коснулась значит него. Это, к сожалению, вот нас привело к тому, к чему привело сейчас. А вот мне было не всё равно, когда я видела, что беззаконие творится с другими людьми, как у них отнимают дома допустим, у нас может спокойно городские власти просто отнять у людей дом в котором их семья там сто лет жила, потому что к ним пришёл классный арабский застройщик или сербский, ну не важно, кто в бане с Лукашенко помылся, он сказал: «я хочу здесь построить 30-и этажку, ухудшить городскую среду, заработать огромные себе средства, а эти вот тараканчики там просто заплатят, ну и классно, и будут себе жить в муравейнике» то есть. И таким образом реально в Минске происходило много… большое беззаконие, вот. и на этом примере я поняла, что в Беларуси не работает защита вообще никак гражданина. Маме хотелось передать, что, говорю «ну вот захоти у тебя что-то отнять, ты ничего не сделаешь, ты заработаешь сердечный приступ». Ну тоже много историй от людей читала разного, разные несправедливости с белорусами. Люди клали здоровье на борьбу, на попытку отстоять справедливость просто, вот простую справедливость. Люди тратили здоровье, жизнь, своё счастье, будущее она у них не получалась. Годами, десятилетиями у них не получалась и я поняла, что это не единичный случай, такая не просто ситуация, так власть считает правильным относится к своему народу в Беларуси. Но мама моя только это поняла вот после 9-ого августа, к сожалению мои слава её никак не переубеждали «ну что ты, что ты, тебя же не касается, не бери это к себе в голову» ну так вот, легче жить в забытье, а потом произошли события и она у меня даже, хотя я не просила, там не упрекала, она сама мне однажды такая пишет, что «доченька, прости меня пожалуйста, что вот я не понимала». Вот эти прозрения произошло со многими нашими белорусами, ну теперь дальше надо с этим прозрением что-то сделать.

I: Так ваша мама она не хотела чтобы вы уехали?

T1: Я в принципе, я в принципе не рассказывала вообще чем занимаюсь, поэтому, ну я поехала тоже ни сильно предупреждая. Я выехала, а потом рассказал, кажется так. Это тоже как, ну вот, как мера немножко безопасности для моих родных, что они особо не знали. Там о своём знакомстве со Светланой Тихановской я тоже совершено не афишировала никому кроме мужа. Потому что такой закон к сожалению, вот гражданской активности в Беларуси, лучше молчи о том, что ты делаешь что-то для общества сейчас, а иначе, вот случайно где-то какой-то оброненной фразой, о тебе уже донесли и будешь на карандаше и не выйдешь потом ещё никуда.

I: Как выглядела ваша жизнь в Белоруссии до выезда?

T1: Я занималась тоже гражданским активизмом, просто добивалась справедливости немного в другой сфере зоозащите. То есть, это не было официальной работой, тоже именно активизм, это была долголетняя работа по совершенствованию законодательства Беларуси в отношении бездомных животных. Ну, да, начали с подобных. Вот так.

I: А устраивала ли вас ваша финансовое положение?

T1: Более чем, у меня муж зарабатывает очень хорошие деньги для Беларуси, наш достаток прекрасен, мы купили квартиру, сделали ремонт дорогостоящий, там в центре Минска квартира щас. Вот, по достатку мне вообще не на что было жаловаться, всё что угодно доступно, товары, услуги, я жила свободно.

I: Рассуждали ли вы возможность уехать за границу на заработки?

T1: Нет.

I: Какие по вашему мнению являются основные проблемы в Белоруссии? В сфере экономики, социальные может проблемы какие-то.

T1: Знаете, мышление управленческого сектора, вот это. Именно мышление я вижу главной проблемой. Мышление, подбивание ценностей, вот это такое абстрактное. По-моему это просто корень, даже в активизме моём зоозащитном было понятно, что мы вот сейчас в этой проблеме упираемся просто в несоответствие ценностей, вот на нас как представителей гражданского общества и чиновничьей стороны. Просто они, они допустим не считают какие-то гуманные ценности как некий мотиватор что-либо поменять. Для них это не ценности и зачем им шевелится ради того, что там какая-то собачка пострадала, они не видят, что за это идёт страдание и людей, и что это воспитывающий фактор для общества в целом очень важный для детей, это демонстрация вообще гуманизма и как они себя должны проявить когда вырастут. Этого, они ничего не видят этого. Ну, и просто, когда ты сталкиваешься в вот такой неосязаемой веще, ты уже как бы даже не понимаешь как объяснить и как добиться чтобы они шевелились. То есть, мышление, я поняла, что вот это вот главная проблема. Потому что по образованию Беларусь это там, ну извиняюсь, там не Зимбабве, да, у нас люди с высшем образованием в большом проценте населения, у нас есть толковые люди, грамотные, умные. Даже, прости господи, в текущем госсекторе, который продолжил этот режим, есть люди, которые технически они, естественно, умны, они образованы, они интеллектуалы, но вот с ценностями, с мышлением вот с ценностном, огромная слабость которое, которое я считаю, главной.

I: Как бы вы своими словами описали ситуацию в стране после президентских выборов?

T1: В начале огромный подъём национального духа, духа братства, единства белорусов. Это… С этого началось. В общем взлетела просто до небес. Понимаете, мы просто раньше, белорусы даже не собирались в таком количестве друг с другом, мы такого единства никогда не ощущали, реально его не было. Потому что, вот,

я стала задумываться, как другие народы вообще чувствуют вот это вот единство, связь с друг с другом, что мы как бы братья, что между нами что-то есть такое тёплое связывающие и вот, ну, я подумала, что наверно какие-то вот, когда праздники общие национальные, и тут, которые люди разделяют сердцем, вот они все выходят в этот день и понимают, вот этот вот праздник нас действительно скрепляет, потому что вот в наших сердцах отзывается, да. А вот там, ну, через границу вот уже соседний народ, им это не отзывается никак, а для нас это важно, потому что в этот день, допустим там, у нас состоялось какая-то там победа историческая, и вот это вот скрепляло людей. Скрепляет в нормальных обществах, так где ну ценности действительно вот взяты из истории. А в Беларуси вот за эти 26 лет у нас не было вот ценностей, у нас была идеология, она такая, она холодная, она не ложится на сердце. Реально, детей с детства ей обучают, ты сделаешь каких-то роботов, но они не будут в сердце это чувствовать, как что-то действительно согревающее, не такое вот для тебя важное. И поэтому… поэтому идеология не могла скрепить людей. Вот в праздники там какие-то выходили, они, они даже выглядели убога и ну до сих пор мы смотрим вот эта вот культура белорусских государственных праздников, она убогая просто. Это водка, шашлыки, вот. Ну, как бы, ну серьёзно, такой образ государственных праздников, ну ты на этом ничего не научишься на такой вот тусовке. Даже вот в Литве погуляешь, тут какие-то лампочки, какие-то украшения, такое душевное, потому что, ну, люди сердцем чувствует вот это событие, а не то что у нас там поставили вот эта цифра в календаре, это такой-то… это день незалежности, там независимости), а это день города. А чего, как? Праздники ни с историей не связаны, какие-то они странные, вырваны какие-то, непонятно с какого контекста. Вот поэтому мы даже на этих праздниках не чувствовали, что вот мы нация и вышли почтить что-то такое исторически протяжённое. Поэтому никогда не чувствовали мы белорусы, что друг другу братья. И вот когда мы в едином порыве оказались на этих митингах, все стихийна вышли не зная куда, зачем, почему. Ну ладно это, мы знали почему, да. Ну что делать, да, как бы и не было понятно чего мы добьёмся вообще, мы понимали, что мы должны выйти и когда масса вокруг тебя всё нарастает, нарастает, нарастает и ты такой в шоке сколько здесь людей, мы разделяем это вот, мы пришли ведомо и вот в едином просто порывом. И не потому, что нас просто заставили, тем более заплатили всем там какие-то деньги баснословны, я даже не представляю это какого миллиардера надо было где-то штаны с него снять, чтобы собрать миллион человек, есть статистика, что как минимум миллион человек белорусов из 10-и миллионной нации побывало хоть раз на митингах вот этих осенних, летних, вот статистику собирали. И, ну знаете, надо было очень много денег, чтобы стольким заплатить. И к слову, если уж придираться к деталям, то, как легко они щас вычисляют людей, которым со штрафами помогали, то, извините, наша служба вычисляет людей, которым фонды благотворительные, да, помогали оплачивать штрафы за то, что людей там на митингах ловили. Вот, это они очень легко вычисляют, а при этом миллион белорусов, которым заплатили, нет ни одного доказательства вообще документально, что хоть один человек там на улицу вышедший получал деньги. Как так, интересно, вот. Ну, понятно, что это абсурдно. Тут можно куча таких абсурдных вещей находить.

I: А почему вам важно важно так участвовать в политической деятельности?

T1: Потому что такое моё будущее, то есть, в этом будущее моей страны. Я… Меня страшно раздирало от несправедливости, понимаете? Она же, она же от мала до велика была, пронизана белорусская, вот жизнь белоруса несправедливостью от мала до велика. От простых каких-то вещей, это отношение к тебе в каком-нибудь кабинете чиновника, где тебе там «зайдите», «выйти» к тебе такая всегда такое пренебрежение, к чему вообще? Кто ты такой? Почему ты так ко мне относишься? Я зашёл культурно, спокойно, а ко мне тут какой-то будто царёк на меня смотрит, хотя это государственный служащий, вот. И вот это вот начиная с таких моментов, заканчивая тем, что мы президента не избираем даже, мы не имеем право в своей стране определить её будущее. Ну… несправедливость. Ну, и конечно, сама персона Лукашенка, она просто вот любого культурного человека вызывает исключительно вот внутренние отвращение, такое неприязни. Его невозможно слушать, смотреть, его мысли, то есть, ты понимаешь, что он совершено не достойный человек чтобы быть президентом сегодня над тобой. И я просто хочу иметь право сказать, что «Всё, уходи. Кто ты такой?». Он, он сейчас заявляет, что он имеет право владеть нами, вот он реально считает, что люди – его имуществ, и страна в том числе. Я так совершено не считаю и как бы я хочу восстановить некоторые вот эти вот проблемы, потому что, ну, и будущему поколению здесь жить, и мне самой. И как бы, куда мне рожать детей, вот в это? То есть, я тоже не понимаю, ну мне вот 30 лет, если что, и как бы я не понимаю, я не хочу в такой стране рожать. То есть, я сейчас, наверно… Ну, у меня самой сестра родила и вот я даже не знаю, в каком состояние как бы ребёнка воспитывать, то есть, столько тяжёлого, а это в детях оседает, когда они маленькие передаётся, то есть, ой, ну не знаю. В общем, такой страх за будущее и нежелание его иметь в этой стране пока что, вот это было мотиватором.

I: Собираетесь ли вы вернуться в Беларусь и что для этого должно произойти по вашему мнению?

T1: Победа, свержение Лукашенка. Да, я вернусь в Беларусь как только будет свергнут Лукашенко. Ну собственно вот. Как Светлана Тихановская сможет пересечь границу Беларуси, также и я там окажусь. Вместе с ней, за её спиной, всей толпой мы будем бежать, возвращаться [… 23:53], как только Лукашенко потеряет свою власть и уйдёт, я не знаю каким образом, может его сердечный приступ хватит, это было бы вообще лучший вариант для белорусов. Почему-то он такой крепкий, это ужасно.

I: Как вы относитесь к политике Лукашенки в целом и как вы оцениваете результаты президентских выборов?

T1: Ну, политика Лукашенка это ну какое-то следствие фантазий как-то так я бы назвала. Человек психически болен манией власти. Я вот не психолог, не могу это точно сказать, но для меня вот так это выглядит. Это как какой-то сюр в голове больного человека, который к сожалению вот своей вот этой вот болезненностью он в какое-то время сумел использовать её как харизму. Вот это была такая мощная харизма для тех, кто любит подчиняться и вот он таких людей, любящих подчинятся, которые не осознают вот этого, но они наполняются тем, что, боже, они под мощной рукой и они чувствуют как будто это и их сила тоже. И вот он когда-то вот этой харизмой таких людей, их, надо отдать должное, среди белорусов было много и белорусам это нравилось, они сами его выбрали, вот. И короче, он установил свою власть, но потом болезненно стало конечно деградировать, всё хуже и хуже. А структуру при этом он государственного управления выстроил под себя, он… Он с чертовской точностью причём понимал, как это надо делать, потому что он сразу же начал с подавления именно силовых ведомств под себя и там пошло, поехало. Назначает он всех прокуроров и судьей, там, не знаю, и глав КГБ, МВД, всех сразу… Первом делом то, с чего он начал, это силовой блок под себя. Ну вот, и дальше, то есть, углубление вот его, что-то вот психической зависимости на власти. Вот вся его политика. Ну, а дальше там игрался в экономистов, в хоккеистов, во что нравилось, в то игрался. Вот этот человек, то есть, у него ограниченный некоторый уровень айкью. Ну что он мог как бы делать, но делал это убого, ты всё время смотришь на это, вот так вот. Ну, вот так его политику оцениваю. А итоги выборов, да, вы ещё спрашивали?

I: Да.

T1: Ну как полностью сфальсифицированное. То есть, это… это откровенно, это для любого мыслящего человека в Беларуси, который наблюдал как происходило это, просто не вызывает вопросов о том что выборы и их результаты сфальсифицированы очень нагло. У нас очень много доказательств белорусов внутри, мы видели на своих глазах, даже тот же факт я вам упоминала как, почему граждан, простых граждан, мы не зеки, мы там не… нас не проверяли вообще никакой, не знаю, там нашу историю, ну вот, даже… Ну непонятно вообще за что нас выгонять с выборов, на которых мы выбираем нашего общего президента. Вопрос, почему я не могу себе смотреть на это, просто тихо сидеть, почему выгонять-то? Начиная с того, что устраняя… отстранили полностью граждан от наблюдения за голосованием, заканчивая тем, что граждане всё-таки сумели организовать электронные площадки по подбор итогов голосования, у нас была платформа «Голос» очень мощная, платформа «Зубр» в которой собирали фотографии протоколов, которые саккумулировали огромное количество данных, тоже вывели свои итоги голосования от людей, которым, ну, белорусы больше доверяют, вот, и которые показали, что победа за Тихоновской. Ну собственно вот на глазах результаты, мы их знаем. [… 28:22] протоколы, были всё-таки честные с комиссии в Беларуси, которые вывесили действительные результаты, где мы своими глазами видели там преимущество Светланы Тихоновской даже, даже в регионах, даже в деревнях вывешивались протоколы, где побеждала Светлана Тихоновская. Это победа, по сути, ну революционное, потому что ну даже на этих выборов всё равно считалось, что основной электорат Лукашенка это более глубокие, тёмные эти все места, регионы там поглубже, деревни. Это доказывает, что даже туда интернет дошёл и всё-таки люди сумели распознать, ну, что есть правда, что есть честно, ну и там произошло такой у людей всё-таки развитие ментальное за 26 лет, к счастью, вот. Даже его электорат его уже не выбрал.

I: Были ли вы озабочены о своей безопасности или о безопасности ваших близких людей?

T1: Частично. Я знала, что они как бы никуда особо лишнего не полезут сами, но муж был со мной, то есть, за ним наблюдала. Семья, ну я, я нет, я не беспокоилась. Они особо сами активно не влезали в гущу событий, а я как бы, ну, тоже сильно ничего им большого не рассказывала, чтобы там их не подвергнуть каким-то.

I: А как вы думаете, были ли у вас какие-то другие альтернативы в результате которых вам не пришлось бы оставить страну?

T1: Были, я могла перестать заниматься деятельностью, которую вела. Да, у меня был такой выбор, либо я перестою вот активничать оппозиционно, либо остаюсь, ой, либо продолжаю какую-то борьбу, которую могу я делать, но уезжаю ради этого.

I: Что было сложнее всего покидая страну?

T1: Сложнее всего… Что было сложнее всего? Ну, не знаю, у меня такая может быть странная… Ну понимать, что я, к примеру, могу не увидеть кого-то из своих бабушек, если всё продолжится. Вот, что я могу потерять бабушку и не суметь простится с ней, потому что не известно на какие (*я здесь) сроки.

I: Обобщая ранее сказанное, какие причины вынудили вас оставить страну?

T1: Так, надо щас ключевое что-то сказать. Опасение за свою безопасность и желание продолжить борьбу не сев за это в тюрьму.

I: У вас была угроза вас что могут посадить?

T1: Да, потому что я занимаюсь администрированием Телеграм канала, соцсетей и, раз у нас конфиденциально, вот и поэтому такая группа людей в Беларуси преследуемы. То есть, если летом я ещё чувствовала себя в безопасности пока я вела вот эту информационную работу, а под прицелом репрессий находились активисты уличные, открытые, такие вот, кто был лицом живым протеста, там наши самые громкие имена вот: Сергей Тихановский, Бабарико, Мария Колесникова, Цепкало Вероника, вот Светлана Тихановская разумеется, потом ещё политические разные у нас там Павел Северинец, Николай Статкевич допустим из ярких. Вот, они приняли

первый удар на себя всех этих репрессий, а потом, ну, я чувствую, думаю, господи, я там на 50-том дивизионе вообще. И потом вот началось август, сентябрь, октябрь и у нас… мы такие смотрим новости, задержаны администратор там такого-то чата, такого-то канала, такой-то там страницы и я стала понимать, что круг сужается, то есть, началась охота уже репрессивной вот этой машины, она людей, которые занимаются моей деятельностью тоже такой же. И я поняла, что это вопрос времени, потому что, ну, знаете, цифровой след оставить вообще очень легко особенно, когда ты там администрируешь с телефона, с компьютера где-то на бегу, может быть где-то VPN забыл там включить случайн. Ну реально, если за тебя кто-то возьмётся, то вообще найдёт тебя легко, ну, легко оступиться. И собственно вот у нас как бы все люди постепенно переехали кто вот такой работой занимался.

I: Хотите ли вы ещё добавить к ранее сказанному?

T1:Мне кажется я так много уже наговорила.

I: Так к концу я хотела вас спросить по некоторой формальности, которой нуждается для этики исследования. Вы уже сказали ваш возраст, да? 30 лет?

T1: Да.

I: А как насчёт образования? Могли бы вы поделиться?

T1: Высшее, квалификацию я получила инженер-программиста-экономист, а работала именно программистом.

Informantas Nr. 2

I: **Как давно вы прибыли в Литву?**

T2: В Литву я приехал 13 августа, Помогали выезжать правозащитники литовские, потому что карантин, и нужно было быстро выезжать. А приезжал с целью запустить проект «Зубра»- контроля за выборами, потому что находясь в Белоруссии , делать нельзя, иначе меня сразу закрыли бы.I:Расскажите, пожалуйста, с какими трудностями вы столкнулись? *С визой или ещё с чем-то?*

T2: Нет. Спасибо друзьям, которые здесь были. Мы работали с «Зимнес « проектом. Два человека местные ожидали нас. В том числе всё более- менее было подготовлено. Помогли и карантин пройти, проблем не было. И сейчас бывает ,когда на акции городу хожу или полицейских встречаю, всегда высказываю благодарность, за то что литовцы очень сильно поддерживают. Как и мы, так вы говорите, что были одним народом.

I:**Обращались ли вы по поводу политического убежища??**

T2: Обратился. Уже получил вот 8 числа на место жительства и на 5 лет. Я надеюсь, что ситуация поменяется , и я анулируюсь.

I:**Рассуждаете ли вы возможность вернутся обратно в Беларусь?**

T2: Я вам скажу точно, что 99 процентов людей, которые вынуждены были уехать, готовы и хотят вернуться. И даже те, которые уехали очень давно и не только в Литву, и в другие страны. Связь поддерживаем. По ситуации готовы приехать и помочь стране. Они и помогают, которые организованные, готовы помогать удаленно и вернуться домой.

I:**Как вы думаете, что должно произойти в стране, чтобы вы вернулись?**

T2: Самое очевидное, когда вся система полностью изменяется - идеальный вариант. Но первые звоночки могут быть, когда будут сняты обвинения от политзаключённых и не политзаключённых, которые по политически мотивированным делам были арестованы. Напр. Иванов выходи т, и ему говорят :» Вы невиновны». Я точно также прохожу по делу Тихановского. По осенью это было дело Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупции пост был,уволили. За условную группировку Тихановского. Уволили. И я своё там нашёл, хотя ничего противозаконного не делал. Только оправдание людей , которые незаконно были привлечены к ответсвенности за звоночки…..чтобы люди обращались.

I:**Как ваши родные и знакомые относятся к тому что вы решили покинуть Беларусь и приехать в Литву?**

T2: Именно в Литву , это как бы непринципиально было. Я уезжал в первую очередь потому, что люди, которые были .Четыре человека были: два в Минске и два в Литве. Волонтёр в Белоруссии и один человек в Штатах. В Штатах он не будет никуда переезжать. Он удаленно работает. Чтоб проект вести вместе, зачем нам делиться: два человека в Варшаве, два в Вильнюсе. Поэтому приехали, чтобы вместе всё делать. В Литву добраться было легче. Правозащитники помогали и помогли. Чем искать какие-то ходы выходы ,чтоб помочь уехать со страны. Получить визу быстро и оперативно не так просто. Уехать напр.в Киев ,где у нас не было с ним визового режима? Приедешь в Киев, а люди разбросаны. Приехали сюда, чтобы запустить нормально проект. Нами двигала идея. А такая там- лучше где…Мы ехали ради проекта.

I:**Как выглядела ваша жизнь до выезда?**

T2: Да. Интересовался политикой, потому что она зацепила меня давно в 2010 году. Когда опять выборы были. Выборы были фальсифицированные. В связи с тем, что проголосовал самым последним во всех вооружённых

силах Белоруссии. Я двадцать три года отдал армии и ушёл подполковником. Они ещё в 2010 поставили на карандаш: «А яяяй какой он нехороший:Должны были проголосовать заранее, а он тянул до последнего». С тех времён за мной уже присматривали.В 2015 году по рекомендации военной контрразведки,- они принесли министру обороны мои беседы в интеренете. Это была слежка ещё в 2015 году. Все мои беседы, все мои лайки, чем я интересуюсь и т.д.Ещё сказали ,(это ак вишенка не торте) что я ещё изучаю белорусскую.

В 2015 году я был уволен. Причём уволен был очень быстро. Мои коллеги тянули резину, чтобы я мог найти работу, перед тем, как уйду. Меня держали до последнего. Срок был до трёх месяцев. Приехал министр обороны. Я там ходил, сопровождаю его. Заходит в мой кабинет: »Шалыгин, а чё ещё не уволен?». И в тот же день вот пришёл,- и вот уволен. Это был 2015 год. Естественно я искал работу, подрабатывал, неофициально подрабатывал в ренторском агенстве. Успел продать одну квартиру. Все мои работы которые мог найти, в общем числе были связаны с секретами. Мои друзья, которые в том руководители предприятий, говорили; »Сергей ,извини, ты понимаешь». На меня уже сказали, что брать его нельзя. Я уволился в марте, а в мае я уже пошёл вперед- перобучаться. Переобучаться на программирование и во благо моим друзьям устроился в компанию и с2015 по 2020 г.г. там работал. Понятно, что так как я нахожусь в Литве, меня уволили. Они говорят: »Не переживай, приезжай, мы тебя устроим.

I: **Как вы оцениваете своё финансовое положения будучи в Беларусий?**

T2: В Белоруссии? Будучи военным я был откровенный патриот. Жили с семьёй от получки до получки. Сбережений копить было невозможно. Успел получить льготный кредит и купил квартиру на 25 процентов , которые сейчас съели всё это. А так от зарплаты до зарплаты. Когда устроился в компанию- не было нервотрёпки и запасов было больше. Такое было желание поехать к министру обороны, сказать ему спасибо, сделать какой- нибудь падарок. Поблагодарить, что он уволил меня из армии. Я в этой компании проработал 4-5 лет. А пока на паузе. Из армии я ушёл, подполковником- это старший майор. Так зарплаты хватает. А как выживают младшие офицеры, прапорщики,- я вообще не представляю. Их зарплата была 2-3 раза меньше. У меня в голове не укладывается. Как они сейчас на всё это дело смотрят, прячутся. Я всё это не понимаю и не принимаю.

I: **А какими , по вашему, являются основные проблемы Белоруссии?**

T2: Проблема основная, что в стране нет законов.И с большой трибуны дядька сказал, что иногда не по законам. т.е их просто нету. Многим рассказывал, что сейчас ситуация такая абсурдная, что людям за реальное убийство людей, тяжкие преступления- дают меньше, чем за политически мотивированное. Когда стаканчиком милициониеру бросил или пощёчину дал , есть случаи, когда наоборот. Переворот законов .Народ не чувствует никакой помощи, никакой защиты. Можешь выйти на улицу и не прийти. Были такие случаи, когда люди выходили в магазин и возвратились через 7-15 дней просто потому, что вышел на улицу. Основная проблема – это беззаконие.Вернётся в страну закон, будем говорить о чём-то дальше. А пока нет законов.

I: **Как бы вы своими словами описали ситуацию в стране после президентских выборов? Как вы объясните такую вспышку протестов?**

T2: Во все прошлые года 25-26 лет народ в выборах практически не участвовал. Был бойстреем- бойкот выборов. »Выборов нет.З ачем туда идти, зачем имитизировать какие-то порядки? ». Ну начиная середины-конца 2019 года Сергей Тихоновский, (блогер) сейчас он арестован КГБ. Он общаясь с простыми людьми, дал им высказаться, дал почувствовать то , что они не одни. Проблем в стране до фига . Народ это естественно возмутило, всколыхнуло. Они понимали свои проблемы и такие же у другого, поняли, что надо что-то менять .И поэтому на этих выборах и не только в самих выборах стояли километровые очереди. На этапе сбора подписей, на этапе агитаций. Там было ни с чем несравнимое подписание. Лукошенко из трибуны кричал: »Большая белорусская карусель!Малая белорусская карусель!». Я когда голосовал в Вильнюсе, нас человек 200-300 не могли зайти в посольство, потому что не пропускают. Сделано было так, чтобы людям не дать проголосовать». Честно это возмутило. Даже возмутило не те 80 процентов. Был бы человек немножко умнее, не летая в облаках, сказал бы:» Я набрал 55 процентов». Народ возможно проглотил бы.80 процентов , может быть, тоже проглотил. Но то насилие, которое было в течение трёх дней .Когда люди сидели в интернете , увидели и узнали, что в происходит в стране не оставило в стороне никого . Основное, что вынудило людей- это убийства людей, насилие, изувечие людей. Сейчас страна на условность два направления. Кто-то говорит, что 97 и 3 с другой стороны. Я понимаю, что это может быть какая-то мистическая цифра, но то, что большинство за идеи перемен и не простят того насилия, которое было в августе прошлого года. Это факт. Кто-то боится. Теперь там настолько судебная система. Уголовные дела вешают кому угодно. Платье повесил на балконе на фоне белой простыни – можешь попасть под уголовную статью. Вода камень точит. Народ не успокаивается как может – партизанскими, не партизанскими способами пытаются сказать, что они не согласны.

I: **Как вы относитесь к политике Лукашенко в целом?**

T2: У него есть заслуги. Я не буду отрицать - у него есть заслуги. Я не специалист в экономике, но то, что он держал своих чиновников на коротком поводке нагоняя с переди ,-может показушное. Такое управление выстроенное им было достаточно жёсткое. Жесткая до того момента , пока возможно было управлять тем меньшинством, которое рядышком касается этой системы. Как только эта система упёрлась во всё общество, эта система дала сбой, она не работает сейчас. Сейчас система настроена на то, чтоб перемалывать несогласных. Они ничего не делают для созидания, ни в идеологии, ни в экономике. ни в чём. На уничтожение

гражданского общества - не более того. Они работают только на это. Разговоров об экономике -посевная и уборочная об этом разговор вообще не идёт. Раньше конёк его был -посеять, убрать. Сейчас об этом разговору нет.

I: **Является ли недовольство нынешней политикой Лукашенко поводом для вашего решения оставить страну?**

T2: Я был недоволен и раньше, но уголовное преследование вынудило уехать .Лучше делать по крупице в другой стране, чем ничего не делать в тюрьме. Понимаю людей, которые делали героические поступки находятся в своей стране в тюрьме. Я преклоняюсь перед ними. Я решил, что буду более полезен так, чем будучи за решёткой, будучи каким-то символом.

I: **Как понимаю, вы начали свою политическую инициативу в 2010 году?**

T2: 19 декабря 2010 года у нас были выборы. Тоже был такой разгул демократии.Конечно не сравнимо с событиями 2020 года.Прощали, прощало КГБ , всякие терракты..Я жена и сын, которому было 10 лет. На улице было минус 20. Термос,р юкзак , и шли на улицы. После избиения людей, сейчас когда смотрел нарезки, реально плакал. После этого меня взяло за живое. После 2010 года началась такая компания мягкой белорусизации - не при поддержке государства. Народ сам стал по немножку понимать, блин, вот этот восточный брат – совсем нам не брат. И я начал увлекаться историей , языком .Всё как бы оно перстроилось.

I: **Как вы оцениваете результаты президентских выборов?**

T2: Оценить однозначно не могу ни Лукошенко, никто. Скажу только точно, что он их проиграл. Мы собирали данные, они собирали данные.Документальное подтверждение на тех участках, где мы делали совместный проект вместе с ГОЛОСОМ на 1200 участках сделали вывод-выборы были фальсифицированные. Мы не закрыли все участки. Будь то нормальным Президентом.(Сейчас я не называю нормальным человеком) сейчас ты упадёшь ,блин, открой все архивы, запусти людей, подсчитайте голоса. Хотя мы понимает, что протоколы были составлены, написаны не так как было согласовано. Протоколы не даёт пересчитать , потому, что там написано не 80 роцентов. Ну написали бы ему процентов 60.Я не знаю. Цифры там такие, что я про потолок говорю. Но он их проиграл. Вот и всё.

I: **Как вы себя чувствовали после этих выборов?**

T2: Вытерли ноги. В тебя вытерли ноги .Твоё мнение не важно. Могут делать, что хотят. В тебя могут стрелять, тебя могут убивать. Беззаконие. Естественно это. Многие говорили:» Я буду выходить на марши до последнего дня.» Репитивная машина будет делать своё. Это нормально. У людей, таких, как я, страх. Лучше по капельке делать что-то, чем сидеть в тюрьме. То беззаконие заставляет делать эту работу дальше .С местными белорусскими - литовцами или литовскими –белоруссами. Говорят:» Спасибо, что не останавливаетесь, что продолжаете». Останавливаться уже нельзя. Слишком дорого мы уже заплатили.- люди погибли.

I: **Сталкивались ли вы с репрессией со стороны властей?**

T2: У меня по жизненой стуации было - попросили уволиться. И уволили. Приходила повестка в следственный комитет естественно. Сын мой в cточкоме Белорусского национального университетета. Его тоже. Если бы он не успел забрать документы, сдать экзамены закрыть …?и он сюда приехал в Вильнюсский университет. Ему тоже две повестки приходили в прокуратуру. Дочка без повесток. Жена без повесток. Всех под таким надзором, под прессом. Все понимают, что можно найти что угодно, чтобы сделать тебя виноватым. Физического давления на меня не было. Перед самым отъездом самый первый мой начальник, с которым я ещё лейтенантом приехал в отряд. Мы с ним в одном доме живём. Одну две недели перед отъездом звонит:»Сергей, ты где? Что такое?

непонятно - какие машины около подъезда стоят. И люди незнакомые около подъезда крутатся.»Это был такой первый звоночек. Потом опять его сосед из контрразведки спрашивал, как поживает Шалыгин. Я из армии ушёл 5 лет назад. Почему они заинтересовались, как поживает Шалыгин. У моего друга, который служит в военной части спрашивали, как поживает Шалыгин. Вообще мы с давно уже не общались. Оставаться было нельзя.

I: **Являются ли репрессий поводом для вашего отъезда?**

T2: Условно. Цель отъезда была запустить проект. Мы оттуда уезжали два человека. Остались бы там, нас бы закрыли. Нас закрыли, и проект не запустился бы. И возможно не было бы тех событий, которые были в августе. Потому что люди увидели, кто в комиссиях, как они считают. Их друзья, их учителя. Снекоторыми знакомы лично, поэтому показали. Это было одним из катализаторов. Потому что , блин, как так? Я с ним всю жизнь ходил, дружил, а тут вот сволочь оказался. Мы ставили себе целью запустить это дело. И мы его запустили. Мы его обкатали.Это было в августе 2020-того, в ноябре 2019 у нас были парламентские. Мы уже сами для себя проект сделали и на основании данных парламентских выборов 2019 годаон вот уже был готов. Мы уже ожидали старта открытия компании, но про это не знал никто. Держали в секрете, чтобы не было проблем.

I: **Как понимаю вы участвовали в протестах или в другой деятельности.**

T2: Нет.До протестов я не дошёл. Я уехал 15 августа участвовал в сборе подписей. Мне Сергей Тихановский. Его арестовали 29-ого мая, а он мне 27 мая позвонил. Я был активистом, администратором на некоторых его чатах. Он видя, что есть люди адекватные, которые друг другу подсказывают, советуют. Он собирал команду

валонтёров.Там не было никаких фамилий. идейных политических Он мне позвонил. Говорит:» Сергей, так и так, помоги собрать подписи. потому, что там какая-то девушка(уже не помню как её зовут)не понятно как пришёл и точно также ушла, забрав все фамилии, имена, отчества, паспортные данные активистов всё позабирала, что нужно было делать. Это за два дня до его ареста. Я сказал, что помогу. Координировал, звонил, собирал подписи по Белоруссии. На работе был в офисе, после рабочего дня ходил, собирал подписи. С людьми по Белоруссии .Потом считали, проверяли. Потом это дело Светлане передал. Тогда на этом моё участие было оконченно.Там были варианты представителей кандидатам. Я не собирался туда пойти, потому что знал, что надо будет уехать куда-то. Тут мы 24х 7 доделывали и тот проект, в том виде который был у нас зимой. На какой мы орентировались, рассчитывали стал на порядок больше, шире, с новыми правозащитниками, инициативами, партивными работниками мы контачились.Но выборы уже шли по общим пониманием кто что делает кто куда .У нас работа была налажена с абсолютно многими инициативами.Это было уже здесь.

I: ***Чувствовали ли вы какое-то давление со стороны властей?***

T2: Властей нет. Нам зам.директор один раз позвонила. Был какой–то сбор подписей. Понятно, что там бешенное количество людей, которые приходили давать подписи, всё видели и были зачарованы. Приезжала Дойчк Велли. Делал какой-то репортаж. Не брали интервью, только где-то в кадре мелькнула. Она узнала меня.Позвонила и сказала;»Не делай такого»» Николаевна, я ничего не нарушаю.Тут всё по закону.».»Я тебе сказала».Но это меня не остановило. Она переживает за компанию. Я тоже это могу понять. Ни я , никто, кто был в команде у Сергея не делал ничего противозаконного.

I: **Могли ли вы рассказать о своём опыте, когда были военным и почему вас уволили?**

T2: В 2010 году был на площади. А начиналось это даже не в 2010, а начиналось 2006 году. В том году у малого был гевмарит. В том году были выборы Президента. И малой был в больнице. Это было воскресенье. Я поехал с женой проведать сына. Шесть лет совсем малой. Было после обеда. Телефон оставил в гардеробе и пошёл к сыну. Мы там пол часа час пообщались. Беру телефон, а там уже уйма звонков и сообщений. Перезваниваю самому начальнику, спрашиваю, что случилось, что произошло.Т один в вооруженных силах не проголосовал. Откуда такая необходимость?такой приказ тебя до 4 часов дня_А я тогда был начальником планового отдела, а моим начальником был главный инженер. «Я не знаю про такое распоряжение, я про него ничего не слышал». Тогда меня зам.министра по идеалогии на накарандашил. Потом в 2010 году. Меня это не успокаивало. Когда бардак в стране, надо бордак прибирать. Тогда в 2010 году на собрании офицеров попросился, точнее меня друзья попросили, выдвинули .На нашей территории был избирательный участок. «Давай мы тебя наблюдателем отправим». Меня и ещё одного человека. Я подготовился, выучил все постановления, методички т.д. И во вторник у нас начинается досрочное голосование. Я и ещё один мой друг в рабочее время приходили на свой участок, следили за голосованием. Там были представители общественной организации «Белорусь».Некоторые ещё консультировались по некоторым вопросам по законодательству. Они в нулевую направляют: »Иди, сиди». По-моему в четверг председатель комисси был зам.командира по идеалогии. Он тогда поехал на какое-то обучение в исполком. Там объясняют, как голосовать, куда бумажки класть, чтобы результаты хорошие получились .Тогда я уже не был инженером, а зам.командиром. И всё, что происходит, к счастью знал. После обеда , когда вскрывали избирательный участок, проходил мимо урны. Смотрю,- лежат на столе бумажки с заготовленными подписями. Словно говоря- вскрываю урны, ложу что нужно. ..Всё было готово .Я просто их взял, порвал. Даю секретарю. Говорю;» Бери , Лариса, не делай так. Это нехорошо. Они не нужны. Всё заготовлено.Всё заклеено. Зачем эти бумажки?». Она взяла и убрала. Она была прапорщиком. Я к ней хорошо относился. Звонит потом оттуда зам.по идеалогии. »Лариса ты взяла там?». Лариса говорит; Всё хорошо.Люди приходят и уходят, а Сергей Васильевич бумажки порвал». Он звонит, а рядом с ним стоял председатель райисполкома , и ему объяснил, что званный инженер порвал бумажки. Дальше всё пошло в министерство обороны по линии. Потом на меня вышли и сказали, что я должен взять свою кандидатуру. »Я ничего исправить не могу». Утром перед строем выше, сказал;» Прошу меня понять. Я не могу быть наблюдателем. Поймите правильно». Народ понял правильно. В 2010 году последовал второй звоночек. Потом я увлёкся историей, культурой, языком.. А ещё шли по площади с женой. И они по берегу всех людей, которые были в районе той площади ,пробивали, кто там был, не был. Ко мне два раза начальник управления приезжал: »Ты там был?». »Да,- говорю. -Был. С женой проходил». Они считали, что я нарушитель, преступник. Видимо вели, вели до последнего. Приехал начальник управления. У нас были какие-то типа учения. Вызывает меня командир. Ну, думаю, какие-то поручения даст. С секретными документами, чемоданом. Спрашиваю : «Что случилось?». »Так и так, либо ты уходишь, либо я тебе помогу перевестись в пограничный комитет.» «Я. -гворю. -Не принимаю никакую ситуацию. Если вы меня не отстаиваете, то я ухожу - я не нужен». До последнего тянули кадровики. Пытались помочь, чтоб я нашёл работу. Я искал работу. Контразведка ,видимо. раздала чёрной лентой, что Шалыгина не брать. Так вот моя история сложилась. Сейчас не жалею. Тяжело финансово, тяжело морально, когда осознаешь в какойстране живёшь,тяжело. Определился в жизни, кто друг, кто враг. Очень чётко нарисовались люди в близком окружении среди родственников, которые согласны на подлость, закрывают глаза. Я этого не принимаю. Мой круг людей в одном месте сузился, а в другом расширился. Тьма людей, которые даже в глаза не видел, удаётся встретиться и отметить Сейчас в стране кардинально изменилось-нет серых, есть чёрные и белые. Серые всё равно станут или белыми, или чёрными.

I: **Почему для вас так важно заниматься политической деятельностью?**

T2: Я не за политическую активность. Я в военное училище поступал в 1991 году ещё до развала.

Я поступил в июле, в августе мы поехали на такой полевой лагерь в Россию, в новгородскую область. Нас вызвали всех на стадион, построили и сказали; »У нас в стране перелом». Вроде всё обошло тихо мирно. Развал Союза. Поступали, со мной учились вместе украинцы и белоруссы, и казахи,- разные. Большинство из них приняло присягу на верность России. Они жили хорошо. Их одевали, кормили, им платили зарплату. Я присягу не менял и 20 лет служил Белоруссии. Мы жили как военные от зарплаты до зарплаты плохо. Ходили на рынок, покупали каких 30 банок тушонки на двоих. Там каша с сахаром бывает, без сахара. Но я ехал сюда именно из патриотических соображений Белоруссии. Патриотических, потому что я хотел помочь стране. Вопрос политики вторичный. Я считаю себя патриотом.

I: **Были ли у вас какие- то альтернативы, в результате которых вам не пришлось бы оставить страну?**

-Слишком далеко зашло. Возможно, если не беззаконие, даже до начала выборов, возможно не так много людей уехало бы. Тогда минимальность закона есть. Но в мае месяце начали хватать ,поняли, что это край. Одна знакомая, она тоже в Вильнюсе находится- друг Дима Фурманов. Он был администратором и другом Сергея Тихоновского.Она его хорошая знакомая.Она сказала, что сейчас в суде звучали аудио записи ещё с середины апреля. Значит с середины апреля прослушивали все разговоры даже без заведения уголовных дел. В стране нет закона.

I: **Что было труднее всего, покидая страну?**

T2: Когда я уезжал, мне нужно было с работы отпроситься. У меня типа отпуск был на 80 дней. Сходил к директору. А проект, над которым я работал дорогой и длительный.Я руководителем был этого проекта. Если меня выключить, будут проблемы. Я со своим коллегой пошёл к директору и говорю;»Так и так. Мне надо уехать. Потому что надо уехать». Договариваюсь, что три, ну две недели. Смотрим на календарь. 9-тое августа, ещё неделька туда сюда.Ч исла 15-20-того я должен быть в Минске. Потом понял, что возвращаться нельзя. Вот состояние того, что не всё можно сделать здесь, что хотелось бы. Мой сын приехал и в первое время просто вынужден уехать , а людей держали, выехать нельзя было. Он точно так же и на барикадах был, и бился, и дрался с полицейскими.Вот это чувство незащищённости. Срок нахождения не понятный. Многие говорили, что к Новому году вернёмся. Сейчас не говорят к какому Новому году. Я надеюсь, что в этом году ситуация изменится. Страна на самом деле находится в блокаде, с которой никто не имеет никаких связей, за исключением Путина. Один другому помогает. Она должна разрулиться, но когда - не понятно.Я в состоянии оторванноасти от Родины.Оно мне дорого.Даже не оторванность и разорванность от семьи.Много времени уделяю семейным проектам,а то, что там люди страдают, и когда читаешь новости. Мог бы кому-нибудь по голове настучать, пока находишься здесь.Во всех инициативах , которые там создаются и будут, стараюсь связь поддержать, чем могу, тем помогу.

I: **Какие причины обобщая сказанное, вынудили вас покинуть страну?**

T2: Только безопасность. Личная безопасность и необходимость сломать систему, показать людям, как в стране происходят выборы. Вот это меня вынудило. Я отказался от каких- то простых благ. Что проще- есть работа. У меня была хорошая работа. Я не жалуюсь. Я готов был низко поклониться и спасибо сказать. У меня были друзья, семья, дети, проблем не было. Но то, что происходило в стране, вынудило уезжать. Больной, колючий, ну блин. а по другому никак. Дорого всё. Люди погибли за идею, и предать идею нельзя. Поэтому мы здесь. Поэтому руки не опускаем.

-I: **А как вы сейчас себя чувствуете?**

T2: Ну ,конечно, тоскую. Как чувствую? Тут ещё в Литве локдоун, чёрт побери. Никуда не попадёшь, никуда не сходишь. Тоска. Основное тоска по Родине. Разделение общества на своих и не на своих. У жены вчера было день рождения. Её двоюродный брат полковник министерства обороны ярый преверженест существующей системы. До этого она была немножко повздорили на политической почве, но вчера пришёл и извинился. Она была рада что её услышали. Она ,конечно, доказывала, что выборов нет, люди пострадали ни за что, за идею. Он извинился. Она была счастливая. Чуть что звонит его жена. Ситуация совсем другая. Люди по новой, или в новом облике. Финиш давит. Меняет моих бывших, с кем служил раньше. Я 23 года Родине отдал. Остался один. Все остальные спрятались. Они не высказываются, боятся что-то говорить вообще. Т от, один, который остался, он был моим другом, друг моей семьи. И я друг их семьи. Писал, что его тоже просматривают. Но он руки точно также не опускает. Он упорный, может ещё больше чем я. По национальности грузин

I: **Думаете, что он тоже хочет приехать в Литву?**

T2: Не знаю. Его жена сама из Киева. Но он из Тбилиси давно уже уехал. Наверное, они если уедут, то уедут на Ураину, родину жены. Они видят, что на Украине, пускай даже и война, настолько они идут вперед, не ползут назад или топчутся на месте. Там люди чувствуют себя людьми. А у нас, как сказали, кормовая база. Знаете про кормовую базу? Не знаете? Когда 26 октября объявляли всебелорусскую стачку- забастовку. Она не состоялась. Люди были не готовы. Она отложена была. Но на некоторых предприятиях, было достаточно активистов, которые готовы были не выйти на работу. И такая история была в Гродно на Гродноазоте. Люди пришли к проходной, но на работу идти не хотели. Приехали Омон - человек 30 забрали, кого-то избили и сказали: »Вы наша кормовая база. Вы должны работать».Корбаков министр внутренних дел тоже недели две-три назад тоже приезжал в Бобруйск на завод. Опять точно также говорил: »Хороший город,- кланялся там всё.-Вы такие

хорошие.Вы же понимаете, что работаете не на себя. Мы тоже получаем зарплату, потому что вы работаете». Вот так на улице –мы получаем зарплату, потому что вы работаете.

I: **Хотите ли вы что-нибудь добавить к ранее сказанному?**

T2: Может быть немножно не по теме. Мне недели две назад задавали вопросы, как бывшему военному. И не дали договорить до конца. Тем не менее я в голове ношу такую мысль. Она меня будоражит. Насколько политики и насколько наш, уже не наш, бывший Президент является лжецом. Я будучи ещё в армии имел доступ к документам с титром «Совершенно секретно». Я видел все планы военных по защите государства. Знаю цели, которые находятся на территории Литвы в том числе. Я о том, что в 2014-2015 году булькался, обнимался с Порошенко, говорил, какой ты наш лучший друг. А большая часть территории Украины уже тогда в 2014 году она на наших картах была покрыта целями и знали, что это за цели. Он говорил , что он друг, а на самом деле он не друг, а сволочь. Украинцы того не знают. А в Литве знаю, ваша Телебашня тоже является целью. такие всевозможные объекты.

I:**Последний вопрос о некоторых формальностях.Которые нужны для этих исследований. Какой ваш возраст и образование?**

T2: 26мая 1974 года родился в городе Клетко Минской области. Образование-два высших:инженер- геодедист, второе- экономист- менеджер

Informantė Nr. 3

I: Расскажите, пожалуйста, как давно вы прибыли в Литву, с какими трудностями вы столкнулись?

T3: Значит в Литву я прибыла 6-ого сентября 2020-ого года. Прибыла по гуманитарной визе, переезжала ночью на автобусе с детьми. Что именно нужно рассказать?

I: Всё, что приходит в голову

T3: То есть, вам нужно, почему именно я уехала?

I: В том числе...

T3: Хорошо, значит, я и мой муж – мы были волонтёрами правозащитного центра «Весна» и волонтёрами штаба Сергея Тихановского, Светланы Тихановской. То есть, мы собирали подписи, помогали политзаключённым с адвокатами и с передачами, и так далее. Выходили на мирные марши, а тогда… до выборов, когда был сбор подписей, когда было объединение штабов, то помогали с организацией митингов в Минске, вот. Дальше, после выборов, после 9-ого, 10-ого, 11-ого, 12-ого августа, мы стали помогать волонтёрам, людям, которых избили и посадили, то есть, мы были… мой муж развозил людей, встречал под Окрестино, ездил и в Жодино, развозили передачи, семья, ну и так далее, проявляли какую-то активность, вот. 31-ого августа задержали моего мужа, к нам пришли с обыском, я осталась дома с двумя детьми и к нам пришли с обыском, забрали всю технику, вынесли вообще всё, вот. А меня вызвали в следственный комитет и направили ко мне, как они называются, ну в общем, проверить, как живут мои дети, то есть, я ещё была независимым наблюдателем в школе и в эту школу должен был пойти наш ребёнок в первый класс и 1-ого сентября я его не впустила в эту школу, потому что там были сфальсифицированы выборы, а когда я была наблюдателем, на нас вызывали ОМОН, то есть, я имела плохие отношения с директором этой школы, потому что он подделал протокол, не соответствовала явка и так далее, вот. Поэтому на меня вызывали соцзащиту, угрожали забрать детей, а потом, когда задержали нашего мужа по статье 293 часть 2 – это массовые беспорядки, то они сказали, что заберут детей, а меня даже посадят. Вот, поэтому было принято решение уехать, покинуть квартиру, нас друзья волонтёры Сергея Тихановского вывезли… вывозили ночью, 12 часов ночи, потому что после задержания мужа там у нас, ну, мы боялись, что за нами следят, за мной следят, и что могут за мной тоже прийти, вот, поэтому нас завезли в дом без связи, без интернета, там привезли еду и всё, это было в пятницу. Вот, мы там были с детьми в субботу и в воскресенье, то есть, прятались без интернета, без симок, не выходили даже из дома, боялись, что соседи могут, ну, увидеть нас и сказать, что появилась такая семья, вот. А в понедельник – 6-ого сентября, мы покидали Беларусь на автобусе на границе, ну, тогда уже были закрыты границы и во всём автобусе были только мы одни, то есть, мы разговорились с водителем, он знал, почему я уезжаю, то есть, ну, границы закрыты, Литва закрыта, ну вот, ехала я с двумя детьми и с рюкзаком. И на границе, на Белорусской границе меня очень долго не хотели пропускать, проверяли сумки, ну понимаете, да, где маленький ребёнок полтора года, она там плакала, капризничала. Мы держали… Держали меня там наверное больше часа и вот водитель, а ему говорили уезжать, потому что у него же расписание, но он без нас не уехал, он остался и ходил вот, уговаривал этих пограничников пропустить меня с детьми, просто вот ходил и упрашивал их и вот я думаю, что это сыграло большую роль, что нас пропустили и вот, с того момента мы в Литве.

I: Имеете ли вы знакомых, которые помогли вам обосноваться в Литве?

T3: На тот момент, когда мы сюда переезжали, нам помогала, ну как помогала, здесь же штаб Светланы Тихановской и Марии Мороз, и вот Маша Мороз помогала, когда мы сюда переехали, она сняла нам жильё, она помогала нам продуктами, вот.

I: Какие причины повлияли на ваше решение приехать в Литву, а не в Польшу или в другую страну?

Т3: Потому что мы ранее были в Литве и это недалеко от Беларуси, то есть, мне было важно, чтобы дорога не заняла много времени, так как маленький ребёнок, вот, и для меня было, ну, это очень важный плюс, здесь была Маша Мороз с которой мы, ну, знакомы были, мы вместе собирали подписи, вот, и я знала, что будет хоть какая-то помощь. Ну, то есть, Литва это на тот момент очень много помогала, принимала всех нас, вот поэтому ехали сюда.

I: Как выглядела ваша жизнь в Белоруссии до выезда?

Т3: До выезда либо до выборов?

I: И так, и так.

Т3: До выборов мы были обычной семьёй, мы жили обычно, собирались в школу, ну, то есть, двое детей, считали, что у нас всё хорошо, вот. И когда мы столкнулись с тем, с кем столкнулись, то есть, наша жизнь – она проходила в постоянной борьбе, в напряжении, ну мы знали, что за нами могут прийти и это было… ну единственное, что нам было опасно, это как раз таки дети, то есть, мы не готовы были сесть вдвоём с мужем, потому что мы не хотели детей в детский дом (*отдавать). Вот, и так мы были настроены идти до конца, до победы и сейчас несмотря на то, что мы в Литве, я всё равно работаю в фонде «Страна для жизни» и всё равно мы работаем на Беларусь, на победу, вот.

I: Рассуждали ли вы возможность выехать за границу на заработки, когда вы были в Белоруссии?

Т3: Мы рассматривали даже переезд более того. Ну, то есть, когда мы жили в Белоруссии, мы рассматривали вариант то, что мы будем уезжать из Белоруссии только потому, что там невозможно ничего делать, там невозможно работать. Ты можешь работать, но ты не будешь зарабатывать. Вот поэтому, да, мы рассматривали.

I: Как вы оцениваете ситуацию в Беларуси, какие основные проблемы присутствуют, или может таких нету?

Т3: В Белоруссии невозможно… В Беларуси невозможно дышать, то есть, там нет свободы, ты не можешь ни открыть своего дела, ни выбрать, я не знаю, школу, там всё нужно по прописке вот, ты прописан, значит ты идёшь в эту школу. Ты не можешь даже элементарно выбрать что-то такое, ты не можешь выбрать детский сад, более того, ты если что-то… ты если что-то можешь сделать, открыть свой бизнес, то ты не можешь работать в белую (*работать официально/легально), потом и у тебя всегда есть опасность того, что придёт государство, придёт налоговая, придёт МЧС и тебя закроют, хотя ты будешь, у тебя всё будет в порядке, но ты кому-то не понравился, ты «неправильных» взглядов и всё. Как сейчас мы смотрим, как «Symbal.by» закрыли или [«…» 8:30], все белорусские, белорусские национальные, как это сказать, магазины с этими товарами, их всех закрыли.

I: Как бы вы своими словами описали ситуацию в стране после президентских выборов? Чем вы объяснил такую вспышку протестов в стране?

Т3: Если говорить про первые три дня, которые вот сразу после президентских выборов, то мы… мы жили на Пушкинской рядом с каскадом, то есть, это то место, где всегда проходил… где была смерть Александра Тарайковского, то это страх, это непонимание вообще, что происходит, это ужас, потому что мы люди, мы ничего плохого не сделали, мы просто просили и хотели, чтобы наши голоса честно посчитали. То есть, если бы их посчитали честно, ничего бы не было, мы бы радовались, строили бы свою страну. Но кто-то один решил, что мы никто, а он – всё. А если говорить далее, то белорусы это ничего кроме солидарности, ну, ничем другим не выразить, даже… Если брать сегодняшний день, то даже сегодня, вчера была история о том, что маленький мальчик вынес своего брата при пожаре, сам получил крупные ожоги и сгорел дом, но он спас своего брата, то есть, это ребёнку там 1-ый, 2-ой класс и он уже понимает, что нужно выносить брата, да? И за сегодняшние сутки они собрали на этот дом более 20-и тысяч долларов, то есть, буквально за сутки белорусы просто взяли и помогли. И я думаю, что если бы нам не мешал один человек, то у нас была бы прекрасная страна с прекрасными людьми.

I: Как вы относитесь к политике Лукашенко и как к человеку самому?

Т3: Об этом человеке я в принципе не думаю, но, знаете, у меня нет на него ни злости, ни ненависти, у меня просто его очень сильно жаль. Я просто не понимаю, как можно быть таким несчастным, потому что все люди, которые злые, творят ужасные, дикие вещи, я считаю, что они глубоко несчастны и глубоко больные. Если он не понимает очевидных вещей, ну это больной человек и ему нужно лечиться. В целом он, он плохой политик. Если мы будем смотреть на все предприятия, куда он лез и вносил свою крепкую, хозяйственную руку, всё это провалилось. Единственная отрасль в которую он не лез, потому что не признал, это IT и IT у нас процветает.

I: Принимали ли вы участия в протестах? Расскажите поподробнее что вы испытали там? Как вы себя чувствовали?

Т3: Ой, знаете, я была на всех маршах, на всех митингах и на женских маршах, на цепях солидарности и это чувство не передаваемо, когда ты идёшь рядом с такими людьми как ты, то… я не знаю как это объяснить словами на самом деле, ну просто это счастье наверно.

I: Можете ли вы рассказать о своей политической деятельности, скажем так, как вы участвовали в митингах, что вы там испытали?

Т3: Именно политической деятельности? Я всё время занималась политикой**.** Если именно про марши говорить, то, ну мы просто все ходили на марши с флагами, с улыбками, с цветами, вот. Цепи солидарности у нас были женские, когда мы ходили просто все белые, либо когда мы выходили к красному костёлу и там перевязывали себе руки и ставали вокруг костёла, когда случилось то, что ОМОН тогда был. Но мы ещё занимались передачами с Марфой Робковой из «Весны», вот, то есть, мы формировали передачи, их уносили, я не знаю просто, как рассказать, когда Ольга Фурманова голодала, то мы им помогали с жильём, они жили у нас, вот. Также возили в Жодино. То есть, я не знаю что дальше рассказать.

I: Сталкивались ли вы с какого то рода давлением со стороны властей?

Т3: Как я говорила, у нас муж, он по 293 статье, а я сталкивалась только с таким вот словесным давлением, да, то есть, когда они приходили и угрожали, что заберут детей, что меня посадят, вот. А физического никакого насилия на до мной не было. Мужа когда задерживали, то его конечно же упаковали лицом в пол об асфальт там, он, ну, он был… были там синяки и побитый, вот.

I: А как вы чувствуете себя из-за этого?

Т3: Ну, как я могу себя чувствовать? Ну на тот момент, ну, нам было сложно уезжать, потому что муж остался там, вот. Но всё-таки дети первее всего, я не могла себе позволить, ну и муж передавал через адвоката, что мол уезжали. Как бы, я не могла ими рискнуть и отдать их в детский дом.

I: Как вы думаете, были ли у вас какие-то другие альтернативы в результате которых вам не пришлось бы оставить страну?

Т3: Я думаю, что кроме как оказаться за решёткой, у меня не было других альтернатив. Ну как бы, я знаю, что если сейчас я вернусь – меня посадят, а если бы я осталась меня бы тоже посадили. То есть, людей садят и за меньшее. Но я не собиралась сидеть сложа руки и сейчас я тоже не сижу сложа руки, поэтому, ну я знаю, что если ничего не изменится и если вдруг я вернусь в Беларусь при этой власти, то меня посадят, ну, на лет 15 точно.

I: Что было сложнее всего покидая страну?

Т3: Сложнее всего было понять то, что у тебя нет другого выхода кроме как… ну всё, ты… ну ты оставляешь всё, ты оставляешь: друзей, родителей, дом, кота. Ты просто вот приезжаешь в чужую страну, где у тебя нет прав, ну, ты не можешь там пойти как обычный человек и получить мед помощь, да? Здесь столько трудностей, когда у тебя болеет ребёнок, ты не знаешь куда звонить. Ну, ты не дома, ты в чужой стране. И это очень сложно, понимать то, что тебе просто взяли и, ну, сломали тебе всю жизнь и это не только мы, у некоторых ещё хуже, у некоторых вообще детей забрали, ну, то есть, люди погибли.

I: А как вы себя чувствуете в Литве сейчас?

Т3: На данный момент всё, ну как бы, если смотреть с материальной точки зрения, то всё в порядке, мы снимаем квартиру, я приношу пользу, мы помогаем политзаключённым. И смотря с эмоциональной точки зрения, то это очень опять-таки сложно, потому что очень много времени прошло уже, скоро год в мае, как это началось и пока конца не видно к сожалению.

I: Собираетесь ли вы вернуться в Беларусь, что для этого должно произойти?

Т3: Конечно, мы для этого работаем, чтобы все вернулись в Беларусь. Должна произойти смена власти, чтобы мы могли вернуться в Беларусь домой, а не на.

I: Как вы думаете, какие ещё, если такие, какие ещё есть проблемы в Белоруссии? Ну знаете, экономические может быть, социальные какие-то проблемы.

Т3: Проблемы есть везде и, ну, все эти проблемы и социологические, и социальные, и экономические, они все решаются уходом одного человека. Когда он уйдёт, мы уверены, что мы сможем восстановить всё, что он разрушил, даже столько культурные ценности, да? То есть, он никакой реставрации, даже этого не приносит, он просто всё разрушает просто всё.

I: Участвовали ли вы до выборов в митингах, раньше?

Т3: В митинге только против объединения России с Беларусью, но это 2020-ый год, вот, это были первые.

I: Обобщая ранее сказанное, какие причины вынудили вас оставить страну?

Т3: Угрозы сесть за решётку.

I: Хотите ли вы ещё добавить к ранее сказанному?

Т3: Нет, уже всё рассказала.

I: И к концу я хотела вас спросить о некоторых формальностей, которые нуждаются для этики исследования. Я хочу спросить, если вы могли поделиться какой ваш возраст и образование.

Т3: 27 лет, высшее отчисленный.

Informantas Nr. 4

I: **Как давно и как вы прибыли в Литву?**

Т4: В Литву я прибыл 19 декабря. Тогда мне просто помог мой отец. Он меня привёз к границе. И тогда я просто связался со своими знакомыми, которые жили в Литве и они меня встретили. И они помогли мне, ну, просто обусвоиться, но это была такая очень минимальная помощь, и с тех пор я живу здесь. Я поддерживаю связи с общиной, которая живёт здесь в Литве и тем не менее я думаю, может... рассуждаю возможность, может остаться на более длительное время здесь в Литве. Но это ещё не факт.

I: **Какие варианты ты ещё рассматривал, решая покинуть страну? Может сейчас ты решил бы поступить иначе и уехать в другую страну/город?**

Т4: Это наверное больше зависело от……?Я наверное выбрал Киев. Не потому, что это Украина , а потому что это большой город. Не ради культуры. Если бы Вильнюс был бы крупнее город, я бы выбрал Вильнюс. Это перспектива работы. Не только.Я по опыту жизни в маленьком город.Я очень скучаю по городскому шуму. Когда с 6 часов вечера ничего не происходит ,никаких звуков, всё тихо и ничто не работает, только вот где-то птички пролетают, -это кажется пастарально успокаивающе только первые пару месяцев.Хочется круглосуточного шума.

I:А **какой была твоя жизнь до отъезда из Белоруссии?**

Т4: В Белоруссии очень хороший заработок. Купили квартиру, сделали ремонт до эмиграции, даже не успели пожить. Сделали всё идеально сделал, да, и уехал. 90-ые годы были очень голодные. Мои родители были геологи и не очень хорошо зарабатывали, приходилось подрабатывать. Потом прошло время и был прогресс от голодного времени к лучшему времени. У меня сложилось впечатление, что со временем всё пойдёт только лучше. Казалось, что любые перемены ведут к лучшему. Когда я бросался в какие-то авантюры- поездкам в Норвегию или изучению испанского языка,- в любом случае всё это к лучшему. Жизнь в Белоруссии до 2017-2018 года всё шло по нарастающей на улучшения всего: повышению уровня жизни, общему самочувствию. При других обстоятельствах я бы начал думать, а нужно ли мне эмигрировать? У меня есть и работа, и машина, и квартира , и никаких обязательств, и проблем тоже.

I: **Так я понимаю, что если не работа, ты остался в Белоруссии или нет?**

Т4: Я бы долго думал оставаться или посмотреть как в других странах. Но это было бы более тяжёлое решение. А так меня вынудили переехать. И я решил, что есть хорошая возможность посмотреть .

I: **Испытал ли ты давление из-за своего политического мнения?**

Т4: Нет, не испытывал. У нас в офисе у программистов самые либеральные взгляды. Кто бы ты не был, какое бы не было твоё мнение, главное –чтоб ты хорошо работал.профессиональные навыки. В компании я самый молодой. И они не хотят принимать старше меня или их. Они хотят добавить какого какого- нибудь молодого студента, пенсионера ?брать не хотят. В Минске программисты могут очень сильно поругать друг друга за какую-то тему , но это никак не повлияет на работу. Они будут продолжать работать, даже если в личной жизни вообще с тобой не будут разговаривать.

I: **Как ты себя сейчас чувствуешь?**

Т4: Гораздо лучше. Во-первых, вызвал сюда Витю. Я перестал меньше волноваться, что там произойдёт. Потом мои программисты уехали из страны-перестал волноваться, команда эвакуируется, тоже можно перестать волноваться, коллеги тоже разъехались. Здесь больше людей, которые говорят с тобой. Разные мероприятия .Знаешь, что есть люди, даже если ты не общаешься с ними. Есть возможность и поговорить и на родном языке, если есть необходимость. Шум автомобиля и то успокаивает. Выбор продуктов лучше и шире.

I: **Есть ли у тебя близкие люди, которые тебе помогли бы,посоветовали бы что-то. с которыми ты бы мог поговорить?**

Т4: Во первых,- Витя. Сам и всё. Есть люди, которые могли бы помочь. Необязательно они помогут, но могли бы. Думаю, когда буду работать, будет какая-то крупная компания, у которой будет налажена и которые уже работали с белорусами . Я не думаю, что будут какие-то проблемы. По крайней мере по тому, как быстро шёл процесс насчёт Вити, это несравнимо.

I: **Участвовал ли ты в протестах перед отъездом из Белоруссии?**

Т4: Нет. За протестами я уже наблюдал через интернет.

I: **Представь, что ты разговариваешь с другом из другой страны, который ничего не понимает о ситуации в Белоруссии , что происходит в Белоруссии теперь? Как бы ты своими словами описал , что происходило в вашей стране после президентских выборов в начале августа прошлого года?**

Т4: -Я пытался объяснить <...> Проще показать видео –это лучше печатается в памяти. Либо показать, как избивают велосипедистов, или дать послушать ??записи свидетелей.

I: **Может ты мог бы обьяснить свойми словами чот произошло?**

T4: Это закол, отказ государства от своих обязательств, правовой закол, и захват власти. удержание силой, совершение массовых преступлений ради удержания власти: пытками, насилием, произвольными арестами, разрушением экономики, практикой вынужденного изгнания из страны, стимулирование бегства людей из страны. Практически это да террористическая группировка, которая захватила власть. Идёт борьба. Мне очень понравилось, как написал очень известный белорусский художник Цеслер :»А сейчас у нас начинается белорусская Ирак Дожинки» .Это дожимать, жать, выжимать, выкручивать. Дожинки -ежегодный праздник -вырезание последних колосьев пшеницы. Дожинки и Дужинки- аллитерация. Упорная упорная борьба людей за право быть людьми, за право самим решать за самих себя решать своё будущее. Плюс это ещё взросление нации. Когда люди уже отказываются от фигуры отца народа , отказ от патернализма , и люди уже пытаются строить взрослое государство самостоятельно, где нет необходимости сильной крепкой руки.

I: **Как ты сам оцениваешь нынешнюю ситуацию Белоруссии?**

T4: Самое тёмное время перед рассветом. Сейчас действительно зима, и все очень пессимистично настроены. Кажется, что революция проиграла,- но это первый раунд. Зима всегда тяжёлое время для любой борьбы . Я очень восхищён украинцами, которые провернули весь Майдан зимой, отстояли зимой. А у нас самоё самоё тёмное время было. Одиночные репрессии казалось без результатов со стороны революции. Но я думаю , что это как нижнее плато .мы сейчас в нижнем плато непонятно, где прорвёт. Когда народ опять выйдет, а он конечно выйдет , что должно произойти, кто что должен сказать, кто что должен сделать у властей- У Лукошенко и его военных. Они вынуждены действовать, они обязаны действовать, чтобы продемонстрировать, что они остаются сильными, что они непобедимы. Но любое действия всё равно приводит к ошибкам. Они не профессионалы, в любом случае, они военные прежде всего. Они бывшие кегебешники либо военные, либо ещё что-то, они могут командовать армиями, могут расследовать какие-то дела. Но они не знают, не понимают экономики , которой должны заниматься специалисты. Поэтому их действия так или иначе будут приводить к ошибкам , ошибки будут разрывать всю эту систему, разрушать ее по частям .

I: **Как ты относишся к политике Лукашенко и к ему самому?**

T4: У него есть одна позитивная черта - роль. Он вынудил белорусов заняться своей жизнью самим. Он такой анти -герой, но без анти-героя не будет героя. Это такая тяжёлая , я бы сказал, трагическая личность. Он вполне возможно, как бы хотел построить государство богатое процветающее, но в силу того что не вышел интеллектом, либо наделал ошибок,- и всё дальше лишь усугубляется. Это как Макбет: он хотел как лучше, но человеческая натура непобедима: мелкие грешки, жадность, злоба - всё пошло по нисходящей , с караваном кровавых преступлений если он сейчас оглядывается назад думает, что жизнь пошла на смарку . Но эту жизнь сам же и испортил. Если бы он ушёл из власти в 2003-2006 году, добровольно отдал власть, его запомнили бы как первого Президента, основателя независимости. Молодец, сделал своё дело, ушёл. Но сейчас его уже запомнят как кровавого тирана.

I: **Чем бы ты объяснил такую вспышку протестов в Беларуси?**

T4: На самом деле естественным путём. Государство долгое время занималось только собой. Я имел в виду, что они - администрация, консультанты президента и все прочие получили ключи от социологии. Социологию просто запретили. Социология, опросы ,выборы в том числе- это обмен информационном потоком. Государство как институт получает свежую кровь, получают новых людей, появляются новые мысли. То чтобы в обществе какие проблемы есть и какие идеи витают в обществе новые идеи ,так или иначе проникают в государство. Через людей. Но поскольку государственная машина замкнутая, она не принимает новых людей , она не слушает информацию, она не выдаёт эту информацию, только транслирует её рассеивают свои идеи. Государственная машина не могла следить за мнением государственного общества. А общество, видя, что в эту стену не пробиться, нельзя ничего изменить долбя и долбя государство, от него ничего не проникает. Это как телевизор. Он транслирует информацию, а ты даже канала переключить не можешь и начинаешь заниматься самим собой сам .Сам начинаешь строить бизнес, не рассчитывая на государство , сам начинаешь копить на пенсию, сидишь сам втихоря, не рассчитывая на государство. Очень быстро поняла, что она сама за себя в ответе если не будешь шевелиться, то в твоей жизни ничего не изменится. И выросло новое поколение в сфере IT? журналистике, в творческой области, люди, которые решили: если нас государство не слушает, то и мы не будем государство слушать. Телевизор. Многие белорусы, многие из современной молодёжи воспринимают, что телевизор это экран, это не провод, который идёт к экрану. Они даже не знают, что можно подключить кабель, что есть каналы , которые ещё можно смотреть . Люди живут youtube , люди живут социальными сетями. Они уже не живут на старом свете. Это то, что я пытался очень долго своим норвежским коллегам объяснить. Белорусы не смотрят телевидения . У нас есть телевизоры. Мы не смотрим на них фильмы, делаем подписки на частные каналы. У нас проводная лента формируется нами же через youtube, через телеграф. Мы не смотрим национальное телевидение. Оно , вполне возможно, есть , оно ,вполне возможно, существует. Есть люди, которые на нём зарабатывают деньги. Мы им мешать не будем, но и смотреть тоже не будем. И, поскольку люди начали жить самостоятельно, белорусы начали ездить в Европу, огромное количество .Как я понимаю, Белоруссия - первая страна в мире по относительному коэффициенту получения виз европейского союза .Они увидели, что можно жить по другому. Когда подвернулась возможность в 2020 году сказать, что мы хотим жить по - другому,- они сказали. Они сказали и увидели, что их много. Это самое важное достижение 2020 года. Каждый белорус понял, что он не один, а нас много таких одинаковых, которые выросли при Лукошенко, но по отдельности. Он был всегда, а мы выросли. Нас много. Лукашенко и его

головорезы несут ответственность за все. Аресты, избиения, убийства <...>. Он думает, что может делать все, что захочет, но люди больше не овцы.

I: **Считаешь ли ты что люди увидели, что можно что-то сделать ,и это причина , почему люди мобилизовались?**

Т4: Каждый был в youtube, каждый смотрел новости каждый смотрел Чялова, Невзоров, Латынина.Порфенов . Мы все смотрели ,но каждый смотрел, сидели каждый по домам, не знали, что и остальные тоже самое делают. И все думают, оказывается примерно одинаково. Это очень сильно показал процесс голосования. Утром я пришёл в 9,45 проголосовать. А проголосовал только в 15 часов. Все стояли в очереди. За мной ещё стояла огромная огромная очередь.. Они придумали сложить бюллетень гармошкой и увидели, сколько этих гармошек. Крайне показательно это было.Ты берёшь бюллетень и демонстративно складываешь свой бюллетень в гармошку. Ты видишь, сколько этих гармошек. И они видят. Они вынуждены были посчитать правильно. Каждый видел, что у нас не один по белорусу, а что нас много. Это было очень важно.

I: **Что по твоему мнению не устраивает людей в стране на сегодняшний день?**

Т4: Были такие триллеры, такие толчки. Есть причина - низкий профессионализм власти. Я не думаю, что в Белоруссии так уж сильно за демократию, как то, чтоб всё было в порядке. Раньше этот порядок делался сильной рукой. Раньше не было столько ошибок в поведении Президента.. Как бы это разрешалось. Но сейчас и ошибки накопились, и накопилось понимание, что дальше будет только хуже, что не будет измены руководства, не будет объявления и исправления предыдущих ошибок. Накопилось понимание, что необходимо сделать огромное количество структурных реформ и в экономике, и в политике и в этих мёртвых предприятиях, и всё это тянет уже огромное протяжение времени, и на крупных заводах. Создалось понимание , что административным путём и командным путём их нельзя решить. К примеру, наша компания - один из самых больших работодателей Белоруссии. У них 12 тысяч человек в стране. программистов. И они не эмигрировали. Вообще в Белоруссии 70 тысяч архитекторов программистов. Это незначительное число. И они не эмигрировали. И **((51,56**…..?Государство делало вид, что не вмешивается в это дело. Это показало, что если государство не вмешивается , там начинается экономический рост. Таких примеров достаточно много. Та же деревообработка, в которое вошло достаточное количество денег постоянная борьба. Завод , туда впихывают и впыхивают деньги, а как оказалось там работает 27 человек. Бордак и понимание того , что надо всё менять и привело людей на улицы.Были и триллеры….?Если бы в начале прошлого года ввели карантин, если бы Лукошенко бегал за каждым больным и носил его на руках. (Это модно- проявление заботы.) Если бы врачей засыпали деньгами, показали бы, что важнее Беларусь, чем экономика,- многие простили бы пробелы в экономике и последующие дни пережили бы спокойно. Нарисовал бы себе 80 процентов. Но тот факт ,что он крайне по-свински относился к людям , которые помирали, потом делал заявления, относительно женщин в политике. Это очень сильно обидело белорусок ,Ведь белорусок больше чем белорусов , хотя бы в процентном отношении. Для многих людей , которые родились в конце 90-тых просто наврали, что они важны. Это патриархальный клан нынешнего раздражает белорусов. В нашей команде , включая те команды с которыми я работал, не важны качества как человека, важны профессиональные качества. Те заявления, которые сделали и Ермошина, и Лукашенко они очень сильно раздражали Это неэтично так.Э то не профессионально. Если ты занимаешь такой высокий пост,- выражай мнение белорусов , а не своё мнение. Даже если ты сам так не думаешь.

I: **А почему лично тебя не устраивает ваше правительство?**

Т4: Крайнее упрямство. У них охранительная политика. Такая консервативная политика. »Мы не будем ничего менять. Мы не хотим ничего менять». Это 26 лет упущенных возможностей. Я, как человек с техническим мировоззрением .Мне важно, чтобы было развитие. Систему важно постоянно обновлять, менять, улучшать. Чем больше ты впихиваешь в неё энергии, тем больше она должна улучшаться, расти, подстраиваться , лучше применять новые практики. А то , что я вижу, это крайняя неэффективность. Как можно оставаться советской сраной, когда Советский Союз уже 30 лет как распался ? Как можно вести практики, которые уже показали нетрудоспособность ? Как можно продолжать быть с визитом в России…….. России клиентом ?Тем более, что страна достаточно крупная, чтобы быть достаточно самостоятельной. Ей не надо быть зависимой от крупных соседей, и путём разных реформ можно было достичь куда более высокого уровня жизни. Даже если бы эти реформы начались 10 лет тому назад, сейчас у нас страна была бы совершенно другая. Каждый год всё больше усугубляется и усугубляется в плане технического отставания и экономической способности страны И ещё что меня сильно не устраивает-что Белоруссия не входит в международные договора. У нас третий путь - в никуда. Две страны насколько я знаю не входя в **ВЧ** – Белоруссия и Ватикан. И такое игнорирование международного права.

I: **Была ли у тебя альтернатива не уезжать?**

Т4: У нас есть такое слово внутренняя миграция. Мигрировать из Белоруссии в Белорусь - другую Белоруссию будущего. Экономически ты не привязан к Белоруссии. Ты получаешь деньги по европейскому уровню. Стоимость жизни в Белоруссии гораздо ниже. Соответственно ты чувствуешь себя гораздо защищённым. Ты можешь себе позволить, чего не могут позволить другие белорусы. Можно пошиковать, но есть всё таки понимание, что ты будешь летом в Европе, будешь получать те самые деньги, но ты уже не будешь элитой, а человеком одинаковым со всеми остальными. Многие программисты , по крайней мере, это

понимают, но многие программисты предпочитают оставаться в Белоруссии, так они будут хотя бы первыми на деревне.

I: **Планируешь ли ты вернуться в Белоруссию, не думаешь остаться в Литве?**

T4: Я думаю, что я буду здесь. Даже если у нас что-то изменится на ближайшие годы. Не было реалий что рано или поздно Белорус вступила в Европейский союз. Наверно европейскому Союзу надо будет измениться немного. Но в Европе я вижу очень ясно. Может не вступать в ЕС , а в зону Шенгена, как Норвегия. Но ЕС в чём его важная роль идеологическая - это общие стандарты. Вполне возможно, что многие решения весьма склонные, но расследования общего законодательства на всём этом большом пространстве крайне важно. Уницифированы законодательством унифицированны стандарты, -это то, к чему надо стремиться.

I: **Как ты считаешь ,нужна ли Белоруссии интеграция и тесное сотрудничество с западными странами, Евросоюзом ?**

T4: Да, я больше прозападник. Не вступление в ЕС , потому что здесь очень много вопросов. Но именно сотрудничество- да. Вступление в международные организации, подписание международных договоров. Сделать как можно больше, чтоб было легче жить белорусскому народу. Даже в таких простых мелочах, как водительских права. Признание водительских прав белорусов в Европе, возможность защиты белорусов в Европейском суде, разных договоренностей, прохождение всевозможных фальсификаций разного уровня для того, чтобы белорусская продукция могла продаваться наравне с другими товарами. Вступление в ГТО. Некоторые международные организации показали себя не с лучшей стороны во время кризиса. Тот же международный Красный крест. 3 тысячи членов Красного креста были как членами избирательной комиссии. Значит Красный крест способствовал этому. Но это надо доказывать, проверять. Принять какие то меры, чтоб этого больше не допустить. Довести до мирового сообщества, что есть вещи, которые делаются под знаком Красного креста.

I: **Как ты думаешь, нужна ли Белоруссии глубокая интеграция с Россией?**

T4: Не с нынешней Россией. Если Россия изменится. Она однажды может измениться. Если она станет настоящей федералкой . Если она станет с ЕС, тогда , да. Нынешняя Россия ,безусловно, громадный экономический партнёр Белоруссии. Но они ведут очень некрасивую политику, с большими внутренними проблемами, с большим количеством национальных проблем.У них межнациональные тёрки с Кавказом, проблемы экологические, коррупция высокая. Нет. На нынешнем этапе нет.

I: **Как ты думаешь, Россия полезна для Белоруссии только из-за экономических причин и не больше?**

T4: Если Россия была бы такая какая сейчас какой была при Ельцине, у нас такого бы не произошло. Потому что то, что сейчас происходит в Белоруссии, происходит от отопления от России. Но при этом российские университеты хорошо было делать структуры в культурной сфере. Но ,опять же ,это можно делать в рамках процесса, чтобы белорусские студенты могли ездить в Российские университеты, в равной степени как и в европейские. Объединить белорусскую систему, российскую и европейскую системы и наладить обмен.

I: **Поддерживаешь ли ты международные санкции в отношении Белоруссии?**

T4: Да. Я понимаю, что эти санкции могут ударить и по простым рабочим, особенно(**Белорусьсталь)**) Лекарство не обязательно должно быть сладким. В нашем случае лекарство уже не спасёт, уже надо операцию делать. А операцию без наркозы обычно не проводят

*I:***Хочешь ли ты ещё что-то добавить к уже сказанному?**

T4: Я очень был впечатлён поддержкой Литвы прежде всего.. Поддержка Польши, что надо больше специалистов всех профессий. Поддержка Литвы меня очень впечатлила. Это было крайне неожиданно. Приятно, очень приятно.

I: Спасибо за наш разговор и откровенные ответы.

Informantė Nr. 5

I: Как давно и как вы прибыли в Литву?

T5: Я попала в Литву 17 декабря 2020 года. Я перешла границу пешком через лес. То есть я перебежала через лес незаконно и подалась на беженство. Потому что в Беларуси меня преследовали, в Беларуси мне запретили выезд из страны, внесли в базу, так сказать, невыездных. У меня не было другого выхода, как нелегально пересечь границу. Вот и всё.

I: Думали ли вы воспользоваться, скажем так, гуманитарным коридором?

T5: Гуманитарный коридор мне не подходит, потому что я невыездная из страны. Гуманитарный коридор — он действителен, если меня выпустят из Беларуси. Из Беларуси меня не выпустят, поэтому мне нет смысла. Если бы я приехала даже по гуманитарному коридору на границу, меня бы на границе просто арестовали и посадили в тюрьму.

I: Как вы себя чувствовали тогда, когда вы бежали через лес в Литву?

T5: Бегали очень страшно. Страх, ужас, там очень много чувств было. Но, как сказать, мной руководило материнский инстинкт, потому что я детей отправила в Литву. У меня двое маленьких детей. Я их отправила в Литву и знала, что они здесь уже, в Литве, они в безопасности. Они были, как сказать, под присмотром, под защитой у фонда «Дапамога». И так как я не могла пересечь границу с Беларусью легально, поэтому вот я побежала, побежала ради детей. Но у меня были, конечно, сомнения, что вдруг меня задержат наши белорусы, вдруг в меня начнут стрелять. Но даже если бы меня вдруг там задержали, либо там застрелили, подстрелили, я знала, что дети находятся под защитой.

I: А имеете ли вы знакомых, которые помогли вам обосноваться в Литве? Как я слышала, как я вижу, «Дапамога» вам помогла, да?

T5: Да, мне помогла «Дапамога», Наталья Колегова лично помогла. Она лично мне нас поселила в своих апартаментах, мы бесплатно жили у неё, потом мы нашли съёмную квартиру. Мы переехали на квартиру и до сих пор вот уже мы три, четвёртый месяц здесь в Литве. Нам помогает Наталья Колегова, помогает её фонд «Дапамога», мне помогает нам оплачивать аренду за квартиру, помогает продуктами каждый месяц, большой пакет продуктов нам привозит, вещи, обеспечили нас вещами, техникой бытовой. Ну всем, что можно, всем помогает.

I: А с какими проблемами вы сталкиваетесь в Литве?

T5: С проблемой. Первая проблема — найти квартиру, потому что в Литве квартиру иностранцам практически никто не хочет сдавать. Тем более, зная, что мы беженцы, боятся сдавать и так как у меня дети. С детьми найти квартиру — это просто практически невероятно. Потому что это очень и очень тяжело, не знаю чем это обусловлено, конечно. Почему с детьми не хотят сдавать квартиру? Но вот это одна самая большая трудность. Потом трудность — найти работу, потому что очень много обманщиков, очень много мошенников, которые предлагают тебе одни условия, а получается другие. И так как мы беженцы, у нас нет «Асменс кода», у нас там практически прав нет, поэтому многие работодатели пользуются тем, что мы не граждане Литвы. Они, как сказать, при устройстве на работу они нам платят меньше, почти в два раза меньше, чем должны платить. Не платят за нас налоги. Потом, потом только уже через какое-то время с СОДРА либо там с Отдела миграции нам уже, белорусам, могут звонить и говорить, почему там за нас не платит никто налоги. То есть мы не можем проверить платят за нас СОДРу или не платят. И работодатели могут не платить, и при этом нам будут проблемы из-за этого. Ещё одна большая проблема — это с медициной. У нас как вот у беженцев у нас есть страховки. И страховки есть, как у гражданина Литвы. Вот нам Красный крест, он нам сделает, оплачивает страховки такие же, как и любому литовцу. Но так как у нас нет «Асменс кода», поэтому эти страховки не видны. И большая проблема даже пойти в поликлинику просто записаться на приём. Начинается бюрократия, начинают утверждать, что мы должны платить, предоставить паспорт. У них нету наших данных, нас каждый раз при новом приёме у врача наши данные снова заново заносятся в компьютер. Это каждый раз. Ну вот, допустим, у меня да у меня двое детей маленьких, и они должны там практически каждый месяц ходить к врачам. Или вот пойти в детский садик, надо пройти обследование у врачей. И вот это, представляете, вот 3—4 раза в день надо заносить новые данные у нового врача. Это занимает по часу, по часу на приём занимает у каждого врача.

I: Ну, сколько проблем...

T5: Да, вот у меня дети заболели, вот младшему ребёнку стало как-то плохо на выходных, я вызвала скорую, и скорая меня завезла в больницу и оставила, скорая завезла в больницу и в приёмном покое меня даже не хотели принимать. Они сказали: «Мы вас можем принять только платно. Вы сначала заплатите, а потом мы вас примем». Ну это, представляете, воскресенье, ночь, меня привезли на другой конец города в Сантаришкес и говорят: «Либо вы платите, либо вы едете домой». Да. У меня был такой ужас. У меня ребёнку плохо там, ему действительно было плохо. Я не знаю, что мне делать. И заплатить я не могу, потому что я не брала с собой ни кошелёк, ни вещи, ничего. Это раз. Во-вторых, у меня есть страховка, но почему-то эту страховку не хотят принимать. Даже врачи, которые там дежурили, даже они слушать не хотели про эту страховку. Они говорят: «Либо вы платите, либо вы едете домой». И у меня было такое состояние, я говорю: «А тогда, зачем меня привезла сюда скорая?» Ну вот для чего меня привезла скорая на другой конец города, если сейчас меня отправляют домой?

I: И что после этого? Как ваши дети?

T5: После этого я позвонила Колеговой, расплакалась, она мне помогла. Она позвонила в Сейм, ночью в воскресенье, в выходной день. Она нашла кого-то там из Сейма. Позвонили главному врачу, и уже через главного врача нас положили в больницу. То есть это всё заняло больше двух часов. Пока вот да, пока моему…

I: А как ваши дети?

T5: Ну сейчас, сейчас нормально. А тогда да, тогда ребёнку было плохо, и два часа они просто выясняли, куда нас деть. Либо домой отправить. И мы стояли, практически всё это время мы стояли на улице. Потому что даже в приёмный покой нас запустить не хотели. Нас запустили, наверное, через полчаса, когда я уже начала истерить, скандалить, я уже ругалась с ними. А так, если бы я не скандалила, мы бы стояли на улице, вот холод, ночь, мы бы стояли просто на улице.

I: Я рада, что вам помогла «Дапамога» и Наталья.

T5: Да, ну она нас неоднократно помогала с медициной. Дети два раза лежали в больницах, и два раза мне Колегова ну Наталья помогала. У меня потом были проблемы по здоровью. Меня тоже не хотели принимать, мне надо было срочно там операцию провести, и мне не хотели её делать, требовали денег. Это в Жальгирио клиник. Там четыре часа, четыре часа мне в Жальгирио клиник только выясняли, что со мной делать.

I: какие причины повлияли на ваше решение бежать в Литву, а не в другую страну?

T5: Ну, во-первых, Литва ближе. У нас... мы можем, так сказать, бежать или просить убежища в ближайших странах. Это Россия, Украина, Польша, Литва, Латвия. В Россию я не могу, потому что Россия союзничает с Беларусью, и правительство России оно, ну, депортирует белорусов, оно выдаёт белорусов власти. А Украина... Ну я не знаю, я выбрала Литву, я давно выбрала Литву. Мне Литва нравится, плюс тут очень много русскоговорящих, очень много. Литва мне ближе. Я была неоднократно в Литве, ну, менталитет мне ближе, не знаю, климат, ну и просто Литва нравится сама по себе страна.

I: А как выглядела ваша жизнь в Белоруссии до выезда?

T5: Я работала в Беларуси на двух работах. Я снимала квартиру с двумя детьми. У нас... Ну мы практически ни в чём не нуждались. Ещё до выборов начали снижаться зарплаты, начал падать очень быстро уровень жизни. Очень много стало проверок, особенно вот для родителей с детьми, либо для одиноких родителей с детьми. Очень много стало проверок, очень много стало беззакония. В любой день, в любое время могла прийти милиция, либо органы опеки к тебе просто так проверить. Вот просто так, им захотелось, то есть в любое время дня и ночи. У нас была ситуация, когда мы на выходные, нет, не на выходные, где-то в будни мы уехали в гости, и в десять вечера пришли органы опеки. Просто проверить, дома мы или не дома. Естественно, дома нас не оказалось, и через несколько дней из школы мне сообщают, что нас поставили на учёт, потому что мы не находились дома. То есть вот это вот беззаконие, представляете? По закону я имею право быть где угодно, меня не предупредили, я с детьми поехала в гости, а вот органы опеки пришли, меня, ну нас с детьми дома нету, и из-за того, что нас дома нету, они нас поставили на учёт, как неблагополучную семью. И когда я им задала вопрос: «На каком основании?» Они мне ответили: «Вы должны быть дома. У вас есть дети, и вы должны быть дома».

I: Устраивали ли вас ваше финансовое положение?

T5: В Беларуси?

I: Да.

T5: Нет. В Беларуси нет, потому что, когда я говорю, начала падать заработная плата, начал падать уровень жизни, продукты и коммунальные платежи начали дорожать. Ну, вообще все цены выросли, а зарплата упала. Ну вот это действительно, цены выросли, а зарплата снизилась. И потом ещё, так сказать, курс доллара, так как мы привязаны к курсу доллара. Курс доллара вырос, и зарплата ещё меньше стала. Ну, по соотношению с долларом. И поэтому приходилось выживать. Вот я работала на двух, либо там на трёх работах я работала. Я работала по ночам. Было очень-очень сложно и, как сказать, и давление со стороны было ещё больше, там в школе было давление, в детском саду было давление. каждый месяц нужно ну как бы благотворительно сдавать в школу, либо в детский садик на нужды школы либо садика. Это добровольное, так сказать, пожертвование, но если ты не сдаёшь деньги каждый месяц, тебя ставят на учёт как семья с маленьким доходом. То есть если ты не сдаёшь деньги на нужды школы, либо на нужды садика, хотя это необязательно, то, значит, у тебя нет денег, нет возможности финансировать школу и садик, значит, тебя надо ставить на учёт.

I: Это было всегда?

T5: Это было всег... Это было, ну как сказать, деньги, вот, как бы сказать, это было всегда, но не всегда ставили на учёт. То есть ты раньше, несколько лет назад, причём можно было там написать жалобу в Министерство образования и сказать, что вот у тебя вымогают школа либо садик вымогают деньги, или там заставляют сдавать. Да, можно было написать жалобу, но с 2019 года такие жалобы не рассматривались и такие жалобы, наоборот, как сказать, хуже становилось тому, кто жалуется. Потому что приходили проверки и говорят: «Ага, если вы не хотите финансировать наше учреждение, значит, мы вас будем проверять, значит, мы вам будем делать плохо, ваша жизнь будет плохая, либо», и ставили условия: «Либо вы каждый месяц финансируете садик либо школу, ну, либо мы будем делать всё, чтобы у вас была плохая жизнь, любые проверки к вам будем присылать». То есть вот это беззаконие, оно было везде. Особенно, говорю, особенно в отношении детей было беззаконие. А так как дети — это уязвимое место для родителей, то, конечно, ну, родители шли на все условия, главное, чтобы дети не страдали.

I: Рассуждали ли вы возможность уехать за границу на заработки?

T5: Нет, потому что у меня двое детей и мне не с кем их оставить. И я... ну не то, что не с кем оставить, я не могу представить свою жизнь вдалеке от детей. Я один раз уезжала на заработки, у меня это было семь, восемь лет назад. Я уезжала на заработки на два месяца, оставила дочку со своими родителями. И эти два месяца для меня были адом, потому что я плакала, ну, каждый день я... Я не могу представить себя вообще без детей.

I: Сталкивались ли вы с каким-то давлением на вашем рабочем месте из-за ваших политических взглядов?

T5: Ну, так как у меня было свободный график, я работала в такси, я работала сама на себя. Поэтому мне, как сказать, мне могли предъявить претензии только органы власти. Ну то есть, я... У меня не было начальников, я была сама себе начальник. Тогда да. А когда я работала на государство, тогда да, тогда насчёт моих политических взглядов мне снижали премии, даже часто было такое, что меня просто лишали премии. А премия — это половина зарплаты. Меня лишали всегда премии, мне всегда уменьшали зарплату любыми там выговорами. Уменьшали выплаты, уменьшали там какие-то надбавки, то есть всё, что мне ну как бы по зарплате положено по закону, работодатель пытался уменьшить эти выплаты, только потому, что я несогласна с политикой государства, и всё.

I: А какие, по вашему мнению, являются основные проблемы в Белоруссии?

T5: В Беларуси самая главная проблема — это нынешний нелегитимный президент. Это диктатура, которую он создал, и это страх, который он вселил и поддерживал все 26 лет у людей. Люди, госслужащие, даже, как сказать, полиция, они привыкли бояться. Все вот эти 26 лет, что мы живём под руководством Лукашенко, нас приучали бояться. Бояться всех и вся. Нас приучали молчать, нас приучали не высказывать своё мнение, нас приучали мириться со всем. Поэтому вот этот страх и нелегитимный президент, это вот, так сказать, одна большая беда наша в Беларуси. Больше бед нет.

I: Видите ли вы каких-то проблем в сфере экономики, социальной политики?

T5: Да. В сфере экономики тоже есть большие проблемы, это тоже связано с нынешним нелегитимным президентом, потому что он обворовывает страну, и это воровство страны даже открытое, и никто ничего не может с этим сделать. Он продаёт страну. Тоже открыто, ничего не боясь. Доходы всех государственных предприятий от 50 до 70% прибыли государственных предприятий, отправляются в фонд Президента. То есть в карман Лукашенко. И это законно. Ну как законно? Если по Конституции, то это незаконно. Но Лукашенко много лет назад ввёл фонд Президента и обязал все предприятия от 50 до 70% дохода отправлять в фонд Президента. Вот, поэтому ну... это грабёж на законных основаниях. В резиденции унитазы, да-да-да, а самое интересное, что этот фонд Президента, все расходы с этого фонда, куда деньги отправляются, куда они расходуются — это совершенно секретная тайна. И в законодательстве указано, что расходы с этого фонда нигде не должны указываться, и эта... эти все траты на усмотрение Президента Республики Беларусь для улучшения жизни, там, в республике. То есть ну, на законном он просто забирает всё, деньги от предприятий и тратит на свои нужды, никому не отчитываясь.

I: Как бы вы своими словами описали ситуацию в стране после президентских выборов?

T5: Геноцид. Фашизм. Истребление народа. Ну, это и есть геноцид. Ну по-другому никак. Геноцид.

I: А как вы объяснили такую мобилизацию людей и такую вспышку протестов?

T5: Ну, это сплочённость, это содружество людей. И белорусы устали бояться. Белорусы действительно устали бояться, они, как это сказать, они хотят свободы. Вот они проснулись, они вот 26 лет спали, белорусы, спали, боялись чего-то. А сейчас, сейчас они проснулись, сейчас они сплотились и сейчас они хотят новой жизни. Все хотят новой жизни, перемен, и, мне кажется, всё из-за того, что наши бабушки, которые прошли войну, они были там напуганные в советские времена. Потом пришёл Лукашенко. Когда пришёл Лукашенко, у наших бабушек были там дети, либо внуки мы маленькие. У них уже не было возможности и желания ходить на какие-то митинги. Потому что после войны и после советских времён они уже были уставшие, напуганные. Потом наши родители немножко открыли глаза, там, в 90-е годы. А когда уже мы, мы молодёжь подросли, границы все открылись, мы начали видеть мир в разных странах. Мы начали видеть жизнь со всех сторон, и у нас уже начало появляться осознание правильной страны, демократии. Начало появляться осознание правильной жизни. Осознание того, что мы свободные люди, мы не рабы. Что это мы должны управлять страной, а не какой-то там, мужичонка, да? И так, как сказать, вот это осознание и толкнуло людей на вот эти протесты. Потому что большинство людей, которые шли на протесты, им 30, 35, 40 лет, то есть вот те люди, которые были маленькие в 90-е годы после распада СССР. А сейчас они выросли, у них уже взрослые дети и они уже не боятся. То есть это люди осознанные, крепко стоящие на ногах, которые понимают всю сущность этой жизни.

I: Как вы оцениваете результаты президентских выборов?

T5: Результаты президентских выборов, они были украдены, они были сфальсифицированы. Но это признаёт весь мир, это даже сейчас Лукашенко признаёт, и результаты…

I: Он что-то сказал по этому?

T5: Нет, он давно говорил, да, что выборы были сфальсифицированы, там было 60%, а мы нарисовали 80%. Типа что это не меняет сути. Подумаешь там, вместо шестёрки нарисовали восьмёрку.

I: А как вы думаете, если бы он бы оставил 60%, может, не было таких протестов в стране?

T5: Таких, может быть, и не было, но я думаю, что были бы протесты. Во-первых, были бы протесты, но я не уверена, что они настолько бы далеко затянулись. Это раз. А, во-вторых, ну, как говорится, все мы живём под одним Богом. Значит, так нужно было. Двадцать шесть лет мы спали, сейчас мы проснулись. И это нужно. И эти 80%, что он нарисовал, это уже показало, что он ничего не боится, что он считает себя королём Земли, и он

считает, что все вокруг дураки. А Беларусь, белорусы встали, и они показали, что мы не дураки, мы всё-таки мы нормальные люди, мы умные люди и мы будем бороться до конца.

I: А как вы относитесь к политике Лукашенко в целом?

T5: Очень плохо. Потому что это политика неправильная, это политика, как правильно сформировать? Это политика больного человека. Когда один человек пытается своё низкую самооценку, свою неуверенность, как сказать, закрыть какими-то своими ложными действиями или там ложной, как сказать, понтами, как это правильно, другой картинкой. То есть он сам у себя он ничего не представляет, и он боится, что его раскроют, поэтому он создаёт вокруг себя сильную армию, он заставляет всех бояться и тем самым он повышает свою самооценку, боясь, что люди увидят его пустоту в душе. Но это больной... Только больные люди могут так делать. Уверенный, здоровый человек, уверенный в себе человек, он никого не будет бояться, он будет открыт со всеми, он будет спокойно идти на разговор, он будет принимать критику, А Лукашенко ни в какую не принимает критику, ни от кого. Это уже отклонение.

I: Принимали ли вы участие в митингах или другого рода политической деятельности?

T5: Да, да, я с 2010 года принимала участие в митингах, но тогда были митинги так, на один день, мы выйдем, помитингуем, нас разгонят. Это было раз там раз в пять лет после выборов, перед выборами, после выборов. А в этом году как раз в день выборов я приняла участие, где меня задержали, избили. Потом практически каждый день принимала участие тоже в митингах, неоднократно меня задерживали. Я принимала участие в защите, ну, некоторых людей, вот в сцепку, мы становились в сцепку, защищали людей, я помогала людям, так сказать, бежать от уголовного преследования. Я вступала в, так сказать, не в разговор, то выяснение отношений с правоохранительными органами. Я пыталась доказать им свою правоту, пыталась им доказать, что они неправы, пыталась их поставить на место и заставить работать по закону, по Конституции. Ну и, естественно, так как у нас беззаконие, поэтому меня мало кто слушал, и это только мне вредило. Но я не отступалась, я делала всё, я находила тех людей, которые лжесвидетельствовали в суде, допустим. Вот у меня в суде они лжесвидетельствовали. Я открыла их данные на всеобщее обозрение. Люди узнали, где эти вруны живут и этим людям начали звонить по ночам, угрожать, там, жене, детей этих врунов начали, так сказать, не унижать в школе, а принижать. То есть начали говорить, что вот твой папа врун, твой папа, там, убийца. То есть эти люди начали страдать уже, ну, с другой стороны. И потом, естественно, они узнали, что их данные в интернет открыла я, и меня начали из-за этого преследовать, почему я их данные открыла, почему все вокруг, даже их родственники, знают, что они убийцы и так далее и тому подобное. То есть эти люди, они хотели скрыть все свои деяния, они хотели скрыть всю свою агрессию, все свои преступления, но я эти преступления открыла, все родственники узнали, что они на самом деле убийцы, и эти, так сказать, убийцы на меня разозлились. Что я выполнила свой гражданский долг.

I: Так они узнали, что это были вы? Именно вы?

T5: Да. Да, да, да. Они узнали и поэтому меня за это преследовали, потом завели несколько уголовных дел и после этого я убежала.

I: Можете ли вы рассказать больше как вы, скажем так, сталкивались с репрессиями со стороны властей?

T5: Со стороны властей меня неоднократно задерживали, били, нарушали мои права по Конституции. Так как у меня двое детей, они задерживали меня больше, чем на три часа. Они не отпускали меня забрать ребёнка из садика, допустим. Они звонили в органы опеки, чтобы у меня забрали детей. Потом был случай, когда меня задержали днём, ну, допустим, там в 12 дня меня задержали и в 8 вечера они звонили в органы опеки, чтобы органы опеки забрали моих детей, потому что меня ещё не отпустили. Вот у нас по закону Беларуси мам, у которых есть несовершеннолетние дети, нельзя задерживать больше, чем на три часа. Меня задержали в 12, в 3 часа дня меня должны были отпустить, но до 9 вечера меня не отпускали, меня держали 9 часов. Специально для того, чтобы приехала опека и забрала моего ребёнка. В детский садик приехала опека и хотели забрать моего ребёнка. Только потому, что я вот сидела в милиции, меня просто не отпускали, меня закрыли в кабинете и не отпускали. То есть незаконно, и они делают это специально. Потом ко мне приходили социальные педагоги, органы опеки, ещё инспектор по делам несовершеннолетних. Приходили, проверяли, как я живу, составляли какие-то протоколы, ставили меня на учёт. Детям в школе и детском саду говорили, что их заберут в интернат, что маму посадят в тюрьму. Угрожали им, что если они не расскажут, чем занимается мама, то их отдадут на усыновление другим людям или продадут на органы, Вот представляете, у меня ребёнку старшему, старшей дочке было 13 лет и к ней приходит директор и говорит: «Если ты не расскажешь, чем занимается твоя мама...», ну вот что я там на марши хожу. Говорит: «Если ты не будешь, как сказать, клеветать на свою маму, значит, мы тебе поставим двойки, у тебя будут все двойки, ты школу не закончишь, мы тебя оставим на второй год, потом мы тебя отдадим в интернат, тебя усыновят какие-нибудь китайцы, а потом продадут тебя на органы». Это, представляете, это ребёнку в 13 лет говорить о том, что её продадут на органы и это директор школы. То есть самый главный человек школы, лицо школы угрожает ребёнку, что её продадут на органы, моему младшему сыну, сыну было 6 лет, ему каждый вечер воспитатели говорили, что его заберут в интернат. Они говорят: «Ну вот, твоя мама не придёт, мы тебя заберём в интернат. А в интернате, там, тебя кормить не будут, тебя будут бить, ты будешь голый стоять на коленях всю ночь».

I: Были ли вы озабочены о своём или ну, скажем так, безопасностью ваших близких, вам близких людей?

T5: Да. Я была озабочена. Ну в основном озабочена была безопасностью детей. Поэтому, наверное, последний месяц мы в детский садик не ходили, а если... Ну как бы мы, мы вот с момента августа, с момента выборов, мы ходили в детский садик очень мало. В основном мы сидели дома, мы прятались где-то, я занималась с ребёнком самостоятельно. В школу я старалась старшую дочку тоже в школу не водить, мы обучались дома, на дому, самостоятельно, а потом, когда я поняла что, как сказать, что государство меня так просто не отпустит, что всё-таки смогут моих детей забрать в интернат, а меня посадить в тюрьму, я решила вывезти детей. Только ради того, чтобы они были в безопасности. Вывезти.

I: Как вы себя чувствуете во всей этой такой ситуации?

T5: Во всей ситуации, если по отношению с Беларусью, то я там была как загнанный зверь. То есть я не знала, что мне делать, я не знала, что меня ждёт, каждый день у меня был как на иголках. Каждый день я боялась, что меня заберут в тюрьму. Я боялась каждого шороха, я боялась каждого движения, но, несмотря на это, я всё-таки протестовала, как-то делала действия. Но приехав в Литву, первый месяц мне было страшно, мне казалось, что за мной следят. Ну это с Беларуси осталось ещё. А сейчас я чувствую себя свободной, я чувствую себя в безопасности, я знаю, что здесь меня за моё мнение не посадят в тюрьму. Здесь я могу одевать одежду любого цвета, и красного, и белого. И за это меня тоже не посадят в тюрьму. И дети мои в безопасности. Дети могут спокойно выйти на улицу погулять, я знаю, что их не заберут там, не украдут, не продадут на органы. То есть здесь мне безопасно, здесь мне спокойно.

I: Я рада, что вы в Литве, и всё хорошо с вами сейчас. Я очень рада. Я хочу спросить, а почему это так вам важно? Такая политическая активность, ну, как я вижу, она уже была давно. Почему это так вам важно?

T5: Потому что это страна, в которой я живу. Я хочу жить в стране, в той стране, которую я строю своими руками. Ну то есть я в этой стране работаю, я плачу налоги, я выстраиваю свою страну. Я хочу жить, чтобы было комфортно мне и чтобы было комфортно моим детям, близким, окружающим меня. А когда ты в своей стране, которую ты содержишь на свои налоги, ты себя чувствуешь рабом и не можешь даже открыть рот, чтобы сказать слово, я не хочу жить в такой стране. Я хочу за правду, я хочу бороться за правду, Я хочу бороться за честность, я хочу бороться за свободу. Потому что двести, больше двухсот лет назад отменили крепостное право. Мы уже не рабы, мы имеем право на свободу, мы работаем, как сказать, нам никто не даёт, просто, как сказать, просто так деньги. Мы работаем, наш труд оплачивается и наш труд, ну, с нашего труда платятся налоги. И за эти налоги живёт страна. За эти налоги живут наши правители, президент, депутаты и так далее и тому подобное. Они ничего не производят, они ничего не делают, они просто должны служить нам, народу и упорядочить жизнь в нашей стране. А когда президент и депутаты, как сказать, просто наживаются на тех людях, которые работают, которые что-то производят, когда депутаты и президент являются паразитами на теле страны, на теле народа, ну тогда это неправильно. Никогда пиявка не жила лучше, чем тот, от которого она сосёт кровь.

I: Как вы думаете, были ли у вас какие-то другие альтернативы, в результате которых вам не пришлось бы оставить страну?

T5: Нет. У меня, ну как сказать, была альтернатива потерять детей и сесть в тюрьму. Тогда бы я осталась в своей стране, и сидела бы там в тюрьме и не знала где мои дети. Либо второй вариант — просто молчать, опустив голову и слушать, ну, как сказать, жить в этом режиме Лукашенко, быть покорной, делать то, что мне скажут. Но я же не овца, я же не в загоне, ну зачем мне быть покорной овцой и ждать, пока меня зарежут. Ну грубо сказать. Для чего?

I: Это для вас не альтернатива.

T5: Нет, нет, нет, ну какая альтернатива? Я же не в крепостном праве, правильно? Ну. Я живой человек и я должна, и я хочу жить так, как комфортно мне и моим детям.

I: А что было сложнее всего, покидая страну?

T5: Сложнее всего покидая страну? Поверить в то, что у меня всё получится. Это было сложнее всего. Сложнее всего поверить в то, что я смогу, смогу уехать. Остальное было несложно. Оставить квартиру, оставить машину, оставить какие-то вещи. Да, были трудности, было жалко, потому что на это зарабатывалось всю жизнь. Это было заработано кровью и потом. Но, поставив на весы свободу либо имущество, я, конечно, выберу свободу.

I: Собираетесь ли вы вернуться в Беларусь, и что для этого должно произойти?

T5: Сложный вопрос. Сложно, потому что на данный момент я хочу верить в то, что произойдёт революция, что Лукашенко уйдёт и что закон начнёт соблюдаться в Беларуси. Но когда это произойдёт, я не знаю. Потому что сейчас от меня ничего не зависит. Я нахожусь в Литве и на данный момент поддержать Беларусь я могу только виртуально. Всё что там происходит в Беларуси, всё зависит от тех людей, которые там живут, в Беларуси. Если они не станут бастовать, если они не захотят бороться за свою свободу, то Беларусь так и останется под руководством Лукашенко, и мы просто потеряем свою страну и возвращаться мне будет некуда.

I: Что вы думаете о будущем Беларуси?

T5: Что я думаю? Ну, если сценарий будет так, что мы победим, что революция победит, и Беларусь станет свободной, то я готова восстанавливать свою страну. Я готова работать на благо своей страны, и делать всё, что от меня зависит, чтобы страна снова стала процветающей, благополучной. Чтобы страна стала одной из тех, кому завидуют.

I: Обобщая ранее сказанное, какие причины вынудили вас оставить страну?

T5: Уголовное преследование и страх тюремного заключения на 15 лет строгого режима. И это страх обоснованный, потому что по тем статьям, по которым меня обвиняют, я бы не осталась живой. Потому что те статьи, которые мне вменяют, они предполагают в тюрьме ежедневные избиения и пытки.

I: Хотите ли вы ещё добавить к ранее сказанному?

T5: Нет. Пока нет.

I: И к концу я хотела у вас спросить про некоторые формальности, которые нуждается для этих исследования. Так, я хочу спросить, если бы вы могли поделиться, какой ваш возраст и образование.

T5: Мой возраст 33 года, у меня медицинское образование.

I: Да, хорошо.

T5: Спасибо Литве, за то что меня приютила: „Ачю Летува". Да я хочу чтобы вы это добавили в интервью. Я очень благодарна Литве, я очень благодарна литовцам, которые меня приняли и не только меня, просто наверное от меня, от всей Белоруской диаспоры я благодарю литовцев, которые к нам относятся уважительно.

Informantė nr. 6

I: Здравствуйте, я так понимаю вы ещё в Беларуси, и только собираетесь покинуть страну?

T6: Да.

I: И как вы собираетесь покинуть страну?

T6: Самолётом.

I: И с какими трудностями сталкиваетесь в плане вашего отъезда?

T6: Ну, в первую очередь финансово, я бы так сказала, потому что я не очень себя считаю сильно пострадавшей, кроме как психологически. Это, конечно, тоже важно, но в том плане, что меня не задерживали, ничего такого не было. Ну, я испытывала давление вот там, где Катя, в районе, где мы живём, конечно. Но в целом напрямую ничего такого не было. Поэтому ну как бы просить помощи я не прошу и всё своими силами. Я одна с ребёнком, поэтому первая трудность — это финансовая. Поэтому я не решалась, я бы, может, и раньше переехала. А так, вторая, наверное, трудность — это будет остаться в Литве, потому что я приеду с национальной визой. Литва, Литовская республика нам упростила выдачу. Шенген сейчас из-за ковида не выдаётся и выдаётся национальные, и по ним ты не имеешь права работать, но имеешь право все полгода жить. Она выдаётся на полгода и типа вот полгода ты живёшь в Литве и ищешь работу. Тогда идёшь, находишь работу, идёшь на дарбо биржу с работодателем, ну и там оформляешь вид на жительство. Вот это вторая трудность. Одно дело приехать, второе дело — найти работу.

I: А думали ли вы воспользоваться гуманитарным коридором в Литву?

T6: Нет, если честно, потому что тогда это получается политическое убежище и путь обратно в страну заказан. Ну нельзя быть... Меня такой вариант не рассматриваю.

I: Думаете ли вы приехать в Литву одна или с семьёй?

T6: Ну вот с ребёнком, мы с ней вдвоём.

I: А имеете, может, ли вы знакомых, которые будет вам помогать обосноваться в Литве?

T6: Да, Екатерина моя.

I: Является ли Екатерина или другие, может, знакомые, которые живут здесь, одна из причин, почему вы решили приехать в Литву?

T6: Ну да, если честно. Потому что, как это сказать, этот фактор помог принять решение поехать. Если бы вообще никого не было... Вот, например, почему я не выбрала Польшу? Потому что у меня просто ноль там знакомых. Поэтому, конечно, да, этот фактор влияет, что есть знакомые в Литве.

I: Какие ещё причины повлияли на ваше решение приехать в Литву, а не в Польшу или другую страну?

T6: Ну в целом мне Литва ближе, потому что я десять лет назад училась в Литве. Я три года жила в Литве. В Клайпеде жила, в Вильнюсе жила полгода, три года в Клайпеде жила, поэтому мне это, как родной дом. Я немножко даже на литовском могу поговорить. Ну, сейчас уже нет, я давно не была из-за ковида.

I: Как выглядела ваша жизнь до того как вы решили покинуть страну, может, можете что-то сказать?

Т6: А жизнь имеется в виду, до вот этих событий в нашей стране? Или вот в настоящее время, когда уже вот этот кризис у нас в стране?

I: До событий.

Т6: До событий в стране в целом всё хорошо складывалось. У меня есть работа, ну даже с событиями на меня фин... Ну как, финансово в плане бытовом ничего, кроме психологического плана, не изменилось. Всё хорошо. Работа, ребёнок, увлечения, друзья.

I: Устраивало ли вас ваше финансовое положение?

Т6: А можете повторить, связь заела?

I: Ага. Извините. Устраивало ли вас ваше финансовое положение?

Т6: Ну, как бы оно было, ну, я бы сказала чуть-чуть выше среднего, чем у большинства белорусов. Грех жаловаться. Но, конечно, нет предела совершенства. Но в целом ну, для нормальной жизни, средней жизни достаточно было.

I: Рассуждали ли вы возможность уехать за границу на заработки?

Т6: Ну прям на заработки нет. Никогда я такой цели не преследовала. Просто сменить обстановку я мечтала. До, кстати, вот вам, наверное, большинство так скажет, до всей этой истории многие мечтали как бы уехать, мигрировать куда-нибудь в другие страны. А когда начали все эти события происходить, мы так сплотились, что мы все хотели остаться. Впервые мы почувствовали нацией, ну вот в моём окружении, мы почувствовали себя нацией, белорусами, которые хотят остаться дома. Я прямо почувствовала, что такое дом.

I: А сталкивались ли вы с каким-то давлением на вашем рабочем месте из-за ваших политических взглядов?

Т6: Нет, вообще нет.

I: Какие, по-вашему, является основные проблемы в Белоруссии?

Т6: На данный момент?

I: Да.

Т6: Сейчас... Такой глубо... как сказать, огромный вопрос.

I: Всё хорошо, говорите сколько хотите, всё хорошо.

Т6: Ну прям на сегодняшний день я считаю, что проблема у нас среди людей, нас самих. Почему это ну, никак не закончится? Потому что в нас настолько вот уже, я сейчас понимаю, за десятилетия сознание наше, мировоззрение, как это сказать, поменяли. Вот на это несвободное. И нам всем очень страшно принимать какие-то смелые рискованные решения поэтому, почему так долго этот кризис и длится, потому что мы не можем один день просто всей страной встать, и всё. Оно, я сейчас я думала в августе, что там прям ну месяц какой борьбы, и всё. Я понимаю, что, ну мы только родились, как нация в августе, и с каждой волной нас одновременно как бы и больше становится. Но уже те, которые в первой волне были, например, из-за преследований они все уехали. И поэтому пока вот просто вся страна не становится... У нас есть категория людей, которые там, например, думают, что это всё неправильно, что произошло в стране, но боятся, да? Или типа: «Меня это не касается. Да, это всё ужасно, но меня это не касается». Или там такие нейтральные, которые ждут, что за них кто-то всё сделает, ну они потом подтянутся. Из-за вот этого вот всего оно так долго и длится. Ну, второй момент, конечно, это — вот это вот насилие, преследование, когда на прошлой неделе такую медийную достаточно личность в Минске, телеведущую остановили с ребёнком на улице, они выходили из торгового центра. Остановили милиционеры, потому что у ребёнка... Ребёнку, как моей пять лет, шесть там. Она была в белой шапке и красной куртке. И милиционеры ей сказали: «Вы неправильно одели ребёнка». Она говорит: «В смысле?» Они говорят: «Это политически вызывающая цветовая гамма». Представляете? Вообще.

Да, просто... ну это вообще невероятно. Я когда знакомым рассказываю иногда вот, что происходит. Они... Ну как бы я вижу искренний шок у них, они думают, что я про какой-то фильм рассказываю. Потому что в сознании это даже ну не уложить людям, которые не жили в таких обстоятельствах. Вот. Там носки у нас есть белые. У нас белорусский дизайнер производит носки, очень популярное такое нижнее бельё у нас в Беларуси, классное, белые носки с красной полоской. Всё, их больше уже не продают. Я ещё удивлена, как они так долго были в производстве.

I: Видите ли вы другие какие-то проблемы? Экономические, социальные проблемы в стране?

Т6: Да. По экономич... Ну я не очень, конечно, сильна в экономике, но из того, что я на себе ощутила это не просто жуткий, этот, рост цен, просто невероятный. Средний чек, вот в магазин идёшь, на продукты космический стал. Ну прямо сразу, мне кажется. Некоторые продукты подорожали на 50 копеек, на 50 центов, например, или, там, на евро. Ну, у нас на рубль в эквиваленте. Вот. Повышение цен. Социальные. Ну знаете, у нас короче сейчас все вот эти социальные службы, они бросились на борьбу. Как только видят, например, на асфальте нарисовали флаг вот этот бело-красно-белый, они бросают все силы, чтобы быстро среагировать,

прийти, его закрасить. А, например, там асфальт где-то поломался ни фига. Мы даже шутим, ну типа белорусам нужно что-то такое делать на тех местах, где много лет не могут починить дорогу или ещё что-нибудь, чтобы они пришли, хоть починили её заодно. Ну такого плана.

I: Как бы вы своими словами описали ситуацию в стране после президентских выборов?

Т6: Напряжённая, опасн... Ну я чувствую опасность, прям круглосуточно. Если, например, искусственно не читать новости, это чувство притупляется, но уже в сознании. Вот, например, бывает же просто милиционеры, которые патрулируют район просто порядок смотрят за порядком. Я их раньше в жизни не замечала. То теперь их форма как... Хотя у них синего цвета форма, она кажется чёрной, и ты, когда их видишь, у тебя сразу сердце колотится. Ну прям натурально. Ты понимаешь, что они уже не просто патрулируют. Очень ну такая агрессивно-напряжённая, опасная ситуация.

I: Вы чувствуете психологическое давление, да?

Т6: Ну лично я в первую очередь психологическое ощущаю давление, да.

I: Как бы вы своими словами описали ситуацию в стране после президентских выборов? Чем вы объяснил такую вспышку протестов в стране?

Т6: Я думаю, что, во-первых, поколение подросло наше. Вот когда я помню вспышку десять лет назад, но мне тогда было 19 лет, я себя таким ребёнком ощущала и ещё я училась, в Литве жила. И это меня трогало психологически всё, но я думала: «Блин, типа, что я могу сделать, мне всего лишь 19 лет». И вот эти «всего лишь 19 лет» сейчас они уже взрослые дяди и тёти, это первое. А второе, были всякие разные предпосылки. Например, когда этот коронавирус начался, и весь мир начал с ним как-то бороться, а наш бывший, этот, президент сказал: «Я его не вижу, и его и нету». И получается, это был первая такая волна сплочённости, когда люди начали помогать друг другу при коронавирусе, помогать, точнее, медикам, потому что врачам никто у нас в стране не помогал, его же не существовало этого вируса. И когда самое ужасное, ну это тоже сработало на психологическом уровне у людей, когда погибали люди от коронавируса у нас в стране, по официальным данным, которых нельзя было скрыть, у нас же скрывали, типа у нас не погибает никто от коронавируса. И вот что совсем уже нельзя было скрыть, он даже не выразил слова соболезнования, он говорил: «Он умер, потому что он был толстый, нехрен было есть так много». Вот так вот говорили с экрана национального телевидения. Поэтому вот это была первая такая предпосылка. Ну и вторая, что поколение выросло и видят, и старики увидели, что молодые выросли, и старики такие типа говорят: «Вот вы накосячили, мы сейчас будем тоже помогать вам».

I: Как вы оцениваете результаты президентских выборов?

Т6: Ну, благодаря вот этим цифровым платформам и то, что я видела вживую, как люди приходили с белыми браслетами, как нас всех много. Я точно верю и знаю, что эти вы... (Ties šita vieta ryšio trikdžiai 15:06—15:10) были сфальсифицированы, и просто это ужасно, что ты в своей собственной стране не имеешь права голоса. (Ties šita vieta ryšio trikdžiai 15:14) у нас очень много людей сказали, если бы объявили там 60 каких-то процентов 62, ну типа все бы, скорее всего, поверили, что так и есть, что типа... Ну хоть мы и хотели, нас всё равно большинство, но просто некоторые испугались, недожали, и всё. И я думаю, что ничего бы не было. Но то, что он объявил 82%, это вообще уже наглость.

I: Как я понимаю, вам не нравятся такие результаты, да?

Т6: Да.

I: Как вы относитесь к политике Лукашенко в целом?

Т6: Ну вот сейчас я очень много думаю, рассуждаю. Я думаю, что нету правильного формы политики там демократия или вот диктатура. И как я вижу по людям, конкретно мне такая форма не подходит. Для меня это насилие и несвобода. А есть категория людей, которым в диктатуре безопасно. Которые ну как бы исполнители и не хотят решать, не хотят брать ответственность за свою жизнь. Ну вот как сказали, так типа и сделали. И им хорошо в этом, и это для них зона комфорта и счастья. И таких людей в стране у нас тоже как бы хватает. За которых там что-то решают сделать, прикажут и всё нормально.

I: Является ли, скажем так, недовольство нынешней политикой Лукашенко поводом для вашего решения оставить страну?

Т6: Ну, скорее не политика, а больше то, что произошло после и вот это психологическое давление, опасность со стороны силовых органов. Вот это, скорее.

I: А принимали ли вы участие в митингах или другого рода политической деятельности?

Т6: Ну да. Я, как сказать, выражаю свою позицию.

I: Может можете поподробнее?

Т6: Ну не так чтобы там прям активно, как вот все ребята, которые очень сильно пострадали. Но насколько могу. Как-то обсуждала с бабушками, дедушками, старшим поколением, которые, например, там смотрели государственные каналы. Ну типа мы там с родственниками: «Вот послушай другую историю, правдивую». Или, скорее, такая больше информационная поддержка. В информационном поле выражение мнения своего.

I: Так как я понимаю, вы не сталкивалсь с какого то рода давлением со стороны властей?

Т6: Ну смотрите, я не знаю напрямую. Один раз ночью ко мне стучался милиционер, но так и непонятно, зачем он стучался. Потом к другим когда... Потому что через там две недели после этого в наш район они стали приходить уже целенаправленно, так же стучаться и вручать всякие повестки там за флаг в окне, за кричалки из окон. Но то есть мой приход этого милиционера был типа двумя неделями раньше, поэтому не доказано, это было по политическим мотивам или нет. То есть напрямую не знаю. Ещё там тоже это не напрямую, у нас когда по воскресеньям были митинги, я ходила в магазин и шла одна и навстречу три раза встретила группу ОМОНа из тридцати человек, прямо мимо них прошла, это было ужасно психологически просто. Ну я шла и верила, типа я же девочка, меня же не тронут. А потом через неделю они таких девочек начали трогать. Ну, то есть напрямую прям я не сталкивалась, но вот такие вот случаи всякие разные бывали, у меня папа отсидел 15 суток, мой родной. За то, что на окне висел флаг. Даже не флаг это был, это была майка, бело-красная майка.

I: А как вы чувствуете себя в этом?

Т6: Это ужасно. Могу рассказать про папу. Было ощущение, я это сравнила, когда у меня дедушка умер. По таким же ощущениям. Ну такое вот чувство потери. Хотя ты понимаешь, что как бы ты его скоро увидишь, но ты не знаешь. Такая неопределённость, а вдруг нет, а вдруг что-то там с ним случится. Ну, типа это лотерея вообще. И (Ties šita vieta ryšio trikdžiai 20:13) у меня такое ощущение, что было там с ним в этой камере. Я первую ночь вообще спать не могла. Ну, мне кажется, к утру заснула, хорошо если.

I: У меня есть такой вопрос. Были ли вы озабочены о своём или безопасностью близких вам людей?

Т6: Да, очень. У нас была такая традиция, особенно первые пару месяцев. С самыми близкими каждый вечер проверять друг друга, быть на связи. Ты вообще дома? Ты в безопасности? Это такое было, да. Телефоны свои мы всё время очень защищаем, паролями, чем угодно.

I: И как вы думаете, вся эта ситуация повлияла на вас?

Т6: Ну на меня в первую очередь психологически повлияла. Я хожу к психологу. Я ходила к психологу до этого по личным вопросам, но на четыре месяца где-то она сказала: «Я не могу с тобой ничем личным заниматься, потому что ты травмирована ситуацией в стране. И пока ты не вернёшь вот это ощущение, базовое ощущение безопасности, мы с тобой не сможем по личным вопросам даже дальше работать. Потому что ты...» Я типа очень травмировалась. Когда у меня вот эту главную опору, потребность человека в базовой безопасности, я её потеряла. Это первое. Второе — мне очень сложно доверять людям. Я всё время ищу... Ну не то, что ищу, я даже... Вот прохожие идут, и я думаю: «Ты нормальный человек? Или какой-нибудь милиционер в гражданском?» Если у меня даже такое было, со мной парень познакомился на улице и он долго меня достаточно приглашал на свидание, и я не пошла, потому что я думала, что он засланный человек. Типа на улице не знакомятся в современном мире. Если бы он познакомился со мной год назад, я бы пошла с ним на свидание, а так нет. Я подумала, он может шпион какой-то. Ну до такого абсурда.

I: Вы чувствуетесь безопасностно?

Т6: Отсутствие безопасности.

I: Думаете ли вы, что у вас были какие-то другие альтернативы, в результате которых вам не пришлось бы оставить страну?

Т6: Да, но нет, я бы не оставила. Как это? Альтернатива тут только одна. Если наступит победа, мир, и вот эти вот преступные действия против наших граждан закончатся, и будут новые выборы, вот только при таком условии я могу представить, что я остаюсь. Или вернусь.

I: Рассматриваете ли вы возможность вернутся обратно в Беларусь? Что для этого должно произойти?

Т6: Новые выборы. Когда я начну чувствовать, что стало безопаснее и ушли вот эти, закончились преследования.

I: А что думаете, что будет сложнее всего, покидая страну?

Т6: Для меня сложнее всего чувство неопределённости, потому что я... Ну я покидаю с мыслями типа: «Я, наверное, вообще на месяц, на два и потом вернусь. И, может, мне там и вид на жительство не дадут, и я как бы вернусь». Вот это вот у меня нету мыслей, что типа всё, я ухожу навсегда, уезжаю навсегда. Из-за этого у меня чувство неопределённости. Вот это чувство неопределённости, особенно когда нету сроков, ну когда же это всё закончится в нашей стране. У нас вся страна живёт вот в ощущении неопределённости. Вот, это сложно. Ну и второй момент, я думаю, что сложно как-то оставлять близких и непонятно, когда ты увидишь их снова.

I: Извините, можете ли вы повторить, потому что была плохая связь.

Т6: Ага. Говорю, сложно оставлять близких, потому что непонятно, когда увидишь их снова.

I: Да, я понимаю. Обобщая ранее сказанное, какие причины вынудили вас, ну скажем, так оставить страну?

Т6: Конкретно для меня это психологическое... психологические причины. Ощущение отсутствия безопасности и невозможности жить свою жизнь. И это влияет на моего ребёнка, потому что, зачем ей такая мама тревожная.

I: И хотите ли вы ещё добавить к ранее сказанному?

T6: Что бы я ещё добавила? Я б добавила, наверное, что я бесконечно впервые за там... Сколько мне? 30 лет полюбила свою страну. Именно страну. Я теперь разделяю конкретно понятие государство и страна. Вот говорят: «Я ненавижу... Я люблю страну и ненавижу государство». Я впервые ощутила себя белоруской, я поняла, что это мой дом и что я мечтаю сюда вернуться и именно... Я понимаю, что будет сложно, когда-то это всё закончится, и будет очень сложно заново налаживать экономику и все сферы, но мне так хочется что-то важное для страны и для своего дома сделать. Мне нету больше желания уезжать, там: «Я мечтаю жить в Америке, в Австралии там, с кенгуру, на океане или ещё что-то». Я мечтаю жить дома и просто путешествовать. И я бесконечно полюбила свою страну и узнала, какие мы как нация. Вот раньше всегда у меня были знакомые иностранцы и они...Ну и я всё время думала, вот у меня спросят кто такая... кто такие белорусы, какая у вас кухня или ещё что-то. А мы вообще не знали. И я, и мои знакомые, вот что отвечать? А теперь я чувствую, что нам есть, что ответить уже сейчас, что будет ответить в будущем. Это очень круто, и я испытываю гордость и бесконечную любовь.

I: Ну и к концу я хотела у вас спросить про некоторые формальности, которые нуждается эти исследования. Я хочу спросить, если вы могли поделиться какой ваш возраст и образование?

T6: Возраст, мне 30 лет. Образование — бакалавр, степень бакалавра.

Informantė Nr. 7

I: Расскажите, пожалуйста, как давно вы прибыли в Литву?

T7: В Литве я, наверное, пятый день, то есть это меньше недели я здесь совсем не давно. Приехала я не из Белоруссии в Литву, у меня был долгий путь. Сначала я жила какое-то время в Украине, в Киеве. В первую страну, которую я уехала это был Киев, потому что это было быстро, без визы. Потом получила в Киеве визу Шенген, это была гуманитарная виза и приехала в Польшу и уже из Польши я приехала в Литву.

I: Столкнулись ли вы с какими-то трудностями?

T7: Именно при приезде в Литву вы имеете в виду? Честно я даже изначально не смотрела как сделать гуманитарную визу там в Литву. Большинство Белорусов делают сразу в Польшу. Я была наслышана что там проще получить помощь, там проще, там помогают и с жильем и есть фонды и плюс гуманитарные визы сделать очень легко. Поэтому изначально я даже не рассматривала Литву. Ну сделать ту же визу в Литву, проще было сделать, например Польскую визу. Здесь ну вообще в принципе определенных трудностей в плане, там не знаю пересечения границ и проживания у меня не возникло, потому что это, наверное, уезжая из Белоруссии если бы это была первая страна, в которую я бы приехала, посетила, наверное я бы столкнулась бы со многими трудностями, но я уже скажем и моё там было естественное моральное состояние не очень когда ты только уезжаешь. А со временем уже ну ты как бы привыкаешь к этим обстоятельствам, тебе становится проще, и ты начинаешь проще обосновываться.

I: А какие причины повлияли на ваше решение приехать в Литву, а не остаться в Украине или Польше?

T7: Я ещё до конца не приняла решение, где я хочу остаться, но это точно не Украина, потому что я не чувствую там себя безопасно. Скажем так не очень доверяю обстановке. Во-первых, потому что сейчас такая ситуация на Донбассе, плюс в плане то, что сейчас Белорусов не выдают, но может поменяться и будут раздавать беглых Белорусов. Поэтому не чувствовала себя в безопасности и тем более всё-таки это ну я считаю, что страны Евросоюза они более развитые, то есть я бы хотела жить в более Европейской стране, тем более там больше Белорусов. И насчёт того почему я сюда приехала у меня здесь друг, который уехал я скажем так приехала к нему это самое важное, наверное. Я ехала не одна в никуда я приехала к знакомому человеку, к другу. Потому что переезжать полностью в страну в которой ты никого не знаешь, у тебя никого нету из друзей это тяжело, а здесь у меня есть знакомый человек.

I: Так чтобы уточнить, является ли ваш знакомый, как я понимаю друг, который живёт здесь одна из причин почему вы решили приехать в Литву?

T7: Да, это основная причина почему я решила приехать в Литву. Он тоже белорус, он тоже по политическим причинам бежал я приехал получается к нему, но у него сразу же первой страной была Литва.

I: А как выглядела ваша жизнь в Беларуси до выезда и до президентских выборов?

T7: Ну я не интересовалась политикой, не участвовала никогда в выборах до 9 числа. Ну то-есть я была такая аполитичная полностью. Но в этом году почему я пересмотрела свое мнение это что я поверила, что может измениться ситуация. Я верила, что у белорусов появилась надежда у меня тоже все щас поменяется к лучшему в этом году все будет по-другому я не могла оставаться в стороне. Плюс это был такой мощный толчок, когда три штаба объединились и это меня тоже вдохновило, что нельзя вот так оставаться в стороне. Я стала активно участвовать ну во-первых я поучаствовала в выборах я поехала в свой родной город и после этого вот как проходили митинги я была, мне кажется, за всех. То есть я стала активно участвовать в акциях и ну конечно главный толчок почему меня сильно задели это первых три — это ужасное насилие, которое было на улицах. Это думаю большинство белорусов, как и я, для меня это было вообще не приемлемо и это ещё больше

подтолкнуло не быть без участной, попытаться повлиять на ситуацию в стране. Я искренне думала, что мы можем. А так у меня была размеренная жизнь хорошая, у меня был не большой бизнес: интернет-магазин косметики. Я была фотографом, то есть у меня было в принципе всё хорошо. Но в какой-то момент пришлось это всё бросить.

I: Рассуждали ли вы возможность уехать за границу на заработки?

T7: На заработки ну не совсем, нет. У меня был не большой бизнес, меня он устраивал. Иногда я как фотограф путешествовала, совсем как уехать на заработки. Совместить приятное с полезным, работу ну то есть я так же занималась фотографией. Но конкретно уезжать на полгода на заработки – нет.

I: А какие по вашему мнению являются основные проблемы в Белоруссии сейчас?

Ну у нас основная проблема это человек, который не отпускает власть, за неё держится 26 лет. Я считаю у нас страна могла быть на много более развитая если бы не было этого 26 лет застоя. Главная проблема я считаю на сегодн у нас не работают вообще законы. То есть система на столько прогнила что нет никакой законности. То есть липовые суды над липовыми делами, людей по каким-то надуманным делам кидают в тюрьмы, коррупция. Я считаю, что законна щас в принципе нет. То есть это на столько сейчас в большой массе что это страшно что любой человек даже не связанный с политикой или не важно за кого он голосовал, его просто могут посто посадить в тюрьму. Только он прошёл не в том месте и не в той одежде, ну вы тоже, наверное, знаете эти все ужасные случаи, когда там за цвет в одежде бело-красно-белый, людей там сажали. Я считаю это ужасно.

I: Как вы оцениваете ситуацию в Беларуси, какие основные проблемы присутствуют, или может таких нету?

T7: У нас, во-первых, довольно низкие зарплаты даже у врачей или учителей вот такие профессии я считаю, что такого не должно быть в современной европейской стране. У нас маленькие пособия, проблем на самом деле много И большинство людей, которые до этого уезжали это в основном из-за низкого качества жизни в этом плане, низкие зарплаты. Ещё раз повторите вопрос: какие есть проблемы в плане экономических?

I: Как вы думаете какие еще проблемы, если есть такие?

T7: Ну я считаю, что есть ещё проблемы с малым бизнесом, он никак не выдерживает. Например, у нас это очень хорошо было видно, когда у нас случился Coronavirus и всем стало плевать на маленький бизнес, например как у меня небольшой интернет-магазин я понимаю что я сама с этим столкнулась и очень большая скажем так утечка мозгов или бизнеса за рубеж. Потому-то я скажу не очень хорошие условия для поддержки. Убыточных заводов поддерживают чтобы рабочим там были места, у них была работа, а я считаю, что это вообще надо полностью менять, а не убыточные заводы поддерживать. Я считаю, что малый средний бизнес надо поддерживать, а не большого предпринимателя.

I: Как бы вы своими словами описали ситуацию в стране после президентских выборов? Чем вы объяснил такую вспышку протестов в стране?

T7: Во-первых, я ещё никогда такого не видела в белорусах насколько они сплотились, на сколько они были едины, солидарны, наконец то они почувствовали себя одной единой нацией. Не знаю это было как какое-то невероятные ощущения, когда мы все едины и каждый раз, когда, выходя на эти акции, марши протестные. Мы просто поняли на сколько мы друг другу, есть такая поговорка: белорус, белорусу, белорус. Значит, что мы готовы были помогать, были суперотзывчивые, люди на столько сдружились я считаю в едином своём мнении. Это был один из таких моментов положительных. То, что дальше происходило это ужасное по отношению к людям, это много было скажем боли, смерти, избиения. Я думаю, что это всех потрясло, никто этого не ожидал, мы как то терпеливая нация, мы долго терпели, то, что сейчас мы увидели, мы против были насилия, изначально не хотели кровопролития, это был конечно шок для всех нас. Я считаю, что это сильно нас всех стряхнуло, вот эти события. Если говорить в целом ситуация она ухудшилась, ну скорее она обнажила все проблемы, которые были, мы просто сознательно хотели не замечать и жить своей жизнью. После этих событий у многих открылись так глаза они были в шоке на сколько всё плачевно и плохо. А раньше делали вид что у нас всё хорошо.

I: Как вы себя чувствуете, во всей этой ситуации?

T7: Изначально я просто первый месяц или же два после отъезда это были эмоциональные качели это была такая депрессия. Я, конечно, волновалась, мне пришлось уехать, всё бросить, свой бизнес, родных, друзей. Для меня это был очень большой стресс. Потом я стала это рассматривать в качестве возможностей новых для себя, что я могу начать, раз так получилось значит надо начинать новую жизнь, надо идти дальше и возможно пробовать себя в другой стране. Просто, когда я ещё верила, что всё к весне всё ещё поменяется, и можно будет вернуться. Я очень хотела вернуться. Думала, что это вот, вот произойдёт, но этого не случилось. Я поняла, что хватит ждать надо здесь обстраиваться, потому что это всё затянется.

I: Рассматриваете ли вы возможность вернутся обратно в Беларусь? Что для этого должно произойти?

T7: Во-первых, у меня не должно быть уголовного дела, по которому в принципе я и уехала. Он должен просто уйти, всё. Пока он у власти я точно не вернусь в эту страну.

I: Как вы бы объяснили такую мобилизацию людей, такую вспышку протестов в Беларуси?

Т7: Почему люди объединились, я думаю у всех появилась надежда что все может поменяться в этом году, плюс были сильные претенденты, которые баллотировались. Люди устали, очень много нового поколения которому надоело. Я родилась в девяностых я не видела никакого другого президента, мы новое поколение хотим перемен, а получается все в жизни ничего не меняется. Я думаю, что это просто люди поверили то есть, поверили то, что что можно изменить ситуацию.

I: Как вы оцениваешь результаты президентских выборов? Как исход выборов повлиял на вас?

Т7: Я уверена, что они были сфальсифицированы, у нас же было платформа Голос, в которая в принципе посчитала, люди больше 1 000 000 человек скидывали свои бюллетени, много было. То есть я уверена, что победила Тиханоуская, по тем данным, которые были. Я видела длинные очереди, я видела белые браслеты, гармошки, которые складывали люди, чтобы показать, что они голосуют за Тиханоускую и это было практически на всех участках, все мои знакомые голосовали за неё и я уверенна что это большинство, это по настроениям видно, по количеству людей.

I: Как вы относитесь к политике Лукашенко в целом?

Т7: Негативно отношусь к политике. Поэтому я и голосовала против.

I: Принимали ли вы участия в протестах? Расскажите поподробнее что вы испытали там? Как вы себя чувствовали в митингах?

Т7: Ну я вот последние наверно если начинать 9 августа уже больше, чем полгода я не могла нормально работать, потому что в стране творился хаос я очень была поглощена этими событиями, я посещала все акции протеста, которые были там. У каждого района были организованы свои районные скажем так ,,чаты'' где люди организовывались, я тоже в этом принимала участие. Мне кажется вот я больше, чем полгода в этом варюсь, ни о чём другом думать не могу, для меня это типа как вопрос номер один. Я не могла даже подумать, как люди особенно после трёх дней, после зверствовали, просто идут и выполняют свою работу, грубо говоря вчера там людей избивали. Я не могла к этому спокойно относиться. На всех воскресных маршах я была до тех пор, пока вот меня не посадили на Окрестино, но на всех их была. Не всегда удавалось собраться, иногда ОМОН разгонял людей, для меня знаете вот этот момент если я не выйду я подставлю всех этих людей. Чем больше людей выходило, тем меньше было этих задержаний. Я не могла никак представить, как я могла отсидеться дома, то есть единственный для меня тогда был способ точнее единственный, показать, что люди против это выходить на улицу, показывать, как нас много и показывать что мы не согласны.

I: Как вы себя чувствовали когда вас задержали?

Т7: Когда меня посадили я уже была к этому морально готова, самое страшное это было когда они всё-таки пришли с обыском домой это было утро, я ещё спала, они начали ломиться входную дверь. Я пошла посмотреть, и ткнула в глазок пальцем. Я позвонила соседке, рассказала, что там стоят людей 5 Омоновцев, ну не Омоновцев, а людей без опознавательных знаков и я не открывала я не могла понять кто ко мне ломится и они выбили мне дверь, то есть это было самое страшное. Они ввалились ко мне в дом с пистолетами, и я говорю это было утро, у меня был такой самый страшный момент, когда они пришли. Они провели обыск, забрали мою технику, ноутбуки, забрали винчестеры, планшеты. Уже после допроса, конечно, мне говорили разблокировать Телеграм, проверить соцсети, то есть они копались в этом и отправили на трое суток в Окрестино. Там уже было, ну не знаю когда ты попадаешь туда, изначально у тебя самые худшие мысли что там тебя будут бить, что на пять коек та двадцать человек. Потому что таких случаев было очень много и от моих знакомых, но, наверное, мне повезло. Там всё было прилично в плане что никто у меня пальцем не тронул, было вполне адекватно. Вы знаете, белорусы, наверное, каждый кто выходит на акцию протеста он понимает, что не стыдно сидеть там 15 суток например, или там не позорно я могу себе позволить отсидеть. Страшнее жить в стране, где нет законов, где один человек управляет всем, свои везде вот эти люди марионетки стоят у этой вот верхушки. Вот это было страшнее чем отсидеть каких-то 15 суток. Вот тогда многие наверно выходили с этой мыслью, и я в том числе. И мне скажу так что я когда туда попала было морально не страшно.

I: Вы были озабочены своей безопасностью или безопасностью своих близких?

Т7: Ну естественно я конечно же всегда переживаю за своих близких людей. Но я была, наверное, готова к административному делу, но, когда завели уголовное дело. Это было дело за плакат в нашем районе, плакат политический где было написано: ,,наше восьме'' и там был флаг. И за это возбудили уголовное дело для меня это было конечно же шок, за такую фигню возбуждают уголовное дело и тебя могут до двух лет посадить. И к этому я, наверное, была несильно готова поэтому я приняла решение уехать не дожидаться что, зная как у нас проходят суды, подставные свидетеля, мотивированные приговоры политически. Я просто решила не дожидаться и уехать.

I: Являлись ли давления со стороны властей поводом для вашего отъезда?

Т7: Конечно, вот эту возбуждённое дело, я была подозреваемая по уголовному делу и это была причиной почему я уехала из Белоруссии. Я знала, что я у них не на карандаше, то есть меня через трое суток выпустили без предъявления обвинений. Дело не закрылось, велась проверка, брали вещи на экспертизу, верхнюю одежду, искали следы балончика или клея. Я знала, что это вопрос времени, я не могла дома нормально спать у меня было ощущение что они снова выбьют мне дверь и придут со мной. Поэтому это и было причиной.

I: Как вы думаете были ли у вас какие-то другие альтернативы, в результате которых вам не пришлось бы оставить сторону?

T7: Нет, мне кажется, я бы до последнего там отстаивала бы Беларусь я не хотела уезжать даже с уголовным делом, причём даже брат мне советовал: не рискуй ты же знаешь какая ситуация. Мне все друзья, знакомые говорили. Я не хотела. Причина, наверное, была бы, да. Если бы на меня уголовное дело завели. Другой причины я не вижу.

I: Если подвести итог: какие причины вас заставили покинуть Беларусь?

T7: Если подвести итог, то: заведённая на меня уголовное дело, естество срок, который мог бы мне светить. Это до двух лет, а с учётом того, что ранее по такой же статье людей садили на 2 года, я решила уехать, потому что не чувствовала себя в безопасности и присесть не на 15 суток а на два года.

I: Хотите ли вы добавить что-то ранее сказанному?

T7: Нет, наверное. Я горжусь белорусами что те, кто выходил они все молодцы. Я очень с многими людьми познакомилась кто уехали, в Киеве, например я жила в хостеле, приезжали белорусы и я видела, что все такой стресс испытывали и я знаю, что это очень тяжело и я очень горжусь непременно каждым кто не побоялся выйти. Я никогда не пойму тех людей которые держатся в нейтралитете и до сих пор „их хата с краю", это есть такой выражение которое значит что это тебя не касается, это где-то там это не у меня, если я не буду лезть в это, меня это не коснётся. Этих людей я до сих пор не могу понять. А остальными белорусами я горжусь.

И в конце я хотела бы у вас спросить о некоторых формальностях, которые нужны для этого исследования: какой ваш возраст и образование?

T7: Мне 30 лет, у меня образование высшее экономическое.

Спасибо вам большое что вы поговорили со мной это очень много значит для меня.

T7: Спасибо что пригласили поговорить я надеюсь, что я вам чем-то помогла для вашего исследования.

Informantas Nr. 8

I: Спасибо, что ты согласился поговорить со мной и так представим, что ты разговариваешь с другом из другой страны и он ничего не понимает о ситуации в Белоруссии и, как бы ты своими словами описал ситуацию в Беларуси после президентских выборов в начале августа прошлого года?

T8: Это долгий разговор. Наверное трудно, где-то сложно описать, да... Не знаю, с чего начать. Да, то есть, ну, может быть опять же, самому было бы сложно объяснить всё, да, то есть, скорее всего, я бы просто показал бы, какие-нибудь материалы, видео. Что, допустим, допустим, что да, что после там выборов начали происходить какое-то движение, как бы, что-то типа революции. Но революция, может быть, не в таком буквальном смысле, какая она там эта, да, то есть, революция, по крайней мере там, у нас революция… у людей революция осознания произошла, то есть, изменили своё отношения вообще к своей жизни, да, где они находятся, чего они хотят реально от жизни. И, что люди выходят, люди протестуют, мирно протестуют, люди хотят перемен, хотят быть услышанными, чтобы эти перемены свершились, вот. Но им очень это сильно не дают, даже просто вот сказать, да. То есть, за любое мнение, любое мнение, это… противоположное мнение одного человека, это неправильное мнение, да. То есть, за это мнение людей сажают, людей арестовывают, людям дают штрафы, да. А как бы в первое время людей вообще очень сильно, буквально физически уничтожали, били, были битые люди. Но и сейчас, в каком-то смысле, тоже эти пытки продолжаются, то есть, условия в содержания на этих сутках политических людей, просто бабушек, которых взяли за прочтения книг, да. Это всё очень плохие условия, то есть, если там бабушки пишут, что смеются, в камере им отключают отопление. В маленькой камере на 2-ух человек по 5–7 человек, все спят на полу, как бы хорошо, что там пол, допустим, деревяный, они могут все там лечь, но, то есть, матрасов нету, условий нету, нету средств гигиены. То есть, это всё равно, это всё равно идёт пытки над людьми, чтобы запугать, чтобы попытаться их, да, убить их волю к переменам, да. Но, да, некоторые боятся, конечно, у некоторых есть там дети и они и не могут, как бы, да, некоторые идут на попятную, да. Но многие люди всё равно не боятся и продолжают сражаться за перемены.

I: Чем ты бы объяснил такую вспышку протестов в Беларуси?

T8: Вспышку? Ну вообще, то есть, это явно было не просто так как бы с бухты барахты, внезапно. То есть, вероятно уже несколько лет, то есть, опять же, как проводили эти исследования, да, то есть, у людей уже многие годы уже менялось как бы сознание, да, мировосприятие, что людям уже было недостаточно, да, их жизни. То есть, люди хотели перемен, у этих людей был запрос на эти перемены, то есть, они их явно не получали, то есть. Но, тут пришёл Ковид и это было таким поводом, да, то есть, увидеть на сколько государство в Белоруссии от лица одного человека, насколько наплевать на самом деле вообще на всех, на всё, то есть, просто на жизни людей, то есть, вот… Ну вот люди увидели, да, это отношение и, что только они сами могут, опять же, люди собираться, сами коммуницировать между собой, организовываться, да, и друг другу помогать. И это действительно то, что вот они поняли, что на самом деле государство ничего не делает, а сами они… могут люди сделать это государство больше чем. Да, и тут вот это вот, после этого… на Ковиде приходят эти выборы и люди, понятно, у людей есть это чувство вот этого вот изменения, что нужно что-то изменять и они пытаются

показать, что «да, мы хотим изменить» и мы хотим ещё с этими выборами показать, что мы не согласны, мы хотим изменить. То, люди начинают собираться, опять же, собирать эти подписи, эти огромные очереди внезапны, когда никогда такого не было интереса. Просто, все хотят участвовать, очень много волонтёров, именно, потому что люди… не из-за того, что хотят там какие-то деньги, какие-то, что-то, как говорят, гранты. Люди просто хотят переменен и хотят участвовать в жизни страны не за деньги, да, а ради своего будущего, опять же, ради своего будущего: своего, своих родных, своих там детей, внуков. Это вот социальный такой был запрос, который вот на фоне этого Ковида, он на столько сильно вот прям это всё всколыхнул, да. То есть, потом у нас ещё происходили там в городах ещё всякие… это тоже как бы технические, технические… гуманитарные, можно сказать, катастрофы, когда у нас там по четверть Минска оставалась без воды на несколько дней буквально, холодной, питьевой. И тоже, как бы, люди, другие люди с других районов привозили эту воду питьевую, чтобы… потому что город не мог обеспечить населения питьевой даже водой. То есть, люди не могли в жару летом ни помыться там это, они просто помыться не могли, да, то есть. И то, люди сами собирались с других районов там, за 20–30 километров, привозили эту воду, чтобы помогать, да. То есть, это опять показало, что, зачем нам такое государство, которое ничего не делает, да, и понять, что… а говорит только, что оно нам типа платит какие-то зарплаты, а на самом деле, это мы обеспечиваем государство и вот, вот, как бы, ну вот так.

I: У вас был интернет отключён на несколько дней?

T8: Да, но это вот уже во время… но вот это уже во время… как выборы начались, да, резко начались атаки вдруг на Белорусский интернет и у нас вдруг в одной стране мира закончился интернет. То есть, там можно [проверить 11:32] там по статистике, да, гугл там, что у нас это было там 4 дня это вообще, как будто жизнь умерла, Беларусь просто, вообще. Всё закончилось, то есть, да. Никакая статистика там не собиралась. Да, так вот, то есть эта… ну то есть как бы ещё, как бы да, момент там, другой там. То есть, как бы, [… 11:58] это можем тоже про это как бы говорить, но это другой уже немножко вопрос.

I: А как ты сам оцениваешь нынешнюю ситуацию в Белорусси?

T8: Ну, то есть, это как бы, как затяжной кризис, то есть, это реально это политический кризис, который реально перерастает уже в экономический, переходит явно очень серьёзный кризис, тот же опять гуманитарный кризис, всё что угодно, любой кризис, потому что проблемы сейчас вылазят просто в любой сфере. Опять же, у нас каждый день, что… ломаются опять же какие-то… то там в районе закончилось электричество, то там сломалась опять вода, то люди остались без отопления, ещё в каких-то новых районах где-то не должно… оказывается, что у нас, то есть, как-то вдруг резко просто инфраструктура, просто, оказывается просто настолько изношенная, что она просто, вот, всё, то есть, оказывается, что в эти годы делали, то есть, довели инфраструктуру до того, что каждый день что-то где-то ломается, прорывает каким-то просто непонятными, эта… не вероятными темпами. То есть, политический кризис, да, то есть, навязывание какой-то идеи идёт, какой-то, что какая-то, как бы говорят, что часть, чуть ли ни группка там, пару тысяч человек хотят какие-то… экстремистов, которые хотят чего-то, непонятно чего, а мы такие вот, не дают нам жить, да. То есть, эта вот раз, плюс давление идёт, естественно. Ну да, это политическая людям за их мнение, то есть, опять же, сажают, арестовывают, дают большие штрафы, просто несоизмерные (*несоизмеримые) с… там даже со средней какой-нибудь там зарплатой в стране, не считая там как бы пенсия. То есть, вот эта вот, да, главное вот это щас насадить свою идеологию, победить инакомыслие в стране. Людей не хотят… С людьми не хотят вести диалог никакой.

I: Ты уже это затронул, но какие на твой взгляд основные проблемы в Белоруссии?

T8: Основная проблема, то есть, это политическая, да, то есть, что именно нет диалога, то есть, как власть вот захватила некая группировка, по сути, военная, потому что сейчас на всех должностях сидят военные. По сути, как бы в руководстве ничего как бы и не делается никакой работы, только эти должности только представляются там, каждый там месяц, а те всегда переходят на другую должность. То есть, работа не делается, да. То есть, вот это вот именно то, что нету диалога, его не хотят проводить в стране. То есть, вот это главная проблема. И идёт, по сути, какая-то внутренняя, опят же, даже можно сказать и какая-то война, да, с частью народа идёт, с большей половиной по сути. Уничтожение, потому что, ну, [над 15:53] людьми издеваются, с инакомыслием борются как, то есть, людей не только сажают, да, людей увольняют, от людей отбирают даже имущество за то, что они… Да, то есть, люди вынуждены бежать за границу. То есть, вот этот как бы… это как бы основное, то, что это, ну это влечёт, опят же, всё, естественно, приводит к экономическим последствиям, да, то есть, ухудшается качество жизни экономическая у многих людей. Ну, то есть, ну опять же, всему виной как бы, главная причина – политический кризис, который… от которого идут все проблемы, ну, бесконечные проста.

I: А какие, может, социальные проблемы волнуют тебя в Белоруссии?

T8: Ну, социальная проблема, то что у нас самая большая тоже и безработица, да, но... в стране, но, при этом, то есть, средний заработок людей, то есть в плане того, что, то есть, люди так или иначе большая часть населения зарабатывает очень маленькие деньги. Для меня, допустим, это тоже как, когда ещё во время выборов я смотрел статистику заработка и видел, что как бы моя небольшая зарплата, как мне кажется, ну реально, по обмерам Европы эта небольшая зарплата, и это входит, зарплата входит в топ каких-то там 5% самых высоких зарплат в Беларуси, я понимаю, что… блин, как, как эти люди выживают? Когда я трачу в месяц больше денег чем там 60% населения имеет там на всю свою семью, там, тратит там на 3 человека, я, я вообще не понимаю, как это. У меня всегда это как бы боль была, да, то есть вот этот социальный такой разрыв и люди не могут себе, то есть,

как бы… живут только, как: поесть, заплатить за коммунальные и люди вообще не видят и не могут себе позволить нормальный и отпуск, они не видят, не могут выехать даже в ближайшую страну, в Европу, не могут посмотреть, как люди живут там, да. То есть они только могут слышать то, что какие-то там с телевизора, что там все, в Европах там, едят младенцев там только все. В общем, вот эта как бы для меня вот этот социальный разрыв, который в экономическом плане, да. И при этом говорят, что у нас такая стабильность, и что так все плохо живут в Европе, там такое страдание идёт, беднота, безработица. А в Беларуси сейчас самая маленькая средняя зарплата, самая минимальная… маленькая минимальная зарплата заработная. То есть, мы пришли в то, что, мы как боялись, что как… не дай бог, как… будет война как в Украине, ещё что-нибудь. А Украина уже… уже всё, экономически уже впереди уже Беларуси уже, да. Ну, как бы тоже сравнивать, да, Украину (*с Украиной). Украина намного больше страна, намного больше население, конечно там много… другие проблемы, как можно там сравнивать было то. Но и то, Украина уже выбралась уже в своей средней зарплатой, минимальной выше это, у них намного стабильнее курс их гривны. Несмотря на то, что у них в стране война идёт, да. Уже сколько лет уже, 7 лет уже война, уже.

I: Маленькая зарплата, это примерно сколько?

T8: Это что то, как бы, какие-то там, условна говоря, 150 долларов, может быть, да. То есть, это может быть 120 евро, то есть, что-то вот в таких районах, то есть это… может даже и меньше, то есть, условно говоря, средняя… средняя пенсия где-то там 120 евро, может быть. То есть, ну я просто знаю, что обычно так получают, допустим, у меня родите… мама, ну и там, это где-то уровень 400–450 рублей белорусских, то есть там плюс минус на курс, это опять же и там… курс опят же этот туда прыгает, сюда… точно не скажу, да, то есть, но это где-то вот эти суммы эти в рублях, где-то так.

I: Тебе нравилась твоя работа го отъезда?

T8: Ну, в принципе да. То есть, как бы условия, когда я ещё переехал в Литву, то есть, я и не поменял свою работу, да, то есть я и продолжаю сейчас работать на свою… на свою же работу, на своего же… тот же проект, который я работал до этого в Беларусь, да, то есть, мне как бы вполне себе неплохо жилось в Беларуси, да. Всё же говорю, что моего даже не самого большого заработка хватало на хорошую жизнь в Белоруссии, на хорошего качества жизни, да. То есть, я мог себе позволить, вполне себе… то есть, мне… и то, как бы я не мог себе позволить там какие-то такие вещи, как наш, так называемый, президент, там, да. То есть я не мог себе покупать какие-то вещи дорогие: золотые часы, там украшения, золотые унитазы – нет. То есть, как бы это вполне себе скромная жизнь. То есть, как бы, я всё равно как бы я большую часть тратил там на продукты, это да, я себе обычно позволял покупать хорошие продукты там, да, то есть какие-то иногда, какие-то там… заниматься спортом, да, ходить несколько раз в месяц в кафе позволять, в кино театр, то есть, для меня это нормальная жизнь, то есть, я могу себе позволить, но и то, я не ходил каждый день. Я могу себе позволить ходить каждый день в кафе, в ресторан, но я это не делал, всё равно, потому что, ну… всё равно, это, для меня как бы это не обоснованные траты каждый день этим заниматься, да. Это классно, но, это не то, что как бы я могу этим… так жить вот так вот. Всё равно хоть иногда надо откладывать деньги на чёрную жизнь, чёрный день, да, там иметь…

I: Испытал ли ты давление с работы из-за твоего политического мнения?

T8: На работе – нет. То есть, абсолютно нет. То есть, у нас на работе в принципе… Мой работодатель – это, по сути, ну, американская-белорусская компания, да, то есть, по сути это американская компания, у которой офис в Белоруссии, да, был на тот момент ещё летом, в 2020-ом это был самый крупный офис. Но скорее всего это уже будет скоро, это будет уже не самый крупный офис, самый крупный офис будет в Украине, и тоже связано со всеми событиями в Белоруссии. Но, так или иначе, мы имеем, как эти, политики, policies, да, complaint polices в нашей фирме, да, в котором мы как бы обязаны соблюдать, то есть, и это в принципе такие вопросы, когда, ну то есть, как бы, так или иначе, у нас всё строится на том, что людей не осуждают, да, ни по каким признакам, то есть, они могут иметь любое, как бы, убеждение политическое, любое мнение, да, то есть люди только оцениваются по их вкладу, по их работе в проекте, да, то есть - всё. То есть, они могут там… если плохо делают, то они плохо работают, всё. То есть, то, что они думают, то что они делают вне работы, если они не, то есть, ни на кого там на своих сослуживцев не кричат, что они там плохие, что они ничего не понимают о политике, то есть, это всё, ну, нет… И наша фирма естественно наше как бы… многие сотрудники попадали… попадали в тюрьму, то есть, как бы и естественно, что ничего, никаких последствий для них не было, да, то есть, наша фирма помогала этим людям, так или иначе. То есть, как бы как-то помогать, может быть адвокатами и ещё как-то, юридически, да. То есть, потом… то есть да, фирма не могла на тот момент, допустим, если человек находится в тюрьме, оплачивать ему эти деньги, зарплату, да, то есть, ну это как бы отпуск получается за свой счёт. Но, при этом, никаких, экономических, других последствий фирма не представляла, то есть, не наказывала, да, то есть, да, ну это получается отпуск, условно говоря – да, то есть это… но и всё, то есть, потом человек возвращался и он работал, то есть, никаких последствий нет, да, то есть, и плюс, то есть, естественно в нашей, как бы в [«…» 26:27] наше начальство, там менеджмент всегда понимал, что, что люди начнут… многим, так сказать, начнёт… ситуация не нравится, да, и люди начнут искать пути, как уехать из страны, да, то есть и, так или иначе, усилился вариант… как бы должно быть больше вариантов для релокации, то есть, соответственно появились новые возможности релокации вот в… Литва, там тоже Грузия и ещё много стран, в которых раньше не было, то есть, но вот теперь, как бы, то есть, раньше, моей фирме можно было и так проводить эту релокацию, то есть, это в принципе процесс, который уже налажен, было и так, да. То есть,

ничего как бы новое это. Но появились более, как бы, какие-то новые предложения, были предложены более какие-то гибкие условия, новые страны, опять же, как Литва, Польша, Грузия, то есть, более простые условия для переездов. И помощь, то есть, в переезде, ну опять же, что бы и удержать сотрудников, и помочь, как бы, если надо переехать, и… Ну, да, то есть, и как бы, естественно, что ни все готовы уехать там очень далеко, допустим, Соединённые Штаты там, да, то есть, и процесс туда релокации дольше, да, чем в Литву, например бы, да. То есть, поэтому некоторые хотят быть ближе, так или иначе, к своей родине, да. Поэтому эти варианты, вот как бы, были предложены, естественно, продуманы, как бы это предложены (*предложить) и вот начали осуществлять эту релокацию. То есть, эта была… То есть, процесс этот был не сразу быстр, потому что, ну, это было… офиса не было ещё в Литве, то есть, он как бы по сути, он раньше какой-то был, но он был закрыт, потому что не пошло в первый раз, и, как бы, во второй раз был пере открытие офиса щас и… Но это заняло какое-то время и вот с ноября начали сотрудников перевозить. Но, вот это вот, кратко, вот как всё в… коротко по фирме у меня.

I: Если я хорошо понимаю, так сама фирма помогла переехать в другую страну жить?

T8: Да, да, то есть, как бы… то есть, мало того, что для меня это вообще, как бы, такой вариант был, что я, как бы, остался в своей фирме работать, вообще на своём проекте. Да, и фирма полностью помогает релоцироваться. То есть, нам помогают здесь аудиторские компании, допустим, [«…» 29:22], да, что, эту вот юридическую помощь помогают, оформляют документы. У нас есть, как бы, много сотрудников этих mobility, там, своих внутренних, которые тоже связываются с этими белорусскими компаниями и помогают тебе, вот эти все вопросы настраивают как бы делать. Ну, то есть, и это всё в принципе и… Ну в зависимости тоже от программы там релокации, ну, то есть, помогают… Перед этим как бы оплачиваются все документы, вся визовая поддержка. И это всё как бы бесплатно, и ещё даже какой-то бонус выплачивается, то есть, ну, то есть [… 30:08] зависит это всё. Зависит, но… То есть, как бы в принципе, мне это стоило, ну, допустим, весь переезд сюда, это, условна говоря, билет на автобус, вот. А автобус, ну да, то есть, ну потом естественно, что мне нужно было ещё искать тут жильё, оплачивать. Ну, это как бы я уже сам. Ну, в принципе, вот моя [… 30:34] это - купил билет на автобус и переехал.

I:Принимал ли ты участия в протестах? Расскажи поподробнее что ты испитали там? Как вы себя чувствовал в митингах?

T8: Да участвовал, <...> Не знаю, с чего начать. Но, то есть, допустим ещё до выборов, да, то есть, как бы я участвовал в больших митингах… в больших митингах, которым руководила Светлана Тихановская. То есть как бы до этого, но и с, в принципе, мы понимали, что надо ещё… как бы всё так не изменится просто так и с… я знаю, что день выборов был, 9-ое число, ну, мы уже там допустим понимали, мы с мамой готовились, что мы пойдём, как бы так или иначе, потом куда-то там вечером выходить, просто собираться там, ждать результатов где-то там в городе с другими людьми. Но, естественно, допустим, подготовка к… к этому выходу это уже к первому, да. То есть, это был тоже уже… мы, мы понимали что мы можем домой не вернуться. И… то есть, день выборов, это было - утром встаёшь и готовишь вещи, которые, чтоб можно потом к тебе папа придёт и передаст мыло, сменное бельё. То есть, вот, вот-такая вот, день выборов в общем-то такой. У нас такой день выборов, весёлый день, сходил, проголосовал, ну, вот, да. То есть сходил, проголосовал, но при этом мы готовимся к чему-то такому вот, необратимому, да? То есть, вот первый день, то есть, выборов закончились, мы пошли потом на свой участок, ничего не дождались выборов, наша избирательная комиссия просто сбежала, через час после конца, это они там быстренько всё типа посчитали, просто сбежали не сказав никаких результатов, вот. Ну где-то мы после… где-то к десятому часу, наверное уже, ну, да, там уже было так это. Мы с мамой поехали в центр города к Стеле, мы посмотрели, как народ как бы собирается, да? Очень много людей собиралось со всех сторон, реально, молодёжи, людей среднего возраста, ну, то есть, как бы, ну, вот мама моя пенсионного возраста, она пенсионерка. То есть, как бы, ну людей разного возраста собиралось. Собирались у Стелы, просто собирались, тихо стояли. Но туда начали скатываться уже силовые структуры. И, в какой-то момент, просто, пока ещё люди собирались, шли, не знаю, какие-то возможно кричали лозунги, то есть, естественно, что я не помню, что… Естественно, люди не то, что прям тихо стояли, но, то есть, не было никакого там… люди ничего не громили, не крушили, люди просто собирались и шли, маршировали, собирались возле вот этой территории, на этой территории. Но, очень скоро в людей начали просто кидать гранаты, свето-шумовые. То есть буквально, то есть, прошло там минут двадцать, тридцать, как мы с мамой там были, пришли туда. И, то есть, там в метрах ста уже к нам полетели гранаты. То есть, людей начали просто уже застреливать гранатами, свето-шумовыми. Людей, понятное дело, что типа, что начали пугать, чтобы это. Но, люди, ну как, немножко отбегали естественно, чтоб не попадаться сразу эта… туда. Ну в общем, где-то… где-то ещё мы с мамой в течение часа, полтора там были, посмотрели, да, то есть, но, то есть, как бы начала вот эта мешанина происходить, то есть, мы настолько тоже не понимали, как это всё происходит, ведь интернет отключен, то есть, как бы, что происходит глобально по городу - мы не знаем. То есть, на самом деле во многих частях города люди собирались, да. То есть, их так вот и встречали то, что в людей просто закидывали гранатами, да. То есть, после какого-то времени мы с мамой уже решили вернуться домой. Просто уже как бы тоже очень устали после этого дня. Мы уже, когда уже, ну… опять же, то есть, у каждого есть свои какие-то пределы, да, то есть, это… *н*у, то есть, решили вернуться, то есть, мы уже поехали назад, то есть. Но, уже там, когда по утру уже, мы видели там, что уже, это уже, когда приехали домой, что там что-то уже начинается творится что-то невообразимое там. То есть, откуда мы уехали, казалось, что люди уже убегали, люди туда возвращались, людей ещё больше, людей закидывали гранатами, какое-то противостояние, какие-то там, в общем, не объяснить там. Просто, какая-то

стрельба, ещё что, это всё в одну, в какую-то страшную просто в цепь пошло. Ну вот, приходит понедельник, типа рабочий день, да, то есть, и это вот начинается там особенные три дня, когда не работает интернет, непонятно, что вообще происходит здесь в стране, непонятно, как работать. То есть говоря, что типа, если плохой интернет, так или иначе приезжать надо в офис, может там хоть что-то будет работать. Ну, то есть, как бы это тоже там очень всё плохо работало. Но мы так или иначе приехали в офис, а при этом у нас как бы была work from home, да, то есть, мы это всё… с конца марта мы работали дома до этого времени и тут нам надо ехать в [… 37:27]. Приезжаешь в офис, как бы народ такой ещё весь, весь такой отходит от шока от того, что вообще происходит вообще везде. Ты понимаешь, что у тебя офис выходит на вот эту станцию Пушкинскую, где буквально тут эта была… баррикады были, стрельба ещё 2 часа назад, но тут уже типа всё убрали чистенько и как будто бы всё, ничего не было. И вот такой проходит рабочий день и вечером начинается опять. Люди начинают опять собираться, то есть, опять же на работе просят, чтобы заранее там, в часа четыре вечера, пусть «заранее выезжайте», чтобы… потому что будет… обещают как бы плохо там, да. Реально, там перекрывают дороги, там, что-то там, ещё что-то происходит. И почему-то нет… что-то там… манифестация, потому что начинают государство, эти все силовики начинают что-то такое делать, что люди начинают… невозможность перебираться по городу. Вот, и происходит нечто тоже, вечно мы собираемся, тоже как-то пытаемся с мамой куда-то выехать, посмотреть, да, что в городе какой-то народ собирается, где-то там ходим, тоже какое-то время смотрим, собираемся, народ ходит, ходит, ходит, кажется, что народ уже вроде бы и ни то, что не собирается уже. Потом мы тоже, мы несколько часов с мамой ходим, мы уже просто устаём, то есть, мне надо маму отвезти на машине домой, то есть, мы отходим уже, эта, а потом наблюдаем, что вечером начинается тоже противостояние. Такое там... стрельба в районах, эта… Я, когда вечером встаю уже… Ну так продолжается несколько дней, то есть, ты понимаешь, на следующий день убивают человека, опять же на Пушкинской, да. И тут приходишь на работу, ты понимаешь, что здесь убили человека, а ты здесь должен как будто бы работать и ничего, как бы в этой стране… а делают вид, что ничего не происходит. И, ну, кажется это такой, вот эта такой когнитивный диссонанс, ты не понимаешь, что происходит вообще. Вечером, опять же, возвращаешься домой, пытаешься, да, куда-то сходить, уже как бы, уже там с мамой никуда не ездим, я там, допустим, хожу уже где-то в своих районах, смотрю, что люди как начинают собираться в своих районах, организовываться, ходить куда-то ещё. Но при этом я вижу, что, допустим, читаю там ещё, прорывается там где-нибудь в Телеграме, где сражение идёт там возле универсам «Рига», возле Пушкинской и я вижу эти взрывы. То есть, идёт там первый час ночи, у меня в окне, там 24-ый этаж и я вижу, что вот там идёт война, там идёт война и прямо вот, вот… ну я не знаю, как это объяснить, ну я понимаю, что вот мир вообще-то валится из ног, ты вообще не понимаешь, как может быть такое, быть, что, вот, людей убивают и вот это вот противостояние, да. То есть, вот эти самые страшные дни вот эти вот, вот так-вот проходят, потом, какой-то… идёт какое-то отпускание, начинается такое небольшое, люди выходят… женщины начинают утром выходить с цветами, встраивается в эти… в chain, я даже забыл, как просто это называется, в цепку солидарности. Вот, потом, то есть, потом мы вот ещё прощаемся, допустим, в субботу собираются люди на Пушкинской, чтобы прощаться с первым этим убитым, панихида идёт. Люди собираются, очень много людей, опять же, бело-красные-белые флаги. Потом… потом, когда собрались на 16-ое число, это первое это воскресенье, когда просто все собираются возле Стелы и вот это-вот, просто вот там полумиллионные сборы идут, люди организуются и идут все в центр и просто, конечно, когда мы там туда приезжаем, это видим, как много нас. На самом деле, мы хотим перемен, мы хотим мирной жизни, да, то есть, мы хотим быть услышанными. То есть, и то, что это невероятно просто, когда ты там собираешься, видишь этих людей. Это не просто какие-то, как говорят, наркоманы, да. То есть, я никогда не видел на самом деле столько… То есть, моё впечатление, да, когда я там ходил среди этих толп людей, да, то есть, мои мысли, да: какие красивые люди у нас, то есть, говоря красивые люди, просто вообще не вообразить, какие они близкие, они все улыбаются, такие все… вот это вот не те, просто, которые говорили: «ходят хмурые, никогда не улыбаются, не здороваются», это прям какие-то просто вот совершенно другое прям какое-то место. То есть, и это… и эти все тысячи, полумиллионные сборище, да. То есть, вот это такое «вау» эффект, да, это то, что, вот… Внутри, конечно, это что-то такое прям, прям реально очень обременяло и это дало прям очень большую вот такую надежду, да, что в конце концов мы победим, да. То есть, нас много, мы все хотим и в конце концов мы добьёмся своего.

I: Что ты думаешь о будущем Беларуси?

T8: Что я думаю про будущее, это… не знаю. [Я могу сказать 43:36] как бы про прошлое, то есть, как я чувствую, да. То есть, как минимум, то есть, жалко, что не, допустим, не сколько там кто-то там построил себе дворцы с золотыми унитазами, да. То есть, всегда жалко, жалко то, что потеряно время, да, то есть, потеряны 26 лет, потеряна… возможности потерянные, потеряны поколения, да, вот этих вот возможностей из-за того, чего действительно не вернуть - это вот время. Это наша жизнь, да, то есть. Да, на будущее мы надеемся, что, если мы сможем всё-таки сделать, провести нормальные выборы, потом, честные, прозрачные выборы, так чтоб наступило какое-то согласие всё-таки в обществе, да, наработать как бы новую конституцию, наработать новые законы. То есть, и мы сможем в честном прозрачном… после честных прозрачных выборов, в прозрачном обществе, с нормальными законами, конституцией построить хорошее общество. Я верю, что Белорусы готовы к этому, они уже выступили, они готовы делать это не ради там больших зарплат, а ради будущего своего.

I: Имея в виду то что ты участвовал в протестах и раньше, ты столкнулся с какого то рода давлениям со стороны властей из-за этого?

T8: Ну, мне повезло, то есть, как бы я ни разу не попался. Сколько лет… сколько лет это всё проходило... Да, хотя наверное, это на самом деле ещё начиналось все эти… во сколько лет, да, там 15 лет: 2006-ой год, 2010-ый, вот сейчас. То есть, ну за это время, да, то есть, мне везло и я уходил, да? То есть, мне не попавшимся. Также как бы и сейчас, и то как бы в одно из воскресений ещё в августе была уже потом, то есть, допустим, я участвовал во всех воскресных маршах до ноября. В ноябре я заболел Ковидом, а потом я выздоровел и уже в течение там двух недель, я уже релоцировался уже, процесс был релокации в Литву, поэтому я уже не ходил, потому что, чтобы… ну раз я уже уезжаю, то смысла нарываться уже нету, то есть, чего это. То есть, ну, то есть, как бы, то есть, как бы, сидеть как бы, две недели терять, да, то есть, нет смысла, да? То есть, как бы, если я… если я уже решил, что я щас буду уезжать и не буду кормит, что говорится, своими налогами решил. Но, один раз в… ещё с мамой мы ходили в августе и как раз таки попали в центр города, пришли, люди ещё собирались со всех районах и получилось так, что нас зажали там возле Гумма, возле национального банка в Минске там, нас зажали, там несколько тысяч человек и мы думали, что нас реально уже всё. Потому что нас сжимали, машины ехали баррикады, просто почему-то постоянно сжимали, сжимая всё ближе, ближе, тут стояли эти военные, со всех сторон не пропускали нас чтоб мы не присоединились с другими группами. Ну, то есть, мы думали нас там уже точно придавят. Но, нам ещё повезло, что с другой стороны проспекта пришла, опять же, 100 тысячная колонна, просто реально, а им ничего не пришлось делать, как просто уйти, сбежать и мы объединились и пошли дальше на это. Но, это был момент, когда я чуть не попался, да, вместе с мамой. Но, опять же, да, моя мама не такая везучая, она всё-таки эта, да. Она как бы на три месяца уехала в Голландию к моей сестре с внуком нянчится, но по возвращении в конце ноября, то есть, она в декабре уже – да, попалась один раз и потом ещё, да, естественно, в Марте тоже ещё один раз. Ну, то есть, у неё ещё была одна ходка из КГБ. То есть, там было не… ну там такое было на пол дня задержание без… Но, но, она не такая везучая, но она всегда готова к этому - да.

I: А были мысли приехать в Литву с мамой, со семьей, знаешь? Или, может в будущем?

T8: Это не совсем возможно, то есть, как бы мама моя, то есть, такая, что будет сражаться до конца. То есть, мама моя не может, то есть, она… То есть, как она говорит для неё… у неё здесь, то есть, как бы, похоронен отец, мать, у неё здесь похоронен ребёнок её, да, она не может от них уехать. То есть, как бы на самом деле, то есть у нее… у моей мамы был третий ребёнок, то есть, между мной и моей сестрой, то есть, да, то есть маленький ребёнок, через две недели умер вот после рождения, да, то есть. То есть, ну, моя мама прошла столько вещей, что, когда её пытаются пугать в Окрестина какими-то уголовками, да, то есть, она не пугаемая. Да, то есть, как бы она… у неё столько было в жизни всяких вещей, что не… и не понять. Да, то есть, моя мама, то есть, она здесь, то есть у неё здесь, она должна быть здесь, у неё здесь дом и она будет сражаться как бы до… до последнего, да, то есть. То есть, она всегда может, да, поехать там, как бы, и к моей сестре, у неё была такая возможность в принципе. И вот это вот в сентябре попросить беженство, да. То есть, ну она понимает при этом, что она не сможет встречаться, допустим, со своим мужем. То есть, она тоже так не может, то есть, как бы, всё-таки жить там даже три месяца со своей дочкой, это, ну, то есть, как бы это по… законами её… по правилам её дочки, так или иначе, семьи её дочки, да, это не дома. То есть, ещё [… 50:22] не может так дома, то есть, да, жить, конечно, с таким государством это одно дело, да, а вот это всё-таки быть рядом со своим мужем, всё-таки со своей второй половиной – это другое, да. То есть, а у моего папы другой вопрос. У моего папы бабушка есть, 93-ёх лет. Её постоянно нужно всё… уход. То есть, бабушка, конечно, она сама в принципе за собой ухаживает, но бабушка постоянно, она не ходит в магазин сама, то есть, бабушке постоянно надо привозить продукты, ну, потому что вот. То есть, покупать, потому что бабушка, ну, не экономически, она, она боится просто делать эти операции, то есть. Хотя, она очень тоже, бабушка моя, хоть и очень старая, то есть, она очень разумная, она очень понимает, что с ней происходит, она очень всё хорошо и запоминает, эта… То есть, это, в принципе очень, как бы, с головой ещё, как бы, светлый, умный человек, да, то есть. Но, при этом, как бы, всё равно ей нужен уход, ей нужно… У неё есть как бы тоже психологические это, ей кажется, допустим, что к ней кто-то там приходит, гадит еду, то есть, ей надо постоянно, чтоб кто-то к ней был. То есть, либо дочка, либо сын приходил, да. То есть, поэтому, мои родители как не могут, вот… Ну, то есть, как бы родители, то есть, они там, да, поэтому, естественно, что это боль, тоже как бы, что… естественно, что за них волнения, что, как у них, что там происходит. Не молодые, здоровье не так это, да, и ты, как бы, хотя бы там, когда там ты раз в неделю к ним приходишь в гости, пьёшь с ними вино, ешь, разговариваешь, ну, как бы, вот, хорошо, да. То есть, естественно, что так, когда особенно из-за Ковида ты даже просто не можешь в гости приехать сейчас, ты просто понимаешь, что… вообще, какие-то дурными законами, что там раз пол года там вообще можешь только выехать через… автобусом из Беларуси, да, то есть. Ну, плюс эти все Ковиды и карантины и ты развязан и ты там даже ничто не можешь помочь, да. Но при этом это даёт возможность уже здесь. Маме более не боятся ещё больше, да, то есть, что это, то есть. Она, то есть, она говорит, ну что ей, да, то есть, что ей сделают, то есть как бы, то есть ей как бы и пытались там типа что-то наезжать, что «а где ваши дети» там это, да. «Не важно, где мои дети», да, то есть, они не живут со мной.

I: Что было самым сложным в отъезде из Белоруссии для тебя?

T8: Самым сложным, ну, [… 53:21] как бы, как бы это [… 53:22] была такая, понимаешь, как для себя я это представляю, это подготовка, да, это обрезание корней. То есть, это так или иначе, свой какой-то вклад в жизни там есть, да, своя квартира, ты там, ну… то есть, вообще, как бы да, это свой, как бы так сказать, кокон такой, не кокон, ну да, как это по-русски говорится… типа да, всё хорошо, да. Это зона комфорта, да? Что ты себя чувствуешь абсолютно, да, это как бы и всё хорошо у тебя, классная работа, тебе достаточно, тебе много чего не

надо, у тебя классная квартира, классно там, красивый ремонт, красивый вид из окна, всё, что надо, любой как бы [… 54:22] ты можешь, можешь, как бы там, если надо, как бы да, путешествовать. В принципе да, то есть, ну вот эта вот, опять же, разрыв от этого привычного, то есть, тяжело. То есть, да, иначе как бы, я в принципе уехал практически со всеми вещами, но, допустим, не со всеми своими вещами. У меня допустим есть коллекция музыки да виниловых пластинках, да. То есть, для меня, для меня это как бы часть моей, ну, души, да, то есть, как бы. Для меня это какой-то… даже, если я не слушаю каждый день, для меня это всё равно нечто то, от чего как бы, не знаю. Для меня это, вот как бы, это такая большая моя часть жизни, то есть, я не знаю, что... Это, это такой большой корень, который пока… я не могу пока его от-туда увезти сразу, да? И это там оно осталось, поэтому… ну оно там, да, то есть моя там квартира, моя там то… мои там родители и это естественно, что, ну это сложно как бы, в каком-то плане, вот. Особенно, когда ты просто не можешь даже просто даже приехать на выходные. Хочу ещё сказать, мне очень это сложно, я не готов сейчас… для меня это очень сложно проходить тысячу раз, десять раз ПЦР сдавать, сидеть на карантинах, кому-то доказывать, эти все (*всех) операций мне хватило по приезду сюда в Литву. Тут сидеть карантин и сидеть на локдауне три месяца, можно по сути, когда… В общем, для меня это как бы сложно, поэтому я… Правда, как бы я скучаю, но не настолько, чтобы был готов месяц сидеть в карантине.

I: Планировал ли ты выезд за границу до событий президентских выборов в Белоруссии?

T8: Вообще, наверно – да. То есть, в принципе в планах на жизнь такое было, то есть, попробовать жить где-нибудь в Европе. То есть, это было, то есть, ну вопрос как бы был другой, что, наверно, цель была, просто, как бы, Испания на пример больше, да?

I: Да, я знаю, что ты изучаешь испанский язык.

T8: Да. Да, то есть, как бы, поэтому как бы и это… Это, в Испанию, ну как бы, туда и сложнее, туда как бы и мне не хватает ещё может быт даже, как бы для юридически, чтобы оформить меня туда, то есть, там сложнее надо было и больше опыта, и может быть моё образование не подойдёт как бы для Испании, это в общем, сложнее, да? То есть для Литвы, то есть, проще, проще, казалось, то есть, и быстрее. То есть, ну как бы этот вариант тоже как бы, чтобы начать релокацию, то есть, это возможно, да, дало толчок как бы выйти из зоны комфорта и всё-таки заняться тем, что в принципе и ты собирался когда-то всё-таки наконец-то сделать. Да, это было сложно, но, когда твоя жизнь ты уже понимаешь, что твоя жизнь находится просто, ну, ты не чувствуешь себя защищённым, да, просто находясь там, даже в своей собственной квартире просто запертой. Внутри своей зоны комфорта ты не чувствуешь себя защищённым. И ты понимаешь, что да, ты готов просто куда-то уехать, чтобы ну хоть как-то, как-то успокоить свою нервную систему, потому что постоянные эти чтения новостей, даже просто, вызывали у меня панические атаки просто. Я уже просто, я уже не мог это… то есть у уже начал принимать антидепрессанты там в сентябре, потому что просто сдерживать этот эмоциональный просто этот вот фон, у меня, просто… я просто не выдерживал просто, реально эмоциональный фон. Психологически это до сих пор не понятно, как с этим можно… как это всё можно в себе содержать, так сказать, и с [головы 58:51] сыт, так сказать.

I: А как ты себя сейчас чувствуешь?

T8: Ну опять же, как бы на самом деле всё равно это сложно понять. То есть, очень сложно разобрать все эти чувства. Вся эта ситуация, она какая-то необъяснимая, что это происходит там. Ты не понимаешь, как можно людей хватать за чтение книг, давать штрафы, судить за то, что у них в доме бело-красный-белый флаг, что они думают ни так. Это всё не укладывается, вот этот вот реальный фашизм этот, он не укладывается в голове, как это может происходит сейчас, да? То есть, это очень сложно. Но, да, так как я ещё на этих депрессантах, как бы из них «выхожу», но это не даёт какого-то всплеска такого, что просто я не могу себя собрать, да. То есть, ну, я не понимаю, но я могу отвлечься и могу в принципе работать, да? То есть, сейчас, ну, плюс-минус окей, да. Я бы наверное ещё чувствовал себя лучше, если бы вот, если бы потеплело ещё на улице, да? Ещё бы… потеплело и локдаун я хочу чтобы сняли, чтобы можно было опять… хочется больше открытых магазинов, хочется погулять по IKEA например, развлечься, да, сходить в спортзал…

I: Мы уже это немного затронули, но каковы были основные причины твоей эмиграции?

T8: Причины, что… То есть, как бы поступило предложение, допустим, возможность переезда в Литву, появилась в конце августа, да, так замаячила. То есть, до этого я понимал что просто у меня нету возможности релоцироваться, потому что, ну, по законодательству там, куда я хочу, то есть, мне не хватало ещё, там, ни уровня там моей позиции, ни опыта работы. То есть, да, то есть как бы, ну тут предлагают переехать в Литву, то есть, я как бы соглашаюсь, да? Просто я в принципе понимаю, что то, что сейчас происходит в Беларуси, это скорее всего может быть очень затяжным, да? То есть, то, что здесь начинаются репрессии, начинается давление на людей, на инакомыслие. И что… как бы, почему бы и нет? Потому что в любом случае. То есть, как бы лучше какое-то время побыть где-то в безопасности, то есть, я себя понимаю. И, опять же, и это как бы немножко будет уже лучше хоть для кого, даже для моих родителей будет лучше, если я буду в безопасности, им тоже здоровье не убавит. И это всегда, если что вдруг, я смогу как бы и здесь родителям, они могут приехать сюда помочь, больше чем находясь там в одной ситуации, да? То есть, плюс, я понимаю, что эта ситуация может быть затяжная на долго и вариант такой как Литва, то есть да, потому что это ещё как бы близко, то есть, всегда можно если что приехать быстро сюда. И, что ещё… шас... быстро, рядом, что ситуация затяжная, что, я всегда могу в принципе [… 1:04:52], если попробую здесь, да, поживу год, два, если ситуация в Белоруссии будет…

станет хорошая, то есть, всегда можно вернутся, то есть, это не… это не то, что это, но из-за того, что я понимаю, что безопасность, это вообще ничего не значит там теперь уже, нет такого понятия вообще безопасность в той стране, ну я не знаю для кого, ну только для одного человека и его семьи может там безопасность в каком-то смысле есть такая-то и он себя… Но и то наверняка он не чувствует себя там очень прям хорошо, особо он там боится, что устраивают такие репрессии, да, то есть. Но… но, то есть, да, я не могу себя чувствовать там в безопасности и выходя каждый раз на улицу… да, это было, ну, как сказать по-русски, стрёмно, так сказать.

I: Что повлияло на твоё решения прибыть именно в Литву, а не допустим в Полшу?

T8: Из вариантов Литва, Польша, ну, в Польше я вообще никогда не был, то есть, я вообще не знаю, какая там страна, раз, так или иначе, да, там как бы Польша, польский язык соответственно, то есть как бы, ну, то есть, как бы я плохо знаю. Я понимаю, что польский там очень в принципе понятен, если там немножко поучить его там из белорусского, эта. Но всё равно, это как бы абсолютно новый язык и ты его просто так по приезду ты его не начнешь понимать, тут уже позже. Во-первых как бы плюс ещё, так или иначе, опять же моя бабушка, мой папа, то есть, там мы имеем Литовское происхождение, да? Поэтому, как бы, ну, как бы я чувствую себя литовцем, поэтому, ну, почему, как бы… Литва как бы, тут опять же, в Вильнюсе я много бывал в Литве, поэтому Литва понятнее, ближе. Понятно, что, то есть, всё-таки Литва это ещё плюс русскоговорящий город так или иначе, много где, да? То есть, с людьми так или иначе можно поговорить, ну как с тобой, даже на русском тебя поймут. И это всё тоже, как бы… Плюс потому что, если ты попадаешь в страну, где ты вообще не понимаешь языка, то ты просто вот вообще как. Ну это очень сложно, да, то есть это настроить свою жизнь и плюс ещё, ну не будешь ты внезапно вот с первого дня учить всё это, да. То есть, допустим, нам на роботе будут давать курсы, будут литовского, поэтому мы немножко узнаем как, что, но это тоже ни сразу, то есть это ещё, сколько ещё может месяцев пройдёт, когда мы начнём. И то, как бы, ну нет на это время, то есть, надо благоустроиться тут, устроить себе тут жизнь, потому что жильё, эта, работа здесь, да, то есть, на это как бы на то, чтобы работать это тоже время. И нет времени просто там сидеть и так в общем приходится учить столько всего, у меня столько тут работы и приходится, ну нет просто времени сейчас выделить 5 минут. Ну как бы, тут у меня друзья, которые тоже как бы живут здесь, это, знают литовский, да, то есть, но, то есть, ну это как бы время, так или иначе, это не сразу. Так или иначе, здесь много сервисов есть на русском, да, то есть много сервисов, ну, как бы, на английском, на русском, поэтому в принципе, так или иначе здесь ты понимаешь, что приедешь и в принципе быстро адаптируешься. Так или иначе, да, конечно всё равно как бы не дома, но адаптируешься. Поэтому для меня, ну, то есть, и Польша, так или иначе, ещё какие-то имеет для меня некие странные вещи, которые для меня немного, не знаю как, но отталкивают немножко, я сказал бы too much religious, так сказать. Для меня немножко это вот эти, это немножко для меня попахивает Россией немножко где-то, ну какие-то, как это говорят, скрепа немножко, ну слишком как-то очень, это прям идёт как-то впереди вообще всего прогресс это, да. То есть, я не знаю, как бы зачем эти все, ну, то есть, для меня это немножко, немножко… Я ничего против этого не имею, но сам я, так или иначе, для себя уже вырос, я атеист, поэтому я, для меня как бы слишком это, эта тема как бы немножко… Как-то она прям везде, вот тут у тебя, нельзя сходить в магазин в воскресенье, потому что, ну в этот день надо посветить сходить в церковь. Ну, а почему я как бы должен… Это интересно, но Литва мне всё-таки как-то ближе, это, то есть здесь как-то ближе, понятнее, так сказать.

I: А считаешь ли ты, что Литва тебе близка из-за нашего исторического опыта?

T8: Ну да, наверно. То есть, я конечно не знаю, что творится в голове у всех литовцев поэтому поводу, да? То есть, но в любом случае, да, то есть как бы, это тоже нас объединяет. То есть, естественно, что если мы так или иначе жили в одном государстве. Ну, то есть, я вообще как бы и генетически как бы близок, вообще к этому населению. То есть, естественно, что если раз мы жили, мы были близки, то есть, наверное у нас как бы изначально какие-то должны быть похожие, как это, взгляд на жизнь, на вещи какие-то, это. Ну где-то, где-то да, то есть, белорусы где-то с литовцами похожи, хотя конечно иногда, конечно, когда приезжаю как турист в Литву… бывали конечно моменты тут с… где немножко, где мне кажется немножко литовцы немножко застряли где-то, вот в сервисах например. Где-то иногда обслуживание, допустим, в ресторанах какой-то очень идёт, такое, too relax, я бы сказал. То есть, ты можешь прийти… вот столько вот попадаешь, да, вот приходишь, нормальный там в какой ресторан, нормальный там какой-нибудь, обычно там какой-нибудь средненький такое кафешка, ресторан, там поесть вкусненько можно, окей. Но приходишь и где-то там 15 минут ждёшь пока тебе принесут эта… меню, потом так счёт, в общем так расслабленно, так, как будто не хотят вообще, то есть, мы можем вполне себе дать хорошие чаевые тебе там это. Ты просто, просто… То есть, и этот уровень, не знаю, то есть, либо за последние годы ещё больше людей отсюда уехало, что просто все стали как-то расслабленные, да, то есть, что… ну, как есть конечно какие-то странные вещи, да, то есть, как бы, что хотелось бы, что литовцы немножко лучше как бы, как бы это делали, потому что мне не жалко как бы, да, но когда просто в таком расслабленном месте тебя обслуживают, ну ты такой, «блин, ну, а за что чаевые». Вы как будто... как будто вот… Ну, опять же, какой-то просто отношение просто опять же, да? Ну есть, да, то есть. Такое как бы есть и в Беларуси тоже, но в последние годы в Беларуси очень много где, то есть, сервис намного стал лучше, то есть, намного обходительнее стал, допустим, этот сервис, там эти официанты больше улыбаются эта, то есть, в Беларуси это как-то быстрее как-то этот прошло вот это вот… улучшение, как бы, да? А литовцы немножко, немножко здесь кажется, что застряли. Но, в принципе, да, похожи то есть в каком-то смысле литовцы и белорусы, тоже довольно закрытые люди так или иначе, очень в общем плане, такие не, такие больше в стране

таких интровертов больше, не то, что прям все так, эта. Но, но опять же, мне кажется, что опять же, как бы белорусы показали в последний год, то есть, белорусы оказывается могут быть и более открытые.

I: А как ты думаешь, была ли у тебя альтернатива тому, чтобы не уезжать из Белоруссии?

T8: Альтернатива тому, чтоб не бежать? Ну то есть, как бы, альтернатива – да. То есть, так или иначе, если бы не получилось бы с релокацией, то есть, возможно пришлось бы искать другого пути. То есть, как бы, если, конечно, естественно как бы, если ещё не было похуже совсем там, угроза жизни, то есть, можно было какое-то врем ещё продолжать жить, да. То есть, как бы… ну да, терпеть это всё. Ну это конечно было бы очень сложно психологически, не знаю, сколько мне пришлось бы лет там это пить эти антидепрессанты, чтобы это вообще выдерживать. Так или иначе, если бы я там находился, я бы не смог не участвовать в, так или иначе, в действиях, которые там происходят. И при этом, скорее всего, ещё скоро, так или иначе, я бы скоро попался куда-нибудь, не знаю, чем бы это закончилось и как бы это на меня повлияло это всё. Ну, не очень конечно хочется пробывать…

I: Так можно сказать, что, не было этой альтернативы?

T8: Да, то есть, как бы, ну…

I: Ты бы хотел уехать?

T8: То есть, если бы я уже попался, то скорее всего мне бы пришлось уже экстренно уже куда-то придумывать это. То, то есть, как бы, да. То есть, у нас как бы ещё самый крайний вариант, то есть, как бы, у нас как бы, которым не очень хотелось бы пользоваться, это, то есть, допустим, это Лёша работает в Норвегии, то есть, как бы и там, может быть, смогли бы меня взять туда, так сказать, перелоцировать, это в Норвегию, да, то есть. Ну это туда, не то, что бы хотелось в том направлении двигаться и связываться с Норвегией, потому что не очень… это не та страна, в которой хотелось бы жить, в общем так сказать. Поэтому вариант, лучше жить в такой стране, в средне [русскоязычной 1:17:01] стране, да? Более приятной тебе, ближе тебе и, ну, без пафоса какого-то такого, ну, ну вот, чтоб понятно, мне понятно, да, такое. То есть, какие-то совсем, как бы, план, это даже не план а, б, ц, это план икс там какой-то там, есть и да, там это. Но, да, не хотелось бы… лучше было бы воспользоваться планом б, то есть, допустим, релоцироваться щас и всё как бы, и всё, то есть. Ну, да.

I: И как давно ты живёшь в Литве и как у тебя здесь дела?

T8: То есть, вчера было как три месяца, как я сюда приехал в декабре. Так ещё долго я никогда не отсутствовал дома, так сказать. Обычно, ну бывало там месяц, то есть, месяц вот это вот я уезжал там в Испанию на месяц. То есть, ну там вот максимум, что мог себе позволить какое-то (*какой-то) отпуск. А… как… Не, ну в принципе ничего конечно, оно, тоже как бы не чувствуешь, есть такой ещё, опять же, всегда, есть такое ощущение сейчас такое, момент, не чувствуешь себя тоже в какой-то, не то, что в зоне комфорта, нету какого-то back up'а пока. Ты не чувствуешь, что, если вдруг что-то, ты там останешься, опять же, как опять, вот это вот, в Беларуси есть у тебя там допустим, ну, как бы, деньги на чёрный день, да, то есть. А здесь, если вдруг останешься без работы если что, да. То есть, у меня как бы деньги есть, но они лежат на белорусском счету, да, то есть, я тоже не знаю, что с этими деньгами, я их не могу так просто там туда переводить, сюда, да? То есть, они там лежат, я понимаю, ну, теоретически там ничего не должно случиться с этими деньгами. Но, в любой момент их могут и отобрать и хрен знает что, извиняюсь за это выражение, будет, да. То есть, а здесь у меня ещё нету этого накопления на чёрный день, да? То есть, и поэтому я как бы тут ещё живу таким… Мне очень сложно держаться, работать, я не могу заболеть, потому что нужно работать, работать, что бы ещё какой-то был, вот это вот, ой, как это называется то, в общем, на… сумма на чёрный день, да, чтобы всегда быть, подушка безопасности, вот, так и называется, чтобы быть себя… чувствовать уверенным как бы и здесь, несмотря на то, что произойдёт там. Потому что вот это, потому что, опять же, да, то есть, если здесь, жить в Литве, особенно не снимать квартиру, у тебя своя квартира, то в принципе, то в принципе я бы здесь вот жил бы вообще даже лучше чем уже может быть там в Минске. Ну, не хуже абсолютно, да, естественно, самое сложное, это… я никогда в жизни не снимал квартиру, самый сложный момент, да? То есть, большую сумму сдаёшь на квартиру, ты снимаешь, ну да, то есть, это большая… основная трата, это съём квартиры, да, то есть, и это самый сложный момент, то есть, чтобы реально, в, мне кажется, когда ты переезжаешь куда-то, да, то есть, тут вот это жильё. То есть, если конечно у тебя вот есть своё жильё и ты за него только платишь там коммуналку, то я вполне могу позволить себе и в SPA ходить на выходных и в ресторанчики себе даже недорогие, то есть, как бы, то есть, намного как бы больше себе могу позволить. Сейчас как я не совсем могу позволить себе очень много, это, да, то есть, как бы, ну вполне себе скромная жизнь, да, то есть. И естественно, что это… нет подушки безопасности, то есть, поэтому такая… переходный такой период пока, теперь попытаюсь перенести подушку от туда, сюда.

I: Так это как самая главная такая проблема сейчас у тебя в Литве? с какими ещё проблемами ты сталкиваешься?

T8: Это не то, чтобы проблема, да. То есть, для меня проблема опять же это локдаун. То есть, как бы это, опять же, закрытый спортзал, да, то есть не могу пойти нормально позаниматься спортом. Потому что я последний год занимался очень как бы интенсивно, это, да. То есть, ну, и тут я получается, что 4 с половиной месяца не занимаюсь, как заболел Ковидом, то есть, я закончил просто и уже переехал. И для меня это очень сложно, какой-то очень непонятный период и, то есть, как бы этого не хватает в жизни, то есть, реально. Не хватает

тёплой погоды щас. Ну вот в принципе, я не скажу, что мне что-то ещё такого это, да. Мне не хватает там моей коллекции винилов. Да, не хватает проигрывателя винилового, то есть, моей музыкальной техники, то есть, это то, что реально… чего как бы, да, вот прям не хватает, да. Всё остальное это в принципе можно купить. Проблем как бы нету, то есть, да. Да тут жизнь немножко дороже чем в Беларуси, но, жить можно как бы. То есть, как бы, я ничё это, как бы не испытываю какие-то другие какие-то… Да, то есть в принципе, я себе представляю, как бы это можно быть как длительный отпуск, да, то есть, ещё как. Ну, в целом вот как бы, кроме каких-то моментов, в принципе очень всё более-менее комфортно.

I: Как ты считаешь, нужна ли Белоруси такакя глубокая интеграция с Россией?

T8: Глубокая интеграция с Россией Белоруссии вряд ли. Ну, я никогда не желал этой интеграции, то есть как бы. Ещё, когда я был в школе, я никогда этого не понимал, этих всех интеграций эта, то есть, зачем нам это нужно, то есть Беларуси это ненужно. Да, Россия – это сосед и никуда он не денется от этого. То есть, мы с ними можем, естественно нам… мы не можем с ними не иметь экономических связей, естественно. То есть, ну почему это… какая-то нужна интеграция глубокая, когда это просто нормальный цивилизованный просто экономические отношения, то есть, они у нас просто не развиты эти отношения. То есть, на самом деле мы можем намного больше в обе стороны для себя приносить пользы в обе стороны, да. То есть, экономически, то есть, ну, опять же, только при нормальных… условия как бы нормальные: нормальная власть в России, нормальная власть в Беларуси. То есть, глубокой интеграций это ничего как бы хорошего не нужно как бы, ничего не даст там, России это ничего не даст, большо только проблем, Беларуси тоже не даст.

I: Каких проблем?

T8: Ну, многих проблем, то есть, как бы, допустим, там 7 лет назад Крым присоединили, да, то есть, это. Сейчас это России не нужно там какой-то регион, на который надо будет тратить деньги. По сути это [… 1:25:28] вот регион, [… 1:25:31]. Ну, то есть, что-то, то есть… тратить миллиарды денег, которые будут… Налоги платят россияне, они будут обеспечивать жизнь белорусов. Зачем это, на самом деле, россиянам-то нужно, то есть, по сути, что?

I: А для Белоруссии какие проблемы?

T8: А для Белоруссии, это не даст как бы… А что, что даст, какому развитию приведёт это, да, для Белоруссии это? Просто будут опять сидеть на доительном (*доильном) аппарате, то есть, доить эту Россию, то есть, ну. То есть как бы развитие, это тоже будет опять затормаживаться развитие, то есть, ну да, то есть, придут какие-то олигархи русские по скупают здесь. Ну а что? Ну, опять же, будут заменят там военных русскими военными, власть будет насаживаться, да, с Россией, абсолютно это всё какое-такое, типа, прорусская, но, от этого не станет никому… Выгоды никакой экономически не будет, это, ни политически, ни экономически, ни социально. Это будет опять деградация, это будет вот эта стагнация очень продолжительная, для обоих государств это.

I: Ты думаешь, что эта плохо для Белоруссии такая интеграция с Россией?

T8: С моей точки зрения, да. С моей точки зрения это ненужно. То есть, да, нужно иметь экономические связи, но нормальные экономические связи, то есть, какие-то, так или иначе, всё-таки равноценные экономические связи и отношения, а не вот те, которые у нас сотрудничают, на которых всё равно как бы Белоруссия как бы является, какой-то, типа [… 1:27:50] с одной стороны, а с другой, как бы ей не дают там тоже как бы и… не особо ничего как бы какие-то товары свои продвигать, но при этом как бы говорят, что, «ой, если там в Европу вступим, то там тоже нам запретят там, у нас не будет сельского хозяйства, ещё чего ни будь».

I: Считаешь ли ты, что Беларуси нужна более тесная интеграция и сотрудничество с западными странами, с Евросоюзом?

T8: Ну, опять же, тут даже недалеко отходя от России, это, сотрудничество с Россией, как бы, Беларуси нужно сотрудничество со всеми её соседями. То есть, это естественно, что не… А как иначе, то есть? Мы не можем как бы поменять соседей, мы не можем Беларусь перенести к Китаю или к Соединённым Штатам Америки, да. Мы соседи соответственно: Польши, Литвы, Латвии, Украины, России. Мы с ними со всеми должны сотрудничать, со всеми должны нормально поддерживать экономические связи, делать взаимовыгодные отношения для всех. То есть, и наверняка это можно сделать. Опять же, только на самом деле… дать свободу. То есть, у нас просто нет свободы, у Беларуси для экономической свободы, да, то есть, дать свободу. У нас люди очень умные, они всегда знают, как сделать свой бизнес, им просто не надо мешать. А у нас просто мешают, просто заваливают любую инициативу людей создать какой-то нормальный, приличный бизнес. Либо, если бизнес всё-таки люди создают, этот бизнес отбирают и прицепляют это к бизнесу семьи президента. Ну, в общем, это всё только становится приближённым. Ну, то есть, отбирает бизнес, да, то есть, это в порядке вещей в Беларуси. Ну, то есть, вот так это, да. А если на нормальных условиях, нормальной [экономической 1:29:57] свободы, уверен, что у нас, даже за то, как у нас последние пять лет несмотря и вопреки этому всему, этой власти, был большой рост в Минске там, в Беларуси, тоже как бы и разные сервисы появились и… Ну, просто там всего не перечислить насколько это было. И в принципе у нас банковская система и сервисы там тоже, и оплата, это, государственные тоже, это очень удобные услуги, очень удобно там тоже осуществлять всего и да, но при этом как бы сейчас идёт всё, не то что [застывает 1:30:42], а просто вообще, переворачивание, закрытие любого мнения, любых всех участников, щас всех максимально закрывают, всех… Чтобы, если ты просто свободен, у тебя есть экономическая свобода, свобода мысли, значит ты независимый, в независимом государстве, если ты

независимый от государства, значит ты не будешь голосовать за это государство, так сказать, представителей этой политической системы. Поэтому это невыгодно в нашей нынешней системе, а для Беларуси очень выгодно, конечно, было бы (*выгодно) сотрудничать для всех государств, со всеми государствами Европы и с европейскими в том числе и [если надо, пусть Европы 1:31:29]. Щас много в Беларуси, можно уже по пройдённому пути. Немножко потерянное время, да, то есть при этом, рядом много примеров стран, как проходили опять же соседние страны своё восстановление, да, экономическое, какие были ошибки сделаны, что было правильно. И Беларусь может взять самое лучшее и сделать всё правильно самой всё правильно сразу и не повторять ошибок Польши, Литвы, и да, то есть, пройти этот путь быстрее, там за 5 лет, а не за 20. И там взять по примеру, то есть, помощи, там с… европейские институты все, тоже там готовы там помочь, да, то есть, чтобы правильно настроить эти процессы: социальные, экономические. То есть, всё это сотрудничество нужно [... 1:32:37] мы живём в глобализованном мире в общем-то, да, то есть, по сути. Поэтому, ну как можно жить в себе только и с кем-то, кто-то у нас нету, как говорят, друзей, у нас все враги. Нет такого, я не думаю, что сейчас кто-то так думает вообще. Ну, я понимаю, что есть какие-то люди, которые так думают, что только делят враги и друзья. Я себе так не представляю, мне кажется, что все давно отошли от этого, мир, друзья. То есть, как бы, вот мы мир, да, мы соседи, мы должны взаимодействовать, мы должны жить, да, у нас там есть проблемы, да ещё как бы у всех разные запросы, сложно, но как-то вместе это решаем.

I: Так тебе не нравится такая политика Лукашенко, такая изоляция?

T8: Ну изоляция, это естественно, это фигня, то есть, это идёт просто какое-то повторение того, что, опят же, у нас всё какие-то банды, всё какое-то оружие находят там на границе, какие-то [… 1:33:38] атаки будут, будут что-то делать, всё какое-то… все враги, ну это какой-то бред, это не знаю, на кого это может ещё действовать. Ну это бред, это самый настоящий бред, это bullshit просто, да, то есть, что это… Это нельзя это спокойно воспринимать, ну как это можно воспринимать, это… это слова больного человека, это нельзя ни как вообще по другому воспринимать это, да, это не серьёзно, то есть, это не нормально, так люди не думают, это, то есть, это он так живёт, да, у него весь его народ, это сейчас у него весь враг. Он попытается сейчас всё уничтожить, то есть, он попытается либо максимально досидеть, не понятно до чего, либо уже потом сдать Беларусь уже полностью разрушенной, до такой степени разрушенной, что это реально будет уже, просто нищета будет такая во всех сферах, да, и нам придётся просто строить страну, просто вот с фундамента просто даже. И это самое страшное, конечно, чем дальше затягивается, тем намного сложнее будет потом, потом ещё наверняка будет ещё сложнее нам чем даже сейчас. Но, чем мы дольше дотягиваем этот период переходный, тем дольше ещё сложнее дальше будет потом.

I: Ты поддерживаешь ли международные санкции в отношении к Белоруссии?

T8: Да, почему бы и нет. Ну, на самом деле не так уж эти санкции много чего-то делают, да, не такие они уж серьёзные, да, то есть. То есть, в плане [… 1:35:25] могли бы что-то быть какие-то и более какие-то значимые санкции. Но, с другой стороны, я всегда понимаю, что Европа там, они не могут прям делать как бы пол… Они придерживаются каких-то законов, это здесь в этой стране (*в Беларуси) не придерживаются никаких законов, они придерживаются так или иначе каких-то правил, да, и поэтому они не могут там сказать, что «всё, мы там… там застрелите этого и ещё что-нибудь, тут перекрыть, тут вам сами, тут мы ведём это». Ну, то есть, так или иначе, они делают какую-то свою деятельность по закону, по… каким-то всё-таки протестом, да, своим этим. Они не могут как бы так что-то сделать прям очень глобальное и очень быстро. Но, с другой стороны, они могли бы что-то придумать какие-то. Ну я понимаю, что и, как бы, Беларусь тоже не единственная проблема, которая есть в Европе и которую нужно прям вот им решить, да. То есть, эта заноза какая-то в заднице там это ещё, но конечно было бы хорошо, если бы они собрались и придумали какой-то метод воздействия, реальный там, более экономически серьёзные какие-то санкции реально там. Закрытие каких-то, но так, чтобы, да, чтобы изменилось, там эти поставщики, эта «Yara» допустим норвежская там закрыла этот контракт, чтобы всё как бы, никаких это, да, они типа держат их, что контракт и типа и говорят, что мы там всех людей, которых уволили, ну типа взяли на работу, это всё не так это всё, всё отговорки всё какие-то. И людей, так или иначе, всё равно прессуют, не смотря на то, что где-то там контракт там разорвало, не разорвало, их будут прессовать не смотря на это, всё. И если не разорвут, говорят, что типа «если разорвут контракт, то людей всех посадят». Да людей и так посадят и так будут прессовать, не будут давать жизни им. И это всё отговорки, то есть, и это только наоборот всё растягивает этот процесс кризиса, да, то есть. Вы вот […1:37:49], потому что, допустим, вот эти главные все эти нефтехимия «Беларуськалий», это главные экспортные поставщики, заработки Беларуси, да. То есть, это то, что Беларусь зарабатывает из ничего, можно сказать, да. То есть, поэтому очень важно для Беларуси. Вот эти три, ну ещё там есть «Гродно Азот», то есть, да, всё химическое производство, опять же, это тоже как бы «Гродно Азот» это тоже, это просто из воздуха по сути. Воздух преобразуют в удобрение, да, то есть, ну это тоже как бы, это то, что, естественно, что есть большая […1:38:28] на чём государство зарабатывает. То есть, если это не перекрыть каналы, то есть, не закончатся деньги никогда у этого государства. То есть, у государства деньги закончатся на всё, но до последнего оно будут содержать ОМОН, милицию, военных, чтобы держать… показывать свою силу, да, то есть. Но, чем дольше это тянуть, тем дольше это будет затягиваться… Я не знаю, то есть, у Европы затяжной кризис… то есть, как раньше уже не будет, да, то есть, раньше конечно было тут переходный озон и возможно какие-то есть вещи, которые удобны и Европе были и России, да. То есть, какая-то серая зона, на которую можно перенаправлять какие-то товары чего-нибудь там, какой-нибудь там контрафакт, ещё что-нибудь, наверняка что-нибудь такое было, что можно было вести с этот [... 1:39:25]. Но сейчас это уже не так, да? То есть, это… как раньше не будет, да, то есть, это надо настраивать

нормальные какие-то экономические связи. Но с этим государством уже невозможно ничто настраивать. От Европы конечно хотелось бы более решительных мер, там… ну это для кого как можно, да, то есть, естественно от стран первого мира, в плане да, то есть, основных. От соседей, конечно, это, то есть, понятно, наверно, от ближайших соседей, то есть как бы от Польши, Литвы, наверное, видна наиболее сильная позиция. И наверное самая даже от Литвы, да, то есть, мне кажется. Я вижу вот это вот мне, что очень нравится в литовцев, да, вот это вот такая своя позиция. Не всегда может быть я с этой позицией согласен, но это такая своя позиция, на которой они стоят и они её ведут эту позицию, ну вот, и это меня как бы вот, как-то… уважаю за это, респект за это, да, то есть, вот эта вот позиция, которой они придерживаются, они помогают Беларуси, помогают щас нашей Светлане. Ну, всё-таки, это как бы очень… То есть, они реально дают намного больше, чем даже там просто помощь денежная там, там какие-то санкции, вот они что-то делают просто.

I: С моей стороны это было всё. И я очень благодарна за нашу беседу. Может Ты хочешь ещё добавить к уже сказанному что-то?

T8: Я много рассказал конечно, устал малец. Что добавить? Ну, в принципе ситуация более-менее обсудил, да, рассказал, то есть, да, для меня вот это вот, ну то есть, на самом деле, для меня это борьба с этим режимом это очень много лет. То есть, в моей семье это идёт уже почти 27 лет. То есть, мои родители, допустим, когда голосовали, они никогда не голосовали за этого президента, да, то есть. Всегда как бы были в позиции, то есть этому… Так или иначе, всегда участвовали в каких-то событиях, там 2006-ого сода, ходили там на площадь, то есть, там в 2010-ом году, да, то есть. Да, потом был период, когда после 2010 года, это, период был вот такой, просто, когда, да, когда тогда растоптали, можно сказать, и было такое, что мы сами просто себя… так сказать, зажали себя внутри. То есть, мы полностью перешли во внутреннею эмиграцию. Ну, как я себе считаю, я внутри эмиграции и политической и экономической потом. То есть, я живу какой-то своей жизнью вне зоны это, да. То есть, я понимал, что, я не могу себя отдавать больше, допустим, ради этой страны, если большинству населению в стране это ненужно. То есть, зачем я буду себя на штыки как бы ложить, да, то есть это. Но, когда я вижу щас, что да, большинство населения уже ходит, я не могу быть, да, стоять в стороне, да. То есть, я хочу поддержать это всё, как могу, но поддержу, да, но, да, то есть, это, вот это вот, это очень долгий процесс, да, то есть, с какими-то вот такими как горьки, да, то есть, это было, да. Но, вот сейчас в таком затяжном, непонятно, что, да, для моей семьи это как бы ещё плюс тоже такая основная борьба началась ещё, допустим 2010-ого года. То есть, мою маму однажды летом 2009-ого года ещё перед выборами теми, 2010-ого года, да, чуть из дома не вытянули из квартиры за то, что у неё была открыта форточка. Ну, то есть, как бы, вот это одно из то, что… то есть, как бы это не все, когда видели, да, что происходило, это вот, всё, что сейчас происходит, происходило и раньше, но это происходило точечно. Да, то есть, допустим, там была такая ситуация, что кто-то там, один человек в дурке на метрах от нашего дома, от квартиры, играл в закрытом помещение в какой-то футбол, поэтому в нашей, выходящей на проспект окнах нельзя было открыть форточку, несмотря на то, что на улице было +35 и в квартире у нас не было кондиционера, ну, ну не было кондиционера, да, то есть, это как бы, что-то потом, ну да, некоторые комментаторы там, когда писали про это, писали, что «могли себе позволить кондиционер», там. Но нельзя просто в этой квартире ставить кондиционер, особенно на ту сторону проспекта, потому что, ну, у нас нету на проспекте, допустим, там не разрешают вообще просто вешать на фасад кондиционеры, на ту сторону, да, то есть. Ну, то есть, это не всё, как бы не всё так просто, да, там не только всё деньгами решается, то есть, как бы и причина этой ситуации, что потом маму там мою… пытались по крайней мере как бы с улицы закрывать эту форточку, потом, значит, ворвались в дверь, чуть ли не выламывая, потом выводили из под рук, под руки почти голой из квартиры перед глазами всех соседей, но, потом там что-то не увели, потом она с этим судилась как бы это, да. То есть, это прям был суд как бы, какие-то были странные показания, что чего-то там, какое-то воображение, что мама там что-то гладила там бельё какое-то там, находясь там в какой-то там в маечке и что она вызывала там чуть ли там, говорили, что она прям в окна там голая сиськами вылазила. Они из окна, у нас 3-ий этаж там, представляете там, они на машине поднимались, чтобы закрывать форточки. Да, то есть, и такие давали показания, что она голая им там что-то там набрасывалась, а у нас не запрещено у нас дома, есть законы, да, дома у нас можно ходить голым, раздетым, неважно как. И это твой дом, ты закрытый, ты всё, почему вы лезете в окно, закрываете и ты ещё виноват, что дома не можешь закрыть это. Вот после того, как бы, мама не то, чтобы даже ненавидела эту власть, да, то есть, она начала активно участвовать, она находила всякие акции политические, политические какие-то молитвы, ну, очень много как бы активно участвовала в этой вот жизни. Ну и вот в этом году, то есть, как бы её ещё как бы два раза вот за зиму задержали, в Окрестина подержали. И ещё летом, когда был такой момент, когда за кандидата Бабарико давали ходатайство, людей попросили подать ходатайство за то, чтобы на себя взять ответственность, что его отпустить под свою, так сказать, ответственность, да. Она пошла в КГБ подать это вот ходатайство, ну, а там её, как и многих ещё десяток людей, просто из внутри завели сначала, посадили за столик, а потом вывели во двор внутренний, посадили в машину и отвезли потом в отделение милиции, как нарушавших какой-то что-то вот. То есть, ну вот как бы не то, что это, то есть, моя история, да, то есть плюс ещё как бы тянется история как бы от меня, история моей семьи, да, борьба с этим режимом.

Informantė Nr. 9

I: Расскажите, пожалуйста, как давно вы прибыли в Литву, с какими трудностями вы столкнулись?

Т9: Ну я сюда приехала 5-ого ноября, в принципе довольно-таки спокойно я пересекла границу, хотя я не была уверена, если честно, что мне это получится сделать. Но в ноябре месяце ещё из Беларуси можно было, в принципе, если на тебя не заведено уголовное дело выехать, несмотря на то, что меня до этого, ну, преследовали наши власти. То есть, каждый день практически приходили домой, вот с какими-то там повестками, но я, ну, пряталась уже, понимала чем может это закончится. Но я до этого, я уже, ну, чтобы вы понимали, как раз таки два раза мне пришлось посидеть, ну, в изоляторе временного содержания, ну в первый раз ещё в май месяце прошлого года, а второй раз вот в середине октября. Вот после чего потом меня стали постоянно, постоянно зазывать, но я уже, ну, понимала, что надо уезжать, да поэтому и уехала. Но а теперь я знаю, что там заведено уголовное дело, ну, как бы, в базе меня нету, но, как бы, я точно знаю, что пересеку границу и, как бы, сразу окажусь за пределами.

I: Принимали ли вы участие в митингах или другого рода политической деятельности?

Т9: Ой, конечно. Во-первых я была доверенным лицом Светланы Тихановской. Во-вторых, я на самом деле очень давно, ну как, в политической деятельности участвую, я была членом политсовета объединённой гражданской партии, вот, и, ну естественно, на всех абсолютно маршах была, вот.

I: а может можете уточнить свою, скажем так, политическую деятельность: как вы участвовали в митингах, что вы там делали, собирали подписи, когда вы начали участвовать в такой деятельности и так далее?

Т9: Ну начала я участвовать в 2014-ом году, вот. А сейчас на… именно вы интересуетесь конкретно… ну я сама два раза лично баллотировалась. Первый раз это был 2018-ый год на местных выборов, вот это были, [ну, я и смотрю 3:08] это областной совет и городской совет. Второй раз в 2019-ом году парламентская кампания, я была кандидатом в депутаты парламента, вот. До этого я была в инициативной группе Анатолия Лебедько на президентских выборов 2015-ого года, потом в 16-ом году тоже была в инициативной группе там кандидатов в парламент. Вот, а в этом году, я организовывала пикеты в поддержку Светланы Тихановской, ну и естественно до этого тоже занималась сбором подписей.

I: Сталкивались ли вы с какого то рода давлением со стороны властей?

Т9: Да, конечно, два раза была в изоляторе временного содержания, также меня вызывали в суд в качестве свидетеля [… 3:59], постоянно милиция приходила ко мне домой, звонила моим родным, вот. Как бы… ну, как бы, постоянно они приходили. ОМОН меня хватал после женского марша, только правда ничего они не записывали, никаких документов мне не давали, но однако это было, ну я шла по улице просто после женского марша, вышла там на своей остановке, вышла где-то их пять наверно или семь человек было. Вот, а мы были вдвоём с другом, они перекрыли дорогу, ну, как бы ему путь ко мне, ну и схватили. То есть, постоял [на земле 4:31], ну а потом я просто оказалась сидящей в этой машине. Вот поэтому, да, меня постоянно.

I: А как вы себя чувствовали из-за этого?

Т9: Знаете, ну, в тот момент, когда со мной всё это происходило, я ну как-то, ну наверное страха не было, хотелось дальше бороться, хотелось чтобы это быстрее всё закончилось. Потом, когда я конечно уехала, спустя… ну сразу, как-то знаете было, ну, когда пересекла границу, скажем так, поспокойней стала, но постоянно оборачивалась по сторонам, когда видишь полицию, там какие-то [бусы 5:10]. Ну как-то знаете, такое ощущение, что тебя щас схватят и ты смотришь по сторонам, просто всё время головой воротишь, ну, как-то на стрёме, если можно так сказать, вот. Ну, как-то ты, ну, такое вот какое-то ощущение было, что тебе постоянно куда-то надо бежать, от кого-то там прятаться, ну, то есть не было, всё время на нервах. А так, ну буквально недавно вот, ну как-то стала осознавать, что я далеко от дома, ну как далеко, в плане далеко, что я не могу туда вернуться, ну и стало как-то тоскливо что ли. Вот и всё.

I: А что было сложнее всего покидая страну?

Т9: Сложнее всего, ну, наверное осознание того, что я туда не вернусь в ближайшее время. Ну или точнее, осознание того, что я не знаю, когда я вернусь, насколько я еду, да, вот это мне, ну, тяжело было.

I: Рассматриваете ли вы возможность вернутся обратно в Беларусь? Что для этого должно произойти?

Т9: Ну, поменяться полностью всё. Я имею в виду, Лукашенко должен уйти, полностью власть поменяться, ну, смена режима. Ну, что Лукашенко уйдёт, то я прекрасно понимаю, там, ну, его представители если останутся, ну, всё равно же на меня [есть ещё/вешают 6:47] это дело, ну как мне вернуться.

I: А как бы вы своими словами описали ситуацию в стране после президентских выборов?

Т9: Ну я бы сказала так… так, что Беларусь это уже другая страна, белорусы уже не те. (Это было 7:08) там год назад, это очень всё изменилось, просто. Ну так, как я очень много лет участвую в политической жизни страны, ну я такого, если честно, никогда не видела, не ожидала. Они могут быть солидарными, что они могут выходить на улицу, что вообще у них какой-то может проявиться интерес к политике. Особенно, когда у нас это было, знаете, даже проходили выборы, ну, люди не знали, парламентские это или местные, то есть, ну неинтересно было, люди абсолютно политически безграмотны в Беларуси, ну вот до 2020-ого года, вот, и абсолютно незаинтересованные. 2020-ый год это реально такая вот, ну, революция я бы сказала, по крайней мере для осознания людей и осознания белорусов.

I: А как вы бы объяснили такую мобилизацию у людей? Такую вспышку протестов в Белоруссии?

Т9: Ну то, что это на нас давили 26 лети когда тебе уже настолько очевидно врут в лицо, то, ну как бы, это как просто взорваться пороховой бочке, но когда-то терпение заканчивается у людей.

I: А как выглядела ваша жизнь в Белоруссии до выезда? Имели ли вы работу, устраивала ли вас ваше финансовое положение?

Т9: Ну, у меня было всё как бы хорошо, я занималась научной деятельностью, работала заместителем директора по научной работе, вот, писала диссертацию, хотела стать кандидатом технический наук, вот. Ну, как-то вот жила и жила, занималась общественной политической деятельностью, занималась проблемами экологии в своём городе, участвовала в абсолютно во всех политических кампаниях. То есть, ну, у меня бурна всё равно всё это происходило.

I: Рассуждали ли вы возможность выехать за границу на заработки?

Т9: Нет, нет. Ну для меня раньше куда-то, ну, у меня были предложения уехать в одно время, когда мы сотрудничали, ну, например там, да, с другими странами, но именно, самого желания куда-то уезжать никогда не было. То есть, я и сейчас пока, знаете, меня не стали очень сильно так преследовать, я не планировала никуда уезжать. Ну просто у меня было, или я уезжаю и помогаю отсюда, либо, как бы, я сажусь в тюрьму и помогают мне с передачами, там и письмами и так далее. Ну, то есть, я это прекрасно понимала.

I: Были ли у вас какие-то другие альтернативы в результате которых вам не пришлось бы оставить страну, как вы думаете?

Т9: Нет, не было, это на сто процентов – нет.

I: Какие по вашему мнению являются основные проблемы в Белоруссии сейчас например?

Т9: Ну, проблема одна – это режим. Знаете, это… Ну вот знаете – режим и вот это, ну вот косность вообще наших властей, ну и самих людей, потому что всё равно вот это мне кажется ещё советское мышление - оно в принципе преобладает. Ещё как-то молодёжь более-менее так легко мыслит, а люди, которые постарше, ну, да, я согласна, что они после 2020-ого года 9-ого там августа более-менее начали что-то понимать, но, всё равно вот, этот менталитет, он остался.

I: А как вы оцениваете результаты президентских выборов?

Т9: Ну, выборы были сфальсифицированы, это очевидно в принципе. Это как у нас происходит на протяжение лет двадцати, когда у нас, ну, просто, ну неважно, как люди голосуют, у нас главное там - как считают, это как говорила Ермошина ещё, председатель центральной избирательной комиссии. У нас всё это, ну, просто на лжи строится.

I: А как вы относитесь к политике Лукашенки в целом?

Т9: Отрицательно конечно. Я никогда не была сторонницей Лукашенки, ну с учётом того, что я говорила, что я очень много лет состою в оппозиционной деятельности, поэтому, конечно, я выступаю против.

I: Думаете ли вы, что в Белоруссии может есть какие-то социальные, экономические проблемы?

Т9: Нет, ну конечно, нет, конечно, и социальные, и экономические, у нас не соблюдаются права человека, у нас, ну полный дефолт, у нас вообще просто, он и правовой дефолт, и экономический дефолт, у нас разрушено просто всё, наше производство на последнем издыхание, на многих заводах работает техника, которой уже там порядка 50-и там тире 70-и лет. Поэтому, конечно, у нас проблем очень много, это и ЖКХ, и нет самоуправления, то есть, ну тут какую сферу не возьми, везде провал.

I: Помогли ли вам какие-то организации или, не знаю, какие-то другие, скажем так, люди приехать в Литву?

Т9: Ну да, конечно. Не ну, я узнала как, потому что я же говорю, я доверенное лицо, во-вторых, я много лет в политике конечно, много что знаю, вот. Ну, мне помогал конечно в первую очередь фонд «Страна для жизни» в котором я, ну, на сегодняшний момент работаю. Там «Дапамога», когда я переехала меня вот поселили, ну. Две недели на карантине у них находилась.

I: А какие причины повлияли на ваше решение переехать в Литву, а не в Польшу например или другую страну?

Т9: Ну во-первых, морально легче, потому что ближе, а во-вторых, у меня здесь подруга и я думала, что, ну, если у меня что-то не получится какое-то время, я смогу пожить у неё. Слава богу, этого не случилось, но это как-то морально было проще сделать. И плюс ко всему в Вильнюсе я была, ну прям я не знаю, сколько десятки, там чуть ли наверное ни сотню раз и, ну в принципе, более-менее знаешь когда город, ну, как-то, почему бы и нет?

I: Обобщая ранее сказанное, какие причины вынудили вас оставить страну?

Т9: Преследования. Вынужденные причины, просто я же говорю, что, ну, у меня вариант то либо сесть и как бы чтобы мне помогали, либо уехать и самой помогать другим, кто щас в Беларуси.

I: Хотите ли вы ещё добавить к ранее сказанному?

T9: Да наверное нет, всё сказала.

I: И к концу я хотела вас спросить о некоторых формальностей, которые нуждаются для этики исследования. Я хочу спросить, если вы могли поделиться какой ваш возраст и образование?

T9: 34 и высшее образование.

Informantė Nr. 10

I: Как давно ты прибыла в Литву, как у тебя здесь дела?

T10: Ну, я живу только тут недавно. Буквально в начале февраля я приехала сюда. Ну, вообще в принципе у меня... Я не знаю, насколько тебе будет полезна именно моя история, потому что у меня всё достаточно очень так лайтово проходит. В принципе нормально, единственное, были сложности с поиском квартиры.

I: Расскажи, пожалуйста, с какими трудностями ты столкнулась?

T10: Ну вот один из минусов это был этот карантин. То, что обязательно надо было сидеть, хотя мы сдавали тест по приезду, ну как, перед тем как приехать.

I: Очень такой неприятный тест

T10: Да. Ну и плюс у нас там было в Беларуси место, там, где сдают тест не только те... Я вот думала, что будет типа разграничено те, кто больные или кто подозревает, что болеет и те, кто чисто вот на выезд будут. Но нет, это всё вместе было и как бы не очень комфортно, потому что было много людей. И нам говорили, которые с положительным тестом, ну, не очень хорошо. Ну и вот две недели сидели тут на карантине. В поиске проблем было квартиры. Ну пока что как такового у нас таких больших проблем нет, мы нашли квартиру, заключили договор. Очень здорово, что многие люди говорят на русском языке.

I: Да, есть много людей, которые говорят на русском. Ну я, знаешь, я говорю так как-то.

T10: Да, вот да, это очень хорошо, что разговаривают на русском многие. Если не русский, то английский. На самом деле вот ничего удивительного. Ещё проблемы как с жильём — это дорогое жильё. Дорогое... Насчёт коммунальных услуг я ещё не могу ничего сказать, потому что нам хозяйка сказала, что мы будем их оплачивать только в конце месяца, как мы проживём. Что ещё? Ну в плане, наверное, больше всего ну цены дороже идёт.

I: Прибыла ли ты в Литву одна или с семьёй?

T10: Нет, мы все вместе ехали, вместе семьёй всей, сразу. Ну, мы думали тоже там по отдельности ехать, но потом решили, что лучше все вместе.

I: И каким путём вы прибыли в Литву? Как ты узнала о процессе миграции в Литву?

T10: Ну в этом всё... Ну, как... У нас в Беларуси много, кто планирует уезжать, ну разные варианты. У меня тут подружка моя, она в Вильнюсе очень долго училась, жила и потом она вернулась обратно в Беларусь, и вот она мне опять же много чего рассказывала. Плюс, ну вот визы делали быстро очень. Знаю, что некоторые ребята уезжали в Вильнюс без виз, и их пускали и потом там уже решали этот вопрос с визами. Знаю, что помогало им государство. Ну вот в Вильнюсе именно. Людям, которым нужна была помощь эта, всем помогали, предоставляли жильё, продукты помогали доставлять. Вот я тебе сильно не помогу, потому что у меня всё очень всё хорошо так проходит.

I: Всё хорошо. Мне интересно твоё мнение.

T10: Вот просто есть люди, которые реально очень так тяжело всё это проходили, и им здесь очень сильно помогали. С той же... помощь в поиске работы, какие-то языковые курсы. Вот, есть такое, да.

I: Какие были причины вашего выбора страны эмиграции? Почему вы решили мигрировать в Литву, а не в Россию, Украину?

T10: Ну, Литва — она самая близкая к Минску. Ну и из других стран, из тех, которые мне больше нравилось и мой приоритет был именно в Литву больше. У нас было несколько стран на выбор, но я не хотела в них?

I: Как тебе здесь?

T10: Ну, пока что она нравится, наверное. Я пока что только гуляю тут по Старому городу. Ходила пешком... А, на автобусе ездила.

I: Считаешь ли ты, что Литва тебе близка из-за нашего исторического прошлого?

T10: Кстати, я совсем недавно узнала, что, оказывается, что Вильнюс — это был белорусский город. Я не знала об этом. Но там когда-то решили, что отдадим мы Литве, и всё. Ну да, мне кажется, немного есть схожесть архитектуры. Также разные такие... Ну, мне нравится очень красивый Старый город. Вот мы там гуляем. Я люблю там погулять. Мы тут рядышком живём сейчас. Я люблю там погулять, очень красиво. Ну, может быть, да. Но я не могу сказать, потому что ещё так тесно и долго не живу, но тем не менее люди, с которыми я тут

сталкивалась, они такие приветливые. Да? Те же кассиры в магазине. Я даже с одной тётенькой подружилась. Она такая милая и ну... Вежливые все. Мне нравится.

I: Планировала ли ты выезд за границу до президентских выборов в Беларуси?

T10: Нет.

I: Какой была твоя жизнь до отъезда? Как она выглядела до протестов в Беларуси и как она изменилась?

T10: Знаешь, я бы сказала, что у всех белорусов она поделилась на до и после. Да. Вот, ну относительно, когда именно всё это случилось, ты вот жил, жил и всё хорошо у тебя, занимался чем-то, были какие-то интересы, а потом, когда это случилось, когда произошёл этот весь ужас, ну вот просто на эмоциональном плане это было очень-очень сильно тяжело. Ну апатия разная, вообще ничего не хотелось, люди, с которыми мы общались, некоторые, которые пострадали очень сильно. Ну очень всё тяжело это воспринимается и... Я всегда, когда задеваю эту тему, мне всегда хочется плакать. Но я всегда стараюсь уже не плакать.

I: Всё хорошо. Если ты хочешь, можешь плакать.

T10: Ну сейчас уже более-менее нормально, но всё равно. У нас, там, где я жила, до сих пор... Ну, мой район, там, где я жила, его очень сильно репрессируют, очень сильно. Моих соседей каждый день забирают, вот просто так. Там, не знаю, слово где-нибудь, комментарий какой-нибудь в соцсетях, их забирают и увозят в неизвестном направлении. Очень людей много страдает, очень сильно давят. Знаешь, есть люди, которых это коснулось, а некоторые люди типа как ничего не происходит. И им нормально. Ну вот в моём окружении всем это ненормально и всем очень тяжело. Штрафы давали всем, в тюрьму садили за то, что у тебя есть флаг. Тебя могли на несколько суток посадить в тюрьму. Получается, не за что.

I: Что было самым сложным в отъезде?

T10: Наверное, расставаться с людьми, с которыми вот как раз таки эта ситуация, она очень всех сплотила. Но и также она подорвала очень сильно доверие людей друг к другу. Потому что сейчас люди не могут доверить там (Ties šita vieta ryšio trikdžiai 15:51). Сначала проверяют этого человека, спрашивают, кто его знает, не знает, что он за человек, где работает и только тогда могут ему сказать какую-нибудь информацию. А так люди не разговаривают с незнакомыми людьми. Так что очень так тяжело было расставаться именно с друзьями. Там у нас много друзей осталось и родня осталась, родственники все.

I: А планируют ли они, тоже уехать??

T10: Да. Ну постепенно кто-то уже из моей компании, которая была, уже кто-то давно уехал и живёт в том же Вильнюсе, в Клайпеде живут. Очень много в Клайпеду уехало ребят. Кто-то там в Польшу вроде уезжает. Некоторые ещё держатся, живут там и пытаются как-то бороться. У некоторых просто нет возможности. Они боятся, что когда они приедут в другую страну, в тот же Вильнюс, они не смогут получить никакой помощи. Потому что некоторые считают, если ты работаешь в какой-нибудь сфере IT или у тебя хорошее знание иностранных языков, то ты, в принципе, как-то получится найти работу и всё будет хорошо. Или есть какая-то помощь финансовая, какая-то база изначально. А так многие остаются только из-за того, что они боятся уехать и жить непонятно где и с семьёй особенно если.

I: Да, я знаю, что белорусы в Литве, в Вильнюсе очень помогают друг другу с квартирами и с работами.

T10: Да.

I: Участвовала ли ты в протестах после президентских выборов в Беларуси?

T10: Да. У нас очень много людей выходило на вот эти все протесты. На все мирные протесты. Но никто никогда не выходил с агрессией. Все только мирно. Девочки выходили в белой одежде, с цветами. Всё было мирно, все люди были добры и верили, что таким образом можно как-то повлиять на вот эту, в общем, ситуацию.

I: Может, можешь поделиться своим опытом, как тебе эти протесты?

T10: Эта вся атмосфера, это очень волнительно, когда много людей, все вместе идут, у всех одна цель, это очень сплочает и люди... Такое чувство уверенности, что всё получится. Но каждый этот протест, когда ты возвращаешься домой, ты боишься, что тебя сейчас заберут, увезут в непонятном направлении, неизвестно, что с тобой будет. Поэтому часто люди уходили большими такими группами или оставляли транспорт недалеко от места, где это всё проходило. Хотя и это не спасало, там и с машин доставали и с магазинов доставали людей и избивали их просто. Это тоже... Когда ты идёшь, собираешься это и много людей, они особо ничего не делают, но и такое чувство было... Я не могу передать это словами, это чувство — это восторг, это надежда. А потом это слёзы, разбитое сердце, потому что много людей страда…

(Nutrūko įrašas)

I: Как я понимаю, твои друзья и семья тоже участвовала в протестах?

T10: Да. Мне кажется, ну пару человек только, которые есть, которые это всё не поддерживают. Многие очень боятся выходить, потому что боятся быть пойманными и боятся, что покалечат их, потому что очень сильно издеваются. И боятся потерять родных. Очень так нехорошо.

I: Сталкивалась ли ты с агрессией со стороны властей?

T10: Да. Они к нам неоднократно приходили домой, пытались попасть домой. Но, естественно, никто их не пустил, потому что непонятно, зачем они пришли, плюс, что они хотят. Ну, было непонятно. У некоторых людей просто выламывали дверь и забирали. В моём случае было просто... Ну, просто штраф, и всё. Мою знакомую девочку забирали, ну вот тоже недавно её забрали на неск... во дворе. Брали, угрожали пистолетом другим соседям. Её забрали на несколько дней, посадили в тюрьму, потом её выпустили, дали тоже большие штрафы. Очень всё на запугивание идёт, очень людей запугивают. Как могут, так угрожают и на заявления людей, которые... Ну даже судьи в моём случае они нечестно судят, и люди, которые в форме, они дают показания, но они дают ложные показания, лишь бы людей посадили, оштрафовали. Ну я уже как-то... Я, когда приехала сюда и я просто вечером гуляла, и рядом ехал медленно... Было как раз скользко, и рядом ехал бус, машина бус серебристая с затонированными окнами, и я испугалась. А потом я вспомнила, что я в другой стране и что я в безопасности. Ну сейчас я уже привыкла, и всё хорошо, а так вот люди, которые ездили в этих бусах, они хватали просто прохожих и увозили.

I: Участвовала ли ты в протестах перед президентскими выборами в стране?

T10: Нет. Никто не участвовал, ну в моём окружении, потому что верили, что выборы пройдут честно. Они действительно верили, что не может быть такого, что настолько человек неадекватный, что пойдёт на всё на это, потому что люди верили и они голосовали. На нашем районе у нас огласили все верно результаты голосования по участкам. И на нашем районе получилось, 80% было за Тихановскую и... На одном участке 80 с чем-то даже, а на другом 90 тоже там с чем-то, я уже не помню. Другие за других или за Лукашенко были. И вот когда это всё огласили, и все были радостные, все ждали, что неужели произойдёт чудо, и на самом деле Тихановская победит, и всё будет хорошо, но... И все относительно, ну вот на нашем участке, на нашем районе люди пошли спать, спокойно. На некоторых, кто ждал результатов, долго ждал, там люди, которые считали эти голоса, они убегали через окна, с охраной. И вот люди те, которые не дождались честного результата, они уже вышли на эти протесты. И они пошли и... Ну вот просто никто их не организовывал, они просто так, интуитивно это всё получилось, что люди сами решили так выйти, и там на них с оружием.

I: Ты сказала, что раньше ты не была в этих протестах, но что привело к действию прямо сейчас?

T10: Потому что это ну... Во-первых, это всё несправедливость, которая началась ещё до выборов. Но всё же была надежда на то, что пройдут выборы, и действительно что-то поменяется, и услышат голос людей, и что-то поменяется. Но не поменялось, и тогда все стали выходить. Это было таким одним из триггеров. Но тогда, девятого числа было очень страшно выходить, потому что тогда на три дня отключили интернет, но люди всё равно выходили. Все выходили и там кое-как через VPN, они читали новости и смотрели, делились информацией. Ну вот, наверное, после того много людей стало выходить на воскресные марши. Одним из триггеров это было таким. Наверное, вот эта несправедливость, этот нечестный подсчёт голосов.

I: Представим, что ты разговариваешь с другом из другой страны, и он ничего не понимает о ситуации в Беларуси. Как бы ты своими словами описала ситуацию в Беларуси после президентских выборов в начале августа прошлого года?

T10: Это очень сложно. Ну не описать словами. Это ужасно, это пытки были над людьми, ну и есть даже до сих пор, но тогда, наверное, были наиболее жёсткие пытки над людьми. Этот геноцид какой-то.

I: Всё, что приходит в голову.

T10: Люди не понимали, что другие люди могут быть настолько жестокими и неадекватными, как они могут так поступать и издеваться над другими людьми. Это было ужасно страшно, это куча, море просто слёз. Это нервы, это переживания за совершенно незнакомых людей. Относительно, наверное, безнадёжность такая и пустота. Особенно когда выезжали танки, показывали вот эту всю технику. Очень было страшно осознавать, что вот это обычная техника, это всё оружие направлено на просто мирных людей, безоружных, которые никак не могут там... Как сказать, обидеть? Ну, обидеть — это не то слово. Навредить. Навредить сотрудникам этих органов различных, хотя они все были в шлемах, в масках, бронежилетах, с оружием. И вот такие полностью вооружённые люди выходили против просто людей без ничего, ну это было страшно. Знаешь, иногда люди, которые боятся и... Ну, они просто боятся и, ну, идут вроде. А есть люди, у которых психика так начинает защищаться вот от этой всей ситуации, что они или не совсем начинают адекватно это всё воспринимать или начинают геройствовать и... Многие люди пытались просто... Вот подходили прямо к этим людям военным. Не военные это или военные были... Я не могу сказать. Люди в форме, в общем. Они подходили и пытались с ними разговаривать, почему они так поступают, неужели они не видят, что это нечестно, как они поступают. Зачем они так делают. У них же есть же тоже семья, родные. Что думают и как чувствуют родители, которые вот так воспитали таких людей, детей. Многие становились на колени и просили, чтобы прекратили это всё. Вот эти все чувства, которые происходили тогда, невозможно описать какими-либо словами. Это, во-первых, это невероятный страх и надежда на что-то, на что мы сможем повлиять. Я помню, как мы... Когда были выстрелы, как это было очень страшно. Все боялись, что начнётся война. Хотя война с кем? У людей нет никакого оружия. Это вот просто был бы расстрел мирного населения людьми в органах. Тогда же после вот этих всех выборов, видя этот страх, многие люди и уехали.

I: Как ты сама оцениваешь нынешнюю ситуацию в Беларуси?

T10: Знаешь, Беларусь была раньше такая безопасная относительно страна, и можно было рассчитывать на справедливость. Не всегда, конечно, но можно было рассчитывать на справедливость. Сейчас это, наверное, одна из самых опасных стран для жизни. Ну, мне кажется, я думаю, что у Беларуси в нынешней ситуации нет никакого будущего. С нынешней властью и тем, как они себя ведут и поступают, всё будет... В Беларуси и так было не совсем всё хорошо в плане и экономики, сейчас это всё будет много-много хуже.

I: Что ты думаешь об экономике в Беларуси?

T10: Она уже ниже нижнего, можно так сказать. Ну это... Ну, считай, нет экономики. Она просто в кредитах, в долгах. Люди, которые остались и будут жить, и если ничего не поменяется, это, наверное, очень плачевно будет, потому что людям просто-напросто нечего будет есть.

I: Ты уже говорила это, но чем ты бы объяснила такую вспышку протестов в Беларуси?

T10: Потому что один человек у власти долгое время. Нет возможности развиваться. Там нет возможности развиваться ни бизнесу, ни там так, если ты там что-то хочешь, там надо очень всё сложно, куча разных проверок может быть непонятных зачем. И людям это всё надоело. Надоели эти цены, надоело то, что ничего, в принципе, ты не можешь сделать или сказать и остаться в безопасности. Людям просто это всё надоело. Им уже надоело молчать, надоело жить вот так.

I: В страхе?

T10: Да.

I: Что, по твоему мнению, людей не устраивает в Беларуси?

T10: Устраивает?

I: Не устраивает.

T10: А, не устраивает? Ну, Беларусь она так отстаёт очень сильно в развитии и тот же бизнес, он не может безопасно развиваться в этой стране, потому что чуть что тебя или отожмут этот бизнес, или посадят, или ещё что-нибудь. Там, наверное, получается как... Ну там есть эта диктатура, и если кому-то это что-то не понравится, что ты хочешь сделать или сказать, тебя быстренько уберут с пути. Там нет свободы слова, ты не можешь спокойно выражать любые какие-нибудь протесты в любой сфере. Если это есть, если это человек дал добро, значит, у тебя всё будет окей, нет, значит, всё. Нет свободы.

I: Почему лично тебя не устраивает ваше правительство в Беларуси?

T10: На самом деле это достаточно много причин. Это всё касается и сферы образования, и сферы медицины, и экономики, и того же, если кредитование в банках, там какие-то тоже свои условия. Они же тоже получается, дают на что-то добро, что-то нет. Знаешь, меня, когда я приехала и вот насчёт садиков узнавала и я была удивлена, что если ребёнок не попадает в государственный сад и нужно, чтобы ребёнок шёл в сад, и ты отдаёшь в частный сад, то тебе государство платит компенсацию 100 евро на посещение этого частного детского садика. У нас даже близко такого нет. Ну не попал в сад, это твои проблемы. Там нет такого, что как-то позаботиться о тебе, как о гражданине и... Ну вот одна из таких проблем то, что у нас очень большие очереди. Знаешь, многие люди нуждаются в жилье, живут с родителями, но им не помогают как-то построиться, взять какой-нибудь кредит. Это всё такое соцжильё идёт только для тех, кто служит в ар... Не в армии, а работает в милиции, вот этих всех в службах, а обычный человек не может вот просто взять там и доступно относительно начать строить жильё. И также тоже не знаю, как в Вильнюсе, есть ли такое, там приоритет получается, отдают людям военным или милиции детям. Ну вот, допустим, ребёнок со структур этих силовых и ребёнок обычный, и вот у них два имеет права попасть в этот сад, но приоритет получит тот, кто ребёнок родителей из структур.

I: У нас нет такого. У нас нет преимущества для военных.

T10: Ну да, а там всё так больше на подкуп такой идёт получается.

I: Я так полагаю что ты считаешь что у вас есть много социальных проблем?

T10: Да. <Ties šita vieta ryšio trikdžiai 27:01> много, много и относительно никто не хочет их решать. Точнее, на это закрывают глаза. Просто там вертятся какие-то, наверное, деньги и закрывают глаза, и эти деньги идут кому-то в карман. Коррупция, вот.

I: Я бы хотелабы, ещё поинтересоваться про твою жизнь до отьезда. Я как понимаю, ты не работала?

T10: Нет. Но я работ... Давно я работала, и это не очень такая... мне нравилась моя работа, относительно, те условия, в которых я работала и зарплата, которая там была, это... Ну не очень хорошо... Очень маленькая была зарплата. Потому что я после учёбы пошла дальше работать и очень маленькие зарплаты. В Беларуси в принципе у всех очень маленькие зарплаты. И пенсии очень маленькие. Вот поэтому, наверное, одна из причин, что я ушла. Потому что мне не нравилось то, что я работала много, там по две… могла. Я в принципе выбирала себе график, чтобы по 8 рабочих часов было, но это всё равно была тяжёлая работа и она не стоила вот этих денег.

I: Столкнулась ли ты с тем что в твоём окружению, кто-то испытал давление с работы из-за их политического мнения?

T10: На самом деле таких случаев очень много. Люди, которые были другого мнения, их просто-напросто увольняли. Говорили там... Или не продлевали контракт, который скоро заканчивался. Вот студентов многих, я знаю, отчисляли с университета. В моём окружении... Именно чтобы в моём окружении, кого-то что это коснулось, наверное, нет, потому что они работают в той сфере, которая не касается этого. Вот, а если ты в госструктурах, то да, всё очень касается, и идеологи эти работают и промывают мозг.

I: Что именно тебя подтолкнуло на решение эмигрировать?

T10: Ну, одна из причин, то, что этот стресс очень сильно влияет на здоровье и безопасность. Это небезопасно было. Ну, у меня есть детки, и они ещё более-менее нормально относятся. Спокойно к этому относятся. Там чуть что: «Мама, иди разберись». А некоторые дети пугаются вот этих всех. Они сразу, если видят, что кто-то идёт в форме, начинают истерики. У нас подружка наша, ну они ещё там остались, но... Потому что они не могут уехать пока что. И там у ребёнка очень сильный стресс. Она, когда начинает нервничать, особенно когда видя, её может, настолько она нервничает, что её начинает тошнить. Ну вот страшно, вот просто страшно, детям страшно за то, что их родителей заберут и неизвестно что с ними будет. Ну и вот, наверное, одна из причин большинства людей, которые уезжают — это небезопасно и страх детей. Что дети очень сильно боятся. Как-то, наверное, меньше потреблять и тратить денег в Беларуси, чтобы именно был какой-то экономический провал ещё больше, чтобы заканчивались деньги у властей, чтобы они не могли дальше давить на людей.

I: Как ты думаешь, была ли у тебя альтернатива тому, чтобы не уезжать из Беларуси?

T10: Я вообще не хотела уезжать, но вот чисто из-за того, что небезопасно, настолько небезопасно. Наверное, была бы альтернатива, если бы выборы прошли бы нормально. Все остались бы и было бы всё спокойно. И не было бы столько смертей и людей, которые сидят, и издеваются над ними. Ну просто, понимаешь, ты можешь выйти в магазин, и не прийти домой. Потому что тебя просто заберут. И вот на моём районе они постоянно дежурят, ездят на машине, если там собралось пять человек, они тут как тут и могут сразу же забрать. Или ты просто вышел с собакой погулять, тебя могли забрать. Вот мужчинам вообще небезопасно было куда-либо выходить. Потому что чуть что, тебя заберут сразу же.

I: У меня здесь есть несколько таких политических вопросов. Считаешь ли ты, что Беларуси нужна более тесная интеграция и сотрудничество с западными странами? Евросоюзом и так далее.

T10: Мне кажется, определённая какая-нибудь поддержка, санкции и давление — вот именно сейчас оно очень нужно. Нужно, чтобы как-то повлиять на вот эту всю ситуацию. Ну вот просто необходимо... Я не знаю, конечно, как это всё можно сделать, но очень нужно, чтобы внешне как-то помогли белорусам справиться с этой ситуацией.

I: Как ты думаешь, другие страны могли бы помочь?

T10: Вот этого я не знаю. Ну, я без понятия, как это можно сделать. Ну, кроме как, санкции на всё вводить. Мне кажется, самое главное, вот это много и как можно жёстче этих санкций вводить, чтобы они не могли что-то делать. Или, видя, насколько Европа помогает белорусам и, поддерживая её, они понимали это и сами, как сказать, переходили на сторону добра и как-то тоже помогали взаимодействовать.

I: Как ты думаешь, нужна ли Беларуси такая глубокая интеграция с Россией?Почему?

T10: Нет. Я против. Категорически против. Мне не нравится, что происходит в России. Мне не нравится, как там люди живут. В России, наверное, так же ужасно, как и в Беларуси. Но просто там и за счёт того, что она настолько большая, люди не могут как-то организоваться, наверное. Ну точно... Пусть будет какие-то экономические сотрудничества с Россией, поставлять им какие-то продукты, они в Беларусь какие-то продукты. Я не знаю, как это сказать правильно. Но именно, чтобы совсем объединяться с Россией, точно нет. Беларусь — это Беларусь.

I: Так ты думаешь, что Беларуси нужно такая независимость с Россией?

T10: Да. Да, определённо.

I: И экономически...

T10: Да.

I: Был такой вопрос о санкциях. Это были все вопросы, которые я хотела тебя спросить. Может, хочешь... Хочешь ли ты ещё добавить к уже сказанному что-нибудь?

T10: Я могу рассказать только тебе, как давят на моих друзей, соседей. Как на глазах ребёнка задерживают его отца, угрожая оружием, и это всё происходит в закрытом дворе обычного спального района. У нас тут на днях просто пришли и забрали соседа. Вот просто пришли и... Выломали дверь и забрали его. Ну вот людям дают очень большие штрафы. Ну вот ни за что. Девочкам, женщинам дают штрафы, если на них это всё заводится. А мужчин в основном садят в тюрьму и там издеваются уже. И относительно сейчас чуть-чуть отстранилась от этой всей информации, чтобы как-то восстановиться эмоционально, потому что читаешь любую новость и плачешь. Потому что... Ну что они творят и как бы издеваются над людьми, и насколько это абсурдно, это сюр какой-то. Страшно. У нас соседи знакомые просто убегали тоже в Вильнюс, в Литву, потому что на них их же сосед написал какое-то заявление, а сосед он типа из структур. И им грозило просто уголовное дело не за что.

За то, что он просто там написал что-то в чате, общем. И на него... И вот с детьми им надо было убегать, чтобы не сесть в тюрьму на несколько лет. И много таких историй разных, когда люди вот просто убегают только потому, что они... У них есть семья и они не хотят попасть в тюрьму из-за того, что кому-то что-то там не понравилось, и сесть на несколько лет. Выйдя из тюрьмы, непонятно в каком состоянии их здоровье будет, потому что там издеваются и делают инвалидов людей.

I: Да, я думаю, что это очень важно, знаешь, отдохнуть от всех этих новостей и отстраниться. Так у нас безопасно, всё хорошо. Спасибо тебе большое, что ты так откровенно поделилась своим опытом и своими мыслями. Это очень важно для меня, и спасибо тебе большое за это.

T10: Тебе спасибо. Знаешь, как у нас многие говорят, надо делиться этой всей информацией с другими людьми, чтобы другие люди в Европе или там где-нибудь ещё узнавали об этой всей ситуации и как можно больше, чтобы людей знало и, возможно, что больше людей будет знать, и больше влияния какого-то будет на эту всю ситуацию.

Informantas Nr. 11

I: Как давно вы переехали в Литву?

T11: В Литву я прибыл в субботу утро на самолёте из Украины, из Киева.

I: Столкнулись ли вы с какими-то трудностями получая визу? Как вы добрались до Украины, что вы там делали?

T11: Ну, в Украину я добрался из Беларуси, из Минска тоже на самолёте, потому что другого варианта не было, это был самый безопасный путь, вот. Прилетел я в Украину 7-ого февраля, пробыл, получается, чуть больше двух месяцев в Украине ожидая ответ на визу в начале, ну, потом ожидая саму визу. Ну, саму визу я ждал недолго, мне её сделали в течение несколько дней. Но сам срок ожидания занял довольно много времени.

I: А как с визой в Литву? Были какие-то трудности, чтобы получить её?

T11: Ну самих трудностей как таковых не было, были трудности только вот в самом ожидании. Так как в это время, насколько я знаю, были в [мире 1:18] какие-то проблемы связанные с карантином, Ковид-19. Вот это всё как-раз затянуло всё это ожидание, поэтому пришлось подождать.

I: Приехали ли вы в Литву один или с семьёй?

T11: Один приехал, так как из всей семьи один я попал под репрессии Беларуси, что вот меня вынудило уехать.

I: Имеете ли вы знакомых, которые помогли вам обосноваться в Литве?

T11: Ну, в первую очередь, у меня тут живёт родственник в Литве, который мне помог с жильём, временно. Вот, встретил он меня в аэропорту, показал сам город, ну и сейчас я нахожусь у него на данный момент.

I: Является ли ваши знакомые, которые живут здесь, одна из причин, почему вы решили приехать в Литву?

T11: Да, это было главной причиной, так как всё-таки гораздо удобнее и легче найти себе новую жизнь, если так можно сказать, в стране, где есть знакомые, родные люди.

I: Может ещё есть каких-то причин, которые повлияли на ваше решение приехать в Литву, а не, например, остаться в Украине?

T11: Ну, как бы на этот вопрос ответить, в Литве у меня всё-таки есть как… не то, чтобы (*статус) беженца, а как человека пострадавшего от репрессий в Беларуси, есть возможность устроится на работу и продолжить дальнейшую жизнь. Ну, что гораздо сложнее будет… было бы в Украине. То есть, Украина для меня была как местом, через которое я мог бы попасть в Литву.

I: Так, можно сказать, что из-за работы, из-за, так сказать, возможностей, может больше возможностей в Литве чем в Украине?

T11: Да, в какой-то степени так, и в Литве гораздо безопаснее для граждан Беларуси чем в Украине. Так как в Украину в принципе могут запросто попасть спецслужбы, которые ведут охоту за политическими беженцами и для них вот гораздо сложнее будет всё это провернуть в Литве, ну и в других странах Евросоюза.

I: Какой была ваша жизнь до отъезда? Как она выглядела и как она изменилась?

T11: Ну, моя жизнь не отличалась ничем от жизни обычного гражданина Беларуси. У меня была работа, у меня была семья, у меня были увлечения, друзья, всё осталось там. Ну, жизнь поделилась на до и после во время президентских выборов. Вот, и все эти события в дальнейшем уже не дали спокойной жизни Беларуси. Это вот повлияло на мой уезд из страны.

I: Устраивала ли вас ваша финансовое положение, когда вы ещё жили в Белоруссии?

T11: Нет, не устраивала, всегда хотелось чего-то лучшего, большего. Но таких возможностей в Беларуси не было, это было крайне сложно.

I: Рассуждали ли вы возможность уехать за границу на заработки?

T11: В данный момент или до переезда?

I: До выезда.

T11: До переезда – нет, не планировал ничего такого.

I: Какие по вашему мнению являются основные проблемы в Белоруссии?

T11: Сейчас основные проблемы в Белоруссии, как и на протяжение многих лет, это отсутствие хорошей материальной базы у страны, тотальная коррупция, [угнетение 5:46] населения, разрушение экономики и отсутствие свободы слова как самое главное, отсутствие свобод в общем.

I: Как бы вы своими словами описали ситуацию в стране после президентских выборов?

T11: Ну, как бы я описал, я бы это назвал моментом пробуждения нации, когда люди поняли, чего они стоят и что стоит жить и бороться. Многие потеряли своё будущее, своё место, здоровье, некоторые потеряли жизнь и поняли что всё-таки стоит за это бороться, что всё это стоит того.

I: А как бы вы объяснили такую мобилизацию людей и, ну как бы вы объяснили такую вспышку протестов?

T11: Ну, за всю страну мне сложно будет сказать, но, так как я сам из небольшого города, я заметил это всё-таки побудило несколько факторов. Это вот, очередное тотальное враньё со стороны, я так скажу, бывшего правительства, бывшего президента и реакции людей, которые уже давно с таким не сталкивались. Люди поняли, что их обманули и были очень сильно этим возмущены. Сначала это были небольшие группы людей, а потом к этому подключалось всё больше и больше количество людей. Все прекрасно всё понимали и никого это не устраивало. Абсолютное большинство было против, против того, что начало творится: против фальсификаций, против лжи и против насилия в дальнейшем.

I: А как вы оцениваете результаты президентских выборов?

T11: Я их оцениваю также как и считает большинство населения страны, то что результаты как обычно были сфальсифицированы, свершился обман, захват власти с целью… посредством сговора. То есть, это было серьёзное преступление за которое виновные должны понести наказание. И это должно расследоваться на всех уровнях и самых высших в том числе.

I: А как вы относитесь к политике Лукашенки в целом?

T11: В целом – отрицательно. Его политика всегда вела страну в пропасть. На данный момент, она и страну ведёт в пропасть и его самого тоже.

I: Является ли не довольствие нынешней политикой Лукашенки поводом для вашего решения оставить страну?

T11: Скорее нет. Моим решением оставить страну было опасность находится в стране, опасность уголовного преследования возможного и опасность репрессий, которые начинались и продолжали только усугубляться.

I: Принимали ли вы участие в митингах или в другого рода политической деятельности?

T11: Да, принимал и принимал постоянно.

I: Можете рассказать поподробнее?

T11: По подробнее. Началось всё 9-ого августа после президентской кампании, когда люди вышли узнать результаты голосования, которые должны были быть объявлены в 8 часов вечера. Но, они не были объявлены и собралась довольно большая группа людей у избирательных участков, чтобы узнать результаты. Члены избирательной комиссии начали тайными путями бежать с участков, чтобы не нарваться на недовольство населения и вот это вот вылилось в первый митинг. В это время по всей стране был отключен интернет, специально, чтобы люди не узнали, что происходит в стране. Ну, в дальнейшем уже было понятно, что всё было… всё было по всей стране одинаково, везде один и тот же сценарий. На следующий день это всё повторилось, но уже ближе к вечеру, что вылилось в столкновение с силовыми структурами, потом началось ситуация усугубляться, началось силовое воздействие на людей, начались избиения, задержания. И это продолжалось всё до… до 13-ого августа, когда, после массовых избиений людей, после массовых протестов, начали выстаиваться цепи солидарности. Ну, в которых принимали участие в основном женщины, ну, по понятным причинам, так как их меньше трогали чем мужчин, мужчин сразу задерживали и избивали. И после этого по всей стране был объявлен самый массовый митинг, 16-ого августа, в котором, в моём городе, в котором живёт 14 тысяч человек, приняло участие 3 тысячи человек. И вот в это время у нас в городе было объявлено решение создать совет народного доверия из представителей разных профессий и разных организаций для того, чтобы в дальнейшем вести диалог с властями и в эту организацию я вступил в том числе. После этого каждый вечер каждого дня создавались цепи солидарности во всех городах, в том числе и в моём, в котором я участвовал постоянно, а каждое воскресенье были марши […тысячные 11:57].

I: Как вы себя чувствуете, чувствовали тогда из-за всей этой ситуации?

Т11: Тогда эта ситуация вся, конечно, очень сильно подавляла и все надеялись на скорейшее разрешение ситуации, на победу, на торжество правды и во время маршей и во время этих мероприятий создавалось такое ощущение, что победа близка, что мы скоро победим и что наконец-то всё закончится.

I: Вы сказали, что вы присоединились, так сказать, к организации. Можете ли вы рассказать по подробнее?

Т11: Ну, в эту организацию входили люди из разных слоёв общества, из разных предприятий, ну, от каждого по одному человеку. И мы вместе собирались и рассуждали каким образом наладить диалог с властями, как посодействовать нашему дальнейшему общему делу, как помочь арестованным, как организовать дальнейшие мероприятия, ну и всё в этом духе. Саму организацию мы не регистрировали, что очень было правильно на самом деле, потому что в дальнейшем на представителей подобных организаций начали заводить сразу же уголовные дела.

I: Когда вы начали участвовать в политических инициативах? Перед президентскими выборами может когда-то или, когда, знаете, начались все события в Белоруссии и тогда только присоединились к организации и тогда начали выходить на протесты?

Т11: Ну, изначально до президентских выборов были также различного рода политические мероприятия, я в них активно не участвовал, но приходилось иногда присутствовать. Но, активно начал участвовать именно после президентских выборов.

I: Являлось ли давления со стороны властей, поводом для вашего отъезда?

Т11: Да, это было главным поводом, главным фактором, который вынудил меня покинуть Беларусь.

I: Были ли вы задержаны?

Т11: Да, было такое. Однажды после составления протокола меня и ещё несколько человек завезли на трое суток в изолятор временного содержания – ИВС, и продержали трое суток до суда.

I: Как вы себя чувствовал?

Т11: Ну, в целом, в целом можно сказать нормально. Но, самым таким томительным было вот это ожидание и отсутствие информации из внешнего мира.

I: Были ли вы озабочены о своей безопасности или о безопасности ваших близких людей?

Т11: Во время задержания, во время пребывания в изоляции, да?

I: Всегда, и во время задержания и во время протеста.

Т11: Да, да. Постоянно было такое ощущение тревоги, тем более, что периодически приезжали сотрудники силовых структур с проверками, с протоколами, с выяснениями. Так что я был постоянно в таком состояния стресса и ожидания чего-то худшего. Ну, к счастью, к моей семье ничего подобного не применялось, так они, они не были замечены в протестах, в отличие от меня.

I: Думает ли ваша семья тоже приехать в Литву и покинуть страну?

Т11: Нет, в данный момент – нет. Так как им сейчас ничего не угрожает, но, если вдруг что-то случится, то, я думаю, они будут рассматривать такой вариант.

I: Как вы думаете, были у вас какие-то другие альтернативы в результате которых вам не пришлось бы оставить страну?

Т11: Я думаю – нет, так как я вступил на этот путь и с него уже особо не свернёшь, так как любой гражданин, который был замечен в оппозиционных действиях, в оппозиции к власти, у него другого выбора не было, либо тюрьма, либо эмиграция.

I: А что было сложнее всего покидая страну? Что было сложнее всего оставить, может быть?

Т11: Сложнее всего было оставить всех своих близких: семью, друзей, именно самих людей. А вещи, вещи это всё-таки всё эфемерно, это своевременно.

- Собираетесь ли вы вернуться в Беларусь?

Т11: Да, собираюсь и собираюсь вернуться сразу же, как только ситуация более-менее в стране стабилизируется, когда я буду знать точно, что мне ничего не будет угрожать и не будет ничего угрожать моим близким, когда я буду точно знать, что я вернусь в свободную страну, где всё будет хорошо. Может быть даже и не очень хорошо, но зато будет всё по-другому.

I: А что по-другому? Как вы думаете?

Т11: По-другому, когда сменится власть, когда перестанет существовать вот… вот эта вот организованная преступная группировка, которая держит в терроре всю страну сейчас, всё население; когда люди буду чувствовать себя спокойнее и ощущать себя в безопасности.

I: Так обобщая ранее сказанное, какие причины вынудили вас оставить страну?

T11: Опасность за свою свободу, опасность за свою жизнь, за своё здоровье.

I: Хотите ли вы ещё что-то добавить к ранее сказанному?

T11: Да, хочу. Я находясь вне Беларуси продолжаю и буду продолжать всё, все свои действия для того, чтобы ситуация изменилась в Беларусь.

I: А почему для вас это важно?

T11: Потому что я всё-таки ощущаю себя частью этой страны, этого народа и это дорогого стоит, это уже стоило многого.

I: А что вы думаете о будущем страны?

T11: Я думаю, что в будущем её ждут довольно болезненные преобразования, но которые всё-таки приведут к лучшей жизни.

I: И к концу я хотела вас спросить о некоторой формальности, которой нуждается для этики исследования. Так я хочу спросить, если вы могли поделиться какой ваш возраст и образование?

T11: Мне 26 лет, у меня высшее образование.

Informantas Nr. 12

I: Как давно ты прибыл в Литву?

T12: Я прибыл в Литву вот 30 числа… И на самолёте прилетел из Киева.

- Расскажи пожалуйста с какими трудностями ты столкнулся?

T12: Он был долгим. До сюда я добирался несколько месяцев. В январе всё началось и вот недавно получается приехал. В январе я пытался на самолете улететь в Киев, на самолёте, но меня не пустили. Сказали, что я в какой-то базе и что нужно идти выяснять, но я не мог идти выяснять, потому что меня просто бы посадили бы и всё. И на этом бы закончилась история. В итоге я нелегально проехал в Россию. В России где-то у знакомых месяц просидел… и потом направился в Украину. В Украину я тоже проходил нелегально, то есть тайно и запрашивая беженца. Потом там помогал фонд наш - Белорусской солидарности. И… они сказали, что можно, да… Мы выясняли, как можно поехать в Европу, потому что в Украине свои сложности есть, определённые и там мы могли только по статусу беженца идти, а это там могла занять очень много времени, а в это время ты не можешь ни работать, ни учится и ты просто просиживаешься. Самое сложное было перебегать пешком с рюкзаком и сумкой через границу, по снегу там, через озеро.

I: Ты имеешь в виду в Россию?

T12: Нет, в Украину.

I: А когда ты ехал в Литву, ты воспользовался гуманитарном коридором?

T12: Я получал визу гуманитарную и просто купил билет на самолёт и полетел в Вильнюс.

I: Приехал ли ты в Литву один или с семьёй?

T12: Один.

I: Имеешь ли ты знакомых в Литве, которые помогли тебе обосноваться?

T12: Опять-таки это наши люди, которые волонтёры, которые помогают таким как я. Так вот им и только своим родственникам, которые помогали мне финансово на протяжение всего моего пути.

I: Что повлияло на твоё решение переехать в Литву, а не, допустим, остаться в Украине?

T12: Ну, Литва как-то ближе, всё-таки по… и по истории, хотя у нас, правда, пытаются её искажать. Но, всё-таки ещё не до конца, по крайней мере, которую я учил, у нас в школе.

I: Считаешь ли ты что Литва более близка Белоруссии из-за нашего исторического прошлого?

- Да, да. И люди, как по мне, не так сильно отличаются. Вот в Литве и в Беларуси. Есть конечно отличии всё-таки, но с Украиной, мне кажется, больше отличий, с украинцами. У меня получается в Украине у меня нету возможностей, потому что мне приходилось просить статус беженства, а ждать в итоге, там, 6 месяцев, это было бы хорошо, если 6 месяцев, они могли бы и больше там, если бы захотели и то, что много. И таких белорусов как я сколько угодно. И ещё другие там, какие-нибудь люди, которые бежали там, из Африки там какой-нибудь там. Я просто видел чернокожих людей, они тоже есть. Что много, что говорил нам один человек, что они загружены. Ну, ещё плюс у них бюрократия такая, что в итоге нам напакостили, что нам там штамп не поставили и там справку, что мы запрашивали беженство. Что потом, когда мы забирали паспорта у них, там в аэропорту сказали: «А у вас штампа нету». В итоге дали штраф за нелегальное пересечение границы.

I: Да, я знаю, что у нас ситуации… весь процесс с убежищем тоже очень такой длинный, тоже 6 месяцев понадобилось бы, если ты бы хотел, знаешь, убежище как такого. Но да, это чуть-чуть легче с визой.

T12: Да, с визой проще. Это у меня в Украине было сложно, потому что мне приходилось это нелегально, сюда то я приехал уже, смог приехать легально и уже боятся нечего. Всё, только пользоваться возможностями, которые даёт тебе эта страна и всегда понимать, что ты гость, что есть непривычные вещи. То есть, вчера вот с другом пошли гулять по старому городу, кстати, мой попутчик, и, то есть, у нас в стране продажа алкоголя, допустим, ну, то есть там, покупай, когда хочешь. А у вас там в воскресенье с десяти до трёх. И, просто, когда мы пришли, такие думаем: ну, под вечер там взять чего-нибудь. «С десяти до трёх», сразу не поняли, «в смысле с десяти до трёх?», щас ещё нет десяти.

I: Думаешь ли ты, что у тебя будут проблемы в Литве из-за, знаешь, русского языка, как ты думаешь?

T12: Раз я уже здесь, то нужно его учить. Вот в принципе и всё, то есть, просто со временем придёт и тем более, когда ты в языковой среде находишься, то всё намного легче. Ну, я знаю, что у вас ещё английский хорошо распространён.

I: Я бы хотелабы, ещё поинтересоваться про твою жизнь до отъезда, как выглядела твоя жизнь до отъезда из Беларуси в Литву? Имел ли ты работу? Ты учился, может?

T12: Когда были августские события, я работал. У меня была отработка после лицея. Я заканчивал лицей, [степень официально получил (8:41)], отработка год и… там, ещё получается работал во время августских событий… в нашей стране. В конце августа я уволился, потому что хотел уйти, не моё это было. 17 сентября меня задержали в двенадцать ночи, из дома забрали и посадили, по-моему, на пятнадцать суток. Потом, когда я вышел, нужно было уже просто искать работу, хоть какую-то, чтоб просто были деньги. Я устроился, по-моему, у меня был возле дома Макдональдс, я пошёл туда, по нему отправил заявку, заодно посмотреть, как он работает. Интересно, тем более, когда он реален.

I: Так, как я понимаю, ты работал и устраивал…

T12: Да, я работал, работал.

I: устраивала ли тебя твоё финансовое положение?

T12: Нет, возможностей очень мало, на самом деле. Я, когда ещё, когда уволился только с работы, начал искать её. Типы нормальных вакансий, их очень сложно найти, тем более что была бы и нормальная зарплата даже для Минской. Потому что очень много… Я попал в такую контору, где там пришлось пойти на её посмотреть, там просто, ну, обманывают людей, тупа говоря. Втюхивают всякое. Вот.

I: Думал ли ты выехать за границу на заработки, прежде?

T12: Да. Да, думал. У меня родители подняли знакомых, узнали, что есть какой-то муж у моей мамы, ой, знакомая моей мамы и у неё есть муж и он работает в Польше, в Гданьске и где-то это был октябрь, в октябре искали контакты, как можно туда поехать, тогда мы этого позволить себе не могли, потому что и карантин, и это всё дорого выходило.

I: Может ещё раньше ты планировал выезд из Беларуси из-за других причин?

T12: Нет.

I: Какие, по твоему мнению, являются основные проблемы в Белоруссии? В сферах экономики, социальной защиты или политики?

T12: Ну, начнём с того, что в главе государства стоит безграмотный человек, экономически. Потому что решения очень неоднозначные. И всё там уже просто разворовывается, то есть: предприятия, которые, допустим, там в девяностых приносили прибыль ощутимо, то сейчас все убыточные, почти все. То есть, и страна, которая живёт на кредитах, это не очень. В принципе, ещё в Минске, в Минске ещё нормально, а если брать регионы, провинции, то там всё намного хуже. Плюс, к тому же, фальсификация выборов в наглую. Репрессии и тому подобное.

I: Как бы ты своими словами описал ситуацию в стране после президентских выборов? Как бы ты объяснил такую вспышку протестов в стране?

T12: Бандиты во власти, в принципе тут, это бандиты. Просто, кто-то в форме, так это, так и есть. До людей пришло осознание всего, как их обманывают. То есть, появились достойные кандидаты, которые могли бы посоревноваться и, которые в принципе обгоняли его. По официальной статистике там подписей, то есть, их там… видео было много, где люди выстраивались за подписи за там за определённого кандидата. При этом, то есть, я и так видел новости, где стоял столик и там за определённого кандидата можно было подписать, вписаться. [А вот с Лукашенко было похуже (15:20)]. И я видел это только один раз и то это больше было похоже на представление, что набрали молодёжь, ну, под музыку они что-то там делали.

I: А как ты оцениваешь результаты президентских выборов?

T12: Они несправедливые и это всем понятно, потому что, когда люди приходили на участки и люди, чтоб обозначили себя, официально. Люди анкеты в гармошку специально складывали, чтобы обозначить, чтобы даже комиссия потом, когда будет подчитывать голоса, чтоб она видела, кто победил. А если они не напишут так, как скажут с вверху.

I: Как исход выборов повлиял на тебя?

T12: Ну хорошим это точно не назвать. Процессы ещё идут, но неизвестно, чем они закончатся, то есть что и непонятно иногда. Думаешь о плохом, но надежда, надежда она есть, всегда.

I: Что ты думаешь о будущем Беларуси?

T12: Если у Беларуси всё получится, у белорусов, то у этой страны нет никаких предпосылок быть бедной и, если будут грамотные люди у руля, то она сможет хорошо жить.

I: Как ты объяснил бы такую вспышку протестов, такую мобилизацию людей?

T12: Ну люди устали уже 26 лет человек у власти и уже многим понятно, что он там врёт постоянно. Что постоянные обещания, которые он не выполняет, что это просто уже узурпатор, который решил, что он тут царь, как батька, вот, [справедливости. И плюс, пришло какое-то национальное осознание людей.

I: Так, является ли, как сказать, недовольство нынешней политикой Лукашенко поводом для твоего решения оставить страну?

T12: Местной политике?

I: Да.

T12: Это в принципе тоже играет свою роль, но изначально я не из-за этого покинул страну.

I: Как я понимаю, ты участвовал в протестах и в митингах, может можешь…

T12: Да, участвовал.

I: Может можешь поподробнее рассказать о опыте?

T12: Да, я могу рассказать о многих, которые были. Многие акции, митинги посещал, начиная с 9 августа, до последних акций, которые были только в Минске. 9 августа, то есть, это, когда последний день выборов, пошли проголосовали с друзьями и поехали в центр. В центр, потому что все понимали, если, ну, там всё-таки сфальсифицируют эти выборы, то нужно будет показать, что мы не согласны с этим. И пусть знает весь мир. Люди стояли на участках, ждали результатов выборов. Люди специально прибыли в огромных количествах. Ну, а потом, пошли космонавты, люди со щитами, водомёты и тому подобное. И, это было жёстко. Я не попал на главное место, которое было тогда, на Стеллу, я был, получается, на улице Немига и там группа людей, с ними и участвовал. На физическую конфронтацию, конечно, мы ни с кем не шли, с этими со щитами. Пытались как-то выкрикивать: «Кому вы давали присягу?» и так далее, а в ответ только шумовые гранаты и стучат щитами. Но, а ту, в кого они запускали, подбегали, чтобы схватить и потащить. Ну, как потом оказалось, уже там кое-то время стояли, стеснили, стеснили, выкидывали светошумовые гранаты и, что даже светошумовые гранаты - это ни такое гуманное оружие, как некоторые могут подумать, потому что при мне парень услышал светошумовую гранату, он бежит, поднимает майку, у него просто осколок из груди торчит. И там сразу медики оказались, думают, что там всё было хорошо. И уже в это время появлялась у людей коммуникация, люди общались спокойно, там кто-то говорит, что в Бресте что-то происходит, там ещё где-то. И в целом, первый день он закончился, как это… как сказать, конец первого дня скорее был протестом и уже, считай там, уже закончилась там всё в ночь, там в три, в четыре часа ночи было. Там из центра ты идёшь пешком домой, если ещё ты там работаешь, то, как я, ещё с утра пошёл на работу, а потом вечером опять ты идёшь на акцию. И вот так вот до одиннадцатого числа было, после чего пошли сети солидарности и в которых тоже участвовали. Марш 16 августа, в котором участвовал просто огромнейшие количество людей и так много людей я никогда не видел.

I: Как ты себя чувствовал в митингах?

T12: Это было очень вдохновляюще, потому я не забуду, потому что, когда [проезжали (24:20)] машины 9 августа, все сигналили, ты потом приходишь домой, думаешь заснуть и у тебя просто в ушах до сих пор сигналят. Люди, которые были на машинах, то есть, если там уже начинают они там жёстко уже наступать, там давить, они всё запрыгивают к кому-то в машину и уезжают, вот такие были случаи.

I: Сталкивался ли ты с репрессиями со стороны властей?

T12: Да, да, столкнулся. Я активно выражал свою позицию в сети выкладывал там в инстаграм, агитировал людей, то есть, выходить на мирные акции и так далее, снимал эти мирные акции. И просто в один момент выложил историю такую, там, у нас есть такая блэк карта была, чёрная книга ещё, это где список, грубо говоря, людей и, которые участвовали в разгонах лиц, даже в чём-то хуже в списках. И я просто… Блэк карты - там карты, как гугл карты, только там точки и там нажимаешь на точки и там информация по сотруднику, который там проживает. Я такой решил посмотреть у себя на районе, интересно было. Смотрю: «О, кто то есть», ну, я вот такой скрин сделал и выложил у себя в истории. И потом, я уже собирался ложиться спать в 12 ночи и звонок в дверь. Звонок в дверь, там был участковый, говорил… С ним разговаривали мои родители и он сказал, что нужен я. И что бумажку там, которую он там тыкал, домофон с камерой был и он туда тыкал бумажку: «Показывать я буду там только ему, потому что он совершеннолетний», вот. Я позвонил соседу и у нас план дома такой, что между этажами ещё есть одна квартира и позвонил другу, спросил: «Есть кто за углом?», друг вот щас посмотрит и говорит, что стоят четверо. За углом стоят в масках, ни в форме. То есть, началась просто дикая паника, потому что это дико, когда ты уже ложишься спать и вдруг приезжают люди тебя забирать. В

итоге позвонили с родителями в бесплатную юридическую помощь и так далее, я писал в районный чат, о том, что забирают там и сразу: «пиши адрес», чтоб потом… люди, видимо правда не успели, но потом у меня есть видео, где меня выводят, где они приходят ко мне, заходят в подъезд и там есть, что там через какое-то время люди ходили возле забора пришли отбивать меня, как мне говорили. Мне немножко повезло, что мне с физическим насилием повезло не столкнуться. Привезли в РУВД центральное, где со мной начали беседовать, первое с чего началась фраза это: «Кого ты собирался зарезать?», а я такой: «Кого я собирался зарезать, вы о чём?». То есть, и говорили, что через шестьдесят секунд будет ОМОН, вот это меня, конечно, напугало, но понимал, что это, скорее всего, просто бред, но, зная их, они могут и не такое. Вот, и потом, я такой: «За историю инстаграма, там выложил». Мне сказали, что я там выложил, показали: «Вот это твоё?», «Ну, да» и типа скриншот этой фотографии. Начали со мной профилактическую беседу, что нужно смотреть государственное телевидение и в принципе это: «Убери агитацию». Потом на меня дали какому-то молодому сотруднику оформлять протокол и до утра я был… посадили меня в камеру до утра, где выводили меня, снимали на камеру говорили, что я там раскаиваюсь и тому подобное, и что я там сделал, что нифига я там больше участвовать в акции, но это конечно под давлением. Тебя выводят из камеры в коридор, просто, чтоб ты сказал определённые слова, которые тебе там продиктуют. Потом меня обратно завели, и на меня вставили уголовное дело. И, правда, я тогда не понимал, то есть, что там за статья, что это вообще такое, ну там не написано, просто, какая статья и там… я не понимал такой. И не понимаю, что будет, что дальше. В итоге меня начал забирать другой, там следователь, наверное, или оперативник, там уже угрозы, угрозы и физические насилия, угрозы там были, что там будут неприятности, там в окно залетит там горючая смесь и тому подобное и в принципе оскорбление личности. Суёт там какой-то протокол, то есть, мне даже не давали его читать, то есть, просто подпиши, всё. После всего этого меня оформили, когда меня оформили, меня повезли на Окрестина. Прибыли в Окрестина, где проводился обыск, естественно. И забыл упомянуть, кстати, что у меня забрали ключи от дома и мобильный телефон. Так вот, сначала меня посадили в камеру, там было пять двухярусных кроватей или четыре, нет, пять, пять и ещё кого вселили, то есть, кого тоже привезли, я так понимаю. Потом, правда, меня перевели в камеру, где была только одна двухспальня, ну, двухярусная и там, правда, уже находился человек с очень неприятным запахом, бездомный скорее всего. И, мне пришлось, так получается до следующего дня быть и это терпеть. И потом я узнал, что, потом выводили, видимо на суд, как я тогда подумал, в итоге – да, это был суд. Выводили на суд по интернету, по скайпу просто и разделили, взяли группу одну пять человек и другая группа – пять человек. В одной был я, её назвали контрольной, как я понял, это были типа политические мотивы и так далее, а бичи это всё, что остальное. В итоге нас судили, а вторую группу их просто отпустили. Вот, потом [отвезли в …. Окрестина (33:33)] после суда, как за [политическую деятельность (33:40)], мне сразу дали 15 суток, это максимально тогда было. В Окрестина я провёл трое суток, после чего меня перевели в Родинский ИВС и уже был, до конца уже свои сутки.

I: Как ты себя чувствовал тогда?

T12: Когда я вышел, хорошо.

I: а когда ты был задержан?

- Когда я был задержанный, я был подавленный. Потом, когда, знакомясь с людьми, с кем я сидел, все были по политической причине задержаны. Кому-то повезло меньше, кому-то больше, у кого-то и сотрясение дали и там вся маска там байка в крови и тому подобное. Вот, там все друг друга поддерживали и поэтому… я ещё попал на период, когда было по легче. Как-то реально было по легче, то есть не было… на пытки я не попал, слава богу. Не то, что было в августе. Ну вот, после того как я вышел, мне нужно было уже вернуть ключи от дома и телефон, я поехал в РУВД, два раза ездил: там, писал заявление. В итоге мне там как-то звонили, звонили типа: «Ну, не знаем, где он, мы, - ну типа, - наверное где-то там в следственном комитете. А, когда-нибудь там отдадут: ну, месяц, два». Ну, меня, конечно, расстроило, потому что этот телефон купил только, только летом и, в итоге там прошло там под конец ноября, да. Не помню числа точные, думал, что вспомню. Я помню, что точно меня вызвали в округ во вторник и во второй раз нас вызвали во вторник, под предлогом, что мне вернут телефон, «ну, там пара вопросов зададим и всё, там недолго». В итоге я пришёл и со мной там целая беседа, то есть, там лёгкие угрозы, «у тебя там в телефоне интересного много чего» и тому подобное, ну, то есть: «Я вижу у тебя там [мама в ... настроений (36:34)]» и тому подобное, «ну, разблокируй телефоне». В итоге прошла эта беседа и типа такой, ну: «побудь на связи, - типа там, - вернём тебе телефон». В итоге во следующий вторник я там не помню, кто позвонил, сказал, что: «Приходи забирать телефон», я такой: «Отлично!», в надежде, что всё таки уже отдадут, я пришёл, сказали: «Ну сказали, что ещё хотят его посмотреть, так что, вот я, смотри, я его там положил в конверт там всё красиво, всё хорошо. И, ну, можешь сказать там пару слов на камеру?». Я такой, ну: «Вот ни сказать мне не получится». Когда на меня вот в прошлый раз оказывали давление, то есть, и мелкие даже, незаметные угрозы, намекая.

I: В прошлый раз?, что ты имеешь в виду в прошлый раз?

T12: В прошлый день, в который я приходил, до этого. Ну, в итоге под диктовку опять: «Скажи, что за ты там залетел, раскаиваешься и бросить участвовать в акциях, в протестах». В итоге я уже там уже устраивался в Макдональдс, уже устроился, вроде. Декабрь проработал, январь и в середине января в 10 часов утра начинают стучаться, в домофон сначала звонят, потом, видимо, соседи впустили в тамбур и стучались в дверь, долго, часа два, наверное. Там по гражданке видимо следователи какие-то или, не знаю, что-то такое. И, то есть, учитывая, что не известно, чего они хотят, что обычно повестка, а тут они прям домой приходят. Вот, мы подождали, не

открывали дверь, они ушли и повторительно понимали, что, что нужно просто спасаться. Что сфабрикованное дело сделано из ничего, если я не ошибаюсь, то… так вот, 364 статья – это угроза жизни сотруднику, вот так, типа угроза. И эта там, эта приличный срок у нас даётся за это. И что у меня подтянулись родственники, которые мне помогли: тётя из Латвии купила мне билет на самолёт в Киев, вот, в аэропорте меня не пустили, обращайтесь в МВД и, просто думали, что делать дальше. Был вариант у меня поехать на хутор какой-то, у знакомых моей мамы и сидеть там, то есть, без интернета, просто без связи, сидеть просто. И то, это не вариант, могут найти в любой момент. Найдут, если захотят. И в итоге, у меня тётя нашла маршрутку, которая ехала в Москву, нелегально. Потому что у России и у Беларуси единая база и, что если россияне тебя заметят, то они тебя обратно отправят. И я нелегально на маршрутке пересёк. То есть, один ехал, пересёк границу с Россией, доехал до Москвы, там мои родители связались уже с… со знакомыми из Москвы. Пока в России я жил в это время домой ко мне приходили с обыском, там конфисковали пару вещей: мой электронный пианино, штангу и ещё что-то, не помню, что, да, гитару, гитару. Вот… И приходили подруги, приходили и спрашивали, где я могу быть, где я, «дай телефон посмотреть». Ничего, телефон не дали, они ушли просто. И сказали, что я там к кому-то следователю там, [которого в карте выдавали (41:45)] там, типа, претензий не имеет и что я могу… если я не вернусь, то меня могут посадить, а так мне скорее всего штраф дадут. Но, у нас так-то на самом деле им верить нельзя, потому что они много могут говорить, но, как скажут, так и сделают. Они пользуются слухами, очень грязным методом. То есть, когда это провинциальный город, то они пользуются слухами прося распространять о человеке слухи, он вот уехал, у него там, допустим, был бар. Они его, грубо говоря, выгнали, потом бы говорили, что у него там еда была невкусная, там, он там отравил людей, что он там, наркотики там барыждавал (*распространял) и прочее, всякое могут на придумывать. И, последнее, что было, это то, что приходили уже к моим родителям и тоже у них спрашивали, где я могу быть, и родители отвечали также, как, когда участковый говорил нам 16-ое, то есть, 17-ое сентября говорил: «Он же совершеннолетний, не знаем. Может быть где угодно».

I: Что для тебя сложнее всего покидая страну?

T12: Покидая страну, это то, что… я понимаю, тут я могу съехать сейчас, притом в тот же Киев. Мне там дали немножко денег, когда в Киев ещё до [? (43:42)]. Я давно на самолётах не летал и тут прохожу паспортный контроль и там начинают что-то звонить и просто нервы играют, что вдруг сейчас выйдут и всё просто скрутят и всё. Были страхи.

I: Но, что было, знаешь, сложнее всего оставить в стране? С кем расстаться, может быть?

T12: По факту со всем. Это всё вместе и это неотделимо, потому что ты кидаешь всё, всё что у тебя было: друзей, родственников, тебе важные перспективы и так далее. Вещи, ты просто берёшь, чтобы вещи были, там, одежду хотя бы. Телефон понятно там, но… Сложно, очень сложно, потому что я, когда ещё ехал, уже до Москвы ехал, мимо Смоленска ехали, то мне приходит осознание, что это очень тяжело и…

I: Всё хорошо.

T12: что я был в полной растерянности. Всё нормально, эмоции просто, когда вспоминаешь.

I: Всё хорошо, если…

T12: Да знаю, всё хорошо.

I: Если хочешь плакать, всё хорошо, я понимаю это сложно.

T12: Да нет, да нет, всё хорошо, искупается всё. Ну, это так на самом деле сложно осознать, что, насколько это реально тяжело, пока это не происходит. В натуре не надо плакать.

I: Извини.

T12: Всё хорошо. Так бы, если бы нет, я бы скорее всего и не уехал. Я продолжал бы поддерживать какую-то районную активность, продолжал бы тоже что-то придумывать, что-то, что можно самому даже сделать, с друзьями, чтобы как-то повлиять.

- Так можно сказать, что не было никакой альтернативы не уезжать из страны?

T12: Ну тут, по факту, либо свобода, либо её не будет.

I: Когда ты был задержан, думал ли ты, что тоже самое может случится для твоих друзей, членов семьй?

T12: Конечно думал, что это может случиться с кем-то из моих родственников, с кем-то из моих друзей, что в итоге и случилось, его задержали на одной из акции. Но, оперативно… У него там были планы ещё по позже и просто… Я нашёл его девушку, которая была в курсе его планах, что [связалась с родственниками, чтобы они как бы решили, потому что он собирался переезжать, у него там сессия была и, просто эта помощь безвозмездная. Очень много на само деле помощи просто от белорусов, люди просто объединились и была та солидарность, что, когда я <...> с моими родителями общались, с моим папой связывался, связывались журналисты, чтобы я рассказал, ой, чтоб он рассказал, что я тогда был задержан. Потому у меня отец – он режиссёр и он снимал пару известных сериалов в странах, в известных странах СНГ и у него спрашивали [писали (49:19)] там комментарии и так далее.

I: Так, как я понимаю, твои родители не сталкивались репрессиями?

T12: Нет, они не сталкивались и не попали на радар силовиков. В какой-то степени я, когда вышел, узнал, что у меня оказывается был адвокат. Адвокат, которого наняли родители, а это люди просто с района какие-то, ну которых ни видел там и не знал, просто скинулись на адвоката мне. Хоть от адвоката было и мало в итоге толку, потому что его ко мне не впустили, но, всё равно.

I: Испытал ли ты какое то, ну как, давление с работы из-за своих политических взглядов?

T12: На работе я, когда работал ещё, отрабатывал после лицея, я знал, что у нас там где то кто-то бастует, но их быстренько схлопали. А сами организовать, там, где я был, это было, ну, сложно, потому что там объект был уже почти, ну, закрывалось там уже и, получается, было много моего возраста, тоже получается на отработке, мой одногруппник и мастер там молодой был, он старался организовывать это всё, но не выходило из-за того, что главный то должен был поддержать, а не как-то, ну, не собрались. И, как я знаю, что рабочие, которые в итоге вышли там и с начальником там своим, которые вышли всё-таки протестовать, что потом им дале по шапке. Дальше, я не знаю, как точно, что точно было и как, но то, что поставили их на место их всех, скорее всего под угрозами увольнения и тому подобного. Я пропускал пару дней, потому что после акции, которые были 9-ого, 10-ого, 11-ого августа, я просто в итоге не высыпался, потому что 9-ого, когда было 10-ого я просто пошёл на работу ещё с утра, потом опять на акцию допоздна, то есть, опять: спать, на работу, на акцию и в итоге в один момент я не смог стать на работу и спал. И вот из-за этого меня начали там: «Откуда мы знаем, где ты, может быть на Окрестина» мне говорили начальники и едь (*езжай), короче, в офис и разговаривай там с отделом кадров. Я такой: «Ну, я уже, заявление на увольнение написал, типа, я уже увольняюсь в конце месяца», в итоге сжалились и хорошо.

I: А когда ты начал участвовать в политических инициативах? После президентских выборов или ты, может, раньше занимался какими то, знаешь…

T12: Политической активностью и так далее.

I: Да, политической активностью.

T12: Митинги и раньше были, к сожалению, когда были другие подобные митинги, которые можно было хоть как-то сравнить, там в 10-ом, 10-ый, 11-ый год, когда произошёл теракт, то я был ещё маленький. Я, конечно, я видел это всё по телевизору, я понимал, что происходит, и родители объясняли, что это такое. И, если бы я был немножко постарше, хотя бы… да даже не немножко, хотя бы на лет пять, то возможно был бы я и участвовал в акциях, которые тогда были. Но так, участвовал в акциях, которые уже были летом 20-ого года, активно участвовал во всех акциях, которые были после выборов, вот.

I: Планируешь ли ты вернутся в Белоруссию и, как ты думаешь, чтобы надо, чтобы произошло, чтобы ты вернулся в страну? Одну минуту, извини.

T12: Да ничего, всё нормально.

I: Рассматриваешь ли ты возможность вернутся обратно в Беларусь? Что для этого должно произойти?

T12: Для этого должно смениться правительство, нелегитимного на легитимное, которое будет выборное, как минимум. И, чтоб можно было реально вернуться людям, которые были подвержены к репрессиям, потому что, если это не, как это правильно сказать, что не… вылетело из головы слово. Ну, короче, делать все эти процессы, которые были, не остановить их и не закроют дела. То есть, когда можно будет спокойно, безопасно вернутся в страну, тогда только и можно вернуться. Да этого момента это невозможно по окончанию срока действия дела.

I: Может, твоя семья планирует приехать в Литву?

T12: Да, и друзья планируют приехать. И друзья тоже мне… друг, который работает, он мне как-то помогал деньгами пока я был в Украине, чтоб купить покушать там.

I: Так впервые ты приехал в Россию, тогда из России ты…

T12: В Украину.

I: Можешь ли ты рассказать об этом процессе, когда ты ехал с России в Украину, как всё было? Ты не ехал, ты бежал через лес.

T12: Вот я бежал. У меня был ещё попутчик, сосед, с которым общаемся, живём в одном отеле. Ну, то есть, мы с ним получается этот путь вместе прошли в Украине. И… мы вместе поехали там в Белгород, переходили границу, где там деревушка была и, проста, посередине поля - озеро и просто бежишь и надеешься не встретить, чтоб тебя не увидели российские пограничники. Ну не знаю, конечно, ещё, что ждать от украинских, от российских было ещё страшнее, что, если тебя схватили российские, то тебя бы депортировали. Но, как мы потом узнали, что российские вообще стреляют. А украинцы, когда потом… мы получается переходили в пятницу, вроде, выпадало на выходные и чтоб нас оформлять, государственное учреждение – оно не работало и мы два дня пробыли в части пограничников. Нас там чисто допрашивали как, что нашли именно этот путь там. Но при этом нам там дали сразу чай, там бутерброды какие-то там нам сделали. Зная, как действуют наши, по крайней мере, примерно представляем, то такого бы не было. То есть, и потом, то есть нас кормили там, то есть, водили в душ, ну с нами… нам там поставили двухярусную кровать и так мы пробыли там до понедельников. Ещё раз повезли оформляться, там уже оформились, там на месте искали квартиры, в которых могли бы там

жить, пока искали нам там женщина одна помогала, которая работает в, получается в части. Помогала очень сильно, помогала искать квартиру, реально переживала за нас. И даже потом, когда мы уже нашли… Сначала мы снимали там по суткам, потом нашли более долгосрочный вариант и в один день там с утра стучат и: «Вам тут принесли». Ну там получается, как мотель такой был, отель, мотель, не знаю, как это правильно будет. Ну, короче, была комната и эта женщина в итоге нам передала картошки там, банки там, вроде, кабачок, что-то такое. Такое встретить от чужого человека, это приятно очень. Не всегда на такое рассчитываешь.

I: Что я хочу сказать, что, знаешь, у нас в Литве безопасно и я рада, что ты здесь сейчас.

T12: Спасибо.

I: Так хочешь ли ты что-то добавить к уже ранее сказанному?

T12: В принципе – нет, нечего добавить, я всё рассказал. Постарался как можно более полно рассказать.

Literatūros sąrašas

Andreeva, E. „Из беларуси утекли и мозги и руки., ‚Naviny http://naviny.by/rubrics/economic/2012/09/19, cituota iš Ikka Liikanen, James W. Scott ir Tiina Sotkasiira, The EU's Eastern Neighbourghood: Migration, borders and regional stability (New York: Routledge, 2016).

Ambrazhevich A.I, „Современные миграционные процессы в мире и Республике Беларусь" Белорусская наука (2012): 40-46.

Araya, Yonatan, „State fragility, displacement and development interventions" Forced Migration Review 43 (2013): 63-65.

Bergh Andreas, Mirkina, Irina, Nilsson, Therese, Pushed by poverty or by institutions? Determinants of global migration flows: IFN Working Paper 1077 (Stockholm: Research Institute of Industrial Economics (IFN), 2015).

Bergh, Andreas, Mirkina, Irina, Therese Nilsson, Pushed by poverty or by institutions? Determinants of global migration flows: IFN Working Paper 1077 (Stockholm: Research Institute of Industrial Economics (IFN), 2015).

Bertocchi, Graziella, Strozzi, Chiara, „International migration and the role of institutions" Public Choice 137 (1-2),(2008): 81-102, doi:10.1007/s11127-008-9314-x.

BNS, „Baltarusijoje sulaikyti keli „Grodno Azot" streikų komiteto nariai", LRT, žiūrėta 2022 balandžio 20 d., https://www.lrt.lt/naujienos/pasaulyje/6/1502029/baltarusijoje-sulaikyti-keli-grodno-azot-streiku-komiteto-nariai.

Bohra-Mishra, Pratikshya, Massey, Douglas„Individual decisions to migrate during civil conflict" Demography 48(2) (2011): 401-424, doi:10.1007/s13524-011-0016-5.

Byrne, Maureen, Determinants of forced migration: The varying effects of violence and economic conditions on Syrian refugee flight (Baltimore, MD: Johns Hopkins University, 2016).

Castles, Stephen, Miller, Mark, The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World (New York: The Guilford Press, 2003).

Clark, Ximena, J Hatton, Timothy, Williamson, Jeffrey G. „Explaining U.S. immigration 1971–1998" The Review of Economics and Statistics 89, 2 (2007): 359-373, doi:10.1162/rest.89.2.359.

Creswell, John W., Poth, Cheryl N., Qualitative inquiry and research design: choosing among five approaches (London: SAGE, 2018), 70-71.

Czaika, Mathias, Hobolth, Mogens, „Do restrictive asylum and visa policies increase irregular migration into Europe" European Union Politics 17, 3 (2016): 345-365, doi:10.1177/1465116516633299.Davenport,

Christina, Moore, Will ir Poe, Steven, „Sometimes you just have to leave: Domestic threats and forced migration, 1964–1989.“ International Interactions Vol. 29 (2003): 27-55, doi: 10.1080/03050620304597.

de Haas, Hein, „Turning the tide? Why development will not stop migration“ Development and Change 38 (2007): 819-841, doi:10.1111/j.1467-7660.2007.00435.x.

Dustmann, Christian, Okatenko, Anna, „Out-migration, wealth constraints, and the quality of local amenities“ Journal of Development Economics Vol. 110 (2014): 52-63, doi: 10.1016/ j.jdeveco.2014.05.008

Dustmann, Christian, Okatenko, Anna, „Out-migration, wealth constraints, and the quality of local amenities“ Journal of Development Economics Vol. 110 (2014): 52-63.

DW, „EU rejects Belarus presidential election result“, DW, žiūrėta 2022 kovo 30 d., https:// www.dw.com/en/eu-rejects-belarus-presidential-election-result/a-54622050

Europos Vadovų Taryba, Ribojamosios priemonės Baltarusijai, Briuselis, 2020, https:// www.consilium.europa.eu/lt/policies/sanctions/restrictive-measures-following-the-2020-belarus-presidential-elections/ (žiūrėta 2022 balandžio 2 d.).

Gaižauskaitė, Inga, Valavičienė, Natalija, Socialinių tyrimų metodai: kokybinis interviu (Vilnius: Mykolo Riomerio universitetas, 2016).

Gaižauskienė, Inga, Mikėnė, Svajonė, Socialinių tyrimų metodai: apklausa (Vilnius: Mykolo Romerio universitetas, 2014).

Galtung, Johan, „Violence, Peace, and Peace Research“ Journal of Peace Research Vol. 6(3) (1969), 167-191.

Garip, Filip, Asad, L. Asad, Mexico–US migration in time: From economic to social mechanisms (Working Paper 67). (Oxford: International Migration Institute (IMI), 2013).

Gilley, Bruce, „The Determinants of State Legitimacy: Results for 72 Countries“ International Political Science Review Vol. 27, No.1 (2006): 48.

Haas, Hein de „Turning the tide? Why development will not stop migration“ Development and Change 38 (2007): 819-841.

Human Rights Council, Situation of human rights in Belarus in the run-up to the 2020 presidential election and in its aftermath, 2022, 1-18, https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/ G22/276/97/PDF/G2227697.pdf?OpenElement.

Ibáñez, Ana María ir Vélez, Carlos Eduardo, „Civil Conflict and Forced Migration: The Micro Determinants and Welfare Losses of Displacement in Colombia“ World Development Vol. 36, 4 (2008): 659-676, doi: 10.1016/j.worlddev.2007.04.013.

International Organization for Migration, World Migration Report 2020, Geneva, 2020, https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (žiūrėta 2022 kovo 30 d.).

Amia Lieblich, Rivka Tuval-Mashiach, Tamar Zilber, Narrative research: Reading, analysis, and interpretation (New York: Sage Publications, Inc., 1998).

Luchenok, Alexander, Kolesnikova, Irina, „Vliianie migratsionnykh potokov na sotsial'no-ekonomitseskiepokazateli Belarusi", Luchenok, 2011, http://luchenok.blogspot.com/2011/09.

Makarevičiūtė, Austėja, Verdickas, Jurgis, Atsako į Europos migracijos krizę ir migracijos politikos pokyčių ES bei Lietuvoje 2015-2020 m. apžvalga, (Vilnius: Rytų Europos studijų centras, 2020), 14, https://www.eesc.lt/wp-content/uploads/2020/12/RESC-migracijos-politika.pdf.

Martin-Shields, Charles, Schraven, Benjamin, Angenendt, Steffen, More development – more migration? The „migration hump" and its significance for development policy co-operation with Sub-Saharan Africa, Briefing Paper (Bonn: German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE), 2017).

Massey, Douglas S., Arango, Joaquin, Hugo, Graeme, Kouaouci, Ali, Pellegrino, Adela ir Taylor, J. Edward, „Theories of International Migration: A Review and Appraisal" Population and Development Review Vol. 19(3) (1993).

Melander, Erik ir Öberg, Magnus, „Time to Go? Duration Dependence in Forced Migration" International Interactions Vol. 32, 2 (2006): 129-152, doi: 10.1080/03050620600574873.

Moore H. Will ir Shellman, Stephen, „Refugee or Internally Displaced Person?: To Where Should One Flee" Comparative Political Studies Vol. 39, 5 (2006): 599-622, doi: 10.1177/0010414005276457.

Ortega, Francesc ir Peri, Giovanni, The causes and effects of international migrations: Evidence from OECD countries 1980-2005 (Cambridge: National Bureau of Economic Research (NBER), 2009).

Poprawe, Marie, „On the relationship between corruption and migration: Empirical evidence from a gravity model of migration" Public Choice, 163(3) (2015): 337-354, doi:10.1007/s11127-015-0255-x.

Riessman, Kohler, Catherine, Narrative Methods for the Human Sciences (Boston: SAGE, 2008).

Rupšienė, Liudmila, Kokybinio tyrimo duomenų rinkimo metodologija, (Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2007).

Schapendonk, Joris, „Turbulent trajectories: African migrants on their way to the European Union" Societies 2(2) (2012): 27-41, doi:10.3390/soc2020027.

Schmeidl, Susanne, „Exploring the causes of forced migration: A pooled time-series analysis" Social Science Quarterly 78(2) (1997): 284-308.

Shymanovich, Gleb, Chubrik, Alexander, Predlozhenie rabochei sily v Belarusi: vyzovy dlia ekonomicheskoi politiki (Minsk: RDP, 2013).

Skėrytė, Jūratė, „Vidaus reikalų ministrė: apribojus prieglobsčio prašymų pateikimo vietas humanitarinis koridorius liks“, LRT, žiūrėta 2022 balandžio 12 d., https://www.lrt.lt/naujienos/lietuvoje/2/1466191/vidaus-reikalu-ministre-apribojus-prieglobscio-prasymu-pateikimo-vietas-humanitarinis-koridorius-liks

Spector-Mersel, Gabriela, „Special issue: Multiplicity and commonality in narrative interpretation“ Narrative works: issues, investigations & interventions 4(1) (2014): 12.

Van Hear, Nicholas, Brubaker, Rebecca ir Bressa, Thais, „Managing mobility for human development: The growing salience of mixed migration“ Human Development Research Paper (2009).

Vogler, Michael, Rotte, Ralph, „The effects of development on migration: Theoretical issues and new empirical evidence“ Journal of Population Economics 13 (2000): 485-508, doi: 10.1007/s001480050148.

Žibas, Karolis, „Baltarusiai, rusai ir ukrainiečiai Lietuvoje: nuo imigrantų iki ateities piliečių“ Etniškumo studijos Nr. 1/2 (2012): 145-177.

Žibas, Karolis, Kinų ir turkų imigrantai Lietuvoje (Vilnius: Lietuvos socialinių tyrimų centras, 2014).

Zwick Syed, Hélène, „Narrative analysis of Syrians, South Sudanese and Libyans transiting in Egypt: a motivation-opportunity-ability approach“ Journal of Ethnic and Migration Studies (2020): 2223-2244.

Summary

Among the researchers on migration processes it is widely believed that Belarusian migration is closely linked to economical motives. However, the unprecedented repression that followed Belarusian presidential election in 2020 increased the need for Belarusian political asylum in Lithuania. These events challenges established interpretation of Belarusian migration as economical. The study is based on the assumption that the motives for migration can be multilayered, including the quality of institutions, threats to personal security, the economy, and migration networks. This study aims to clarify migration motives of Belarusians who migrated to Lithuania after Belarusian election in 2020. For this purpose, the study uses holistic narrative analysis.

The study reveales that the main motives for Belarusian migration to Lithuania after 2020 were violence and threats to personal security. Meanwhile, their decision on the destination country country was influenced by better quality of the institutions, higher living standards and migration networks.